

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 10 2022 г.

АДРЕС СЧАСТЬЯ: СИБИРЬ!

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

10 (580) 2022

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, генеральный директор «Солар Системс»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, Новосибирск; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслев**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгён Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, general manager Solar System; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Novosibirsk; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology.); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Палитра цвета экономики
во времени и пространстве

Тема номера: Адрес счастья: Сибирь!

- 8 БАЛАБИН А.А.
Зеленые финансы –
проблемы классификации
- 27 ЦИУВАЛАС А.,
РАСПОТНИК А.
Определение «голубой экономики»
в контексте арктического
рыболовства и аквакультуры:
международный опыт
- 56 БУЧИНСКАЯ О.Н.
Консенсус Уолл-Стрит
как препятствие для эффективности
зеленого перехода

ВЕРШИНЫ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 72 КЛИСТОРИН В.И.
Абел Гезевич Аганбегян:
создатель современной
экономической науки в Сибири

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 90 ЛАВРОВСКИЙ Б.Л.
Новые глобальные игроки:
истоки ускорения и замедления
(эмпирические наблюдения)

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 110 ВОЛЬЧИК В.В.,
ЦЫГАНКОВ С.С.,
МАСКАЕВ А.И.
Формальные институты
российской инновационной системы
в свете нарративной экономики

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

- 129 ГОРДЯЧКОВА О.В.,
КАЛАВРИЙ Т.В.
Промышленное освоение Арктики
VS традиционный образ жизни:
опыт управления социально-
экономическим развитием
в Республике Саха (Якутия)

ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

- 148 АЛФЕРОВА Т.В.
Локализация целей
устойчивого развития
на примере регионов Приволжского
и Уральского федеральных округов

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 168 РАГОЗИН А.В.,
СТРОЕВ П.В.,
ГРИШИН В.В.
Эволюция системы
финансирования здравоохранения
от Бисмарка к Файге
- 185 ЕРШОВ Ю.С.
Так ли велико отставание
российских расходов
на здравоохранение
от американских?

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 The Color Palette of the Economy
in Time and Space

Cover story:

The Address of Happiness: Siberia!

- 8 BALABIN, A.A.
Green Finance - Problems
of Classification
- 27 TSIIOVALAS, A.,
RASPOТNIK, A.
Defining the Blue Economy in an Arctic
Fisheries and Aquaculture Context:
Insights from International Experience
- 56 BUCHINSKAYA, O.N.
The Wall Street Consensus
as an Obstacle to the Effectiveness
of the Green Transition

PINNACLES OF SCIENCE

- 72 KLISTORIN, V.I.
Abel Gezevich Aganbegyan:
a Creator of Modern Economic Science
in Siberia

INVESTMENT POLICY

- 90 LAVROVSKII, B.L.
New Global Players:
The Origins of Acceleration
and Deceleration
(Empirical Observations)

INNOVATION POLICIES

- 110 VOLCHIK, V.V.,
TSYGANKOV, S.S.,
MASKAEV, A.I.
Formal Institutions of the Russian
Innovation System in the Light
of Narrative Economics

DEVELOPEMENT OF THE NORTH AND THE ARCTIC

- 129 GORDYACHKOVA, O.V.,
KALAVRIY, T.Yu.
Industrial Development of the Arctic VS
Traditional Way of Life:
Experience of Managing
Socio-Economic Development
in the Republic of Sakha (Yakutia)

ECOLOGY AND ECONOMY

- 148 ALFEROVA, T.V.
Localization of the Sustainable
Development Goals in the Volga
and Ural Federal Districts

DEBATES

- 168 RAGOZIN, A.V.,
STROEV, P.V.,
GRISHIN, V.V.
The Evolution of Health Care Financing
from Bismarck to Feige:
Automated Payment
Transaction Tax as an Alternative
to Social Production Taxation
- 185 ERSHOV, Yu.S.
Is the Gap between
Russian and U.S. Health Care
Spending That Big?

Палитра цвета экономики во времени и пространстве

Хозяйственная деятельность имеет множество метрик и характеристик, роль и значение которых меняются во времени и пространстве. Одной из них с недавних пор стала цветовая метрика. На начальном этапе развития хозяйственной деятельности она была, скорее всего, бесцветной или нейтральной, что означало наличие определенного равновесия цветов. Здесь можно привести аналогию с обычным прозрачным (белым) цветом, который является комбинацией множества цветов, взаимно уравновешивающих друг друга. С развитием индустриализации в палитре хозяйственной деятельности все больше стали доминировать темные оттенки. Главным образом – черный и коричневый, напрямую ассоциируемые с выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, водные бассейны и на ландшафт.

На первых порах осознание опасности этих изменений (прежде всего, с точки зрения нанесения вреда здоровью человека) привело не столько к выработке и попыткам реализации кардинальных и глобальных по своим последствиям шагов и мер по их нейтрализации, сколько к интенсивному перемещению «почерневших» и «покоричневевших» видов деятельности на другие территории и в другие страны.

Со временем, по мере исчерпания балансирующей способности природной среды возникла необходимость формирования глобальной повестки борьбы с этими процессами. На этой волне возникли и стали развиваться разного рода подходы к формированию моделей устойчивого развития – как в экологическом, так и социально-экономическом контекстах.

Увы, первоначальные модельные, обобщенные соображения не позволили выйти на реалистичные практически значимые результаты – мир не стал более устойчивым. Это касается как экологии, так и социально-экономической динамики – по-прежнему имеет место и нарастает колоссальное неравенство стран и целых континентов, мир в целом поступательно и, более того, ускоренно смещается в сторону темного спектра цветовой палитры.

Именно по этой причине появились сначала Парижское соглашение, а затем и все последующие низкоуглеродные решения и инициативы.

Осознание опасности, которая грозит человеческой цивилизации и вследствие изменения климата, и по причине общего ухудшения природной среды под влиянием деструктивного антропогенного воздействия, было, пожалуй, наиболее простым этапом. Гораздо сложнее выработать и реализовать скоординированные и взаимоприемлемые меры как разными странами, так и различными участниками процесса «нормализации палитры». Для настоящего этапа характерны, с одной стороны, «незавершенность» процесса классификации «зеленых» видов деятельности (статья А. А. Балабина), с другой – сохраняющаяся (несмотря на всю остроту ситуации) ориентация на достижение прибыли от «зеленых проектов» со стороны транснациональных компаний и институциональных инвесторов (статья О. Н. Бучинской).

Нельзя не видеть, что «старый добрый подход» начального периода осознания «потемнения» цветовой палитры живуч и весьма устойчив. Его отличает стремление развитых индустриальных стран, реализующих собственные стратегии декарбонизации экономики, к перенесению части своего бремени на государства, находящиеся в неблагоприятных экологических условиях и имеющих гораздо менее значительный экономический потенциал для решения поставленных задач.

Можно ли преодолеть данный «синдром» временного и пространственного дисбаланса цветной палитры в экономике сегодня и в современных обществах?

Да, вполне. В основе успешности не только следование общим согласованным принципам, но также и гибкий учет особенностей различных стран и территорий. Последние могут быть обусловлены не только природными факторами и характеристиками, но как предысторией экономического развития, так и системой административно-территориального устройства той или иной страны. Примером взвешенного и сбалансированного подхода к анализу и самой палитры цвета, и мер по ее улучшению (в направлении усиления ее «голубизны») является развитие арктического рыболовства и аквакультуры (статья А. Циуваласа и А. Распотника). Важнейший фактор успеха системы, направленной на выравнивание цветового баланса, является ее тесная

связь не только с экономикой и экологией, но также и с устойчивостью социальных сообществ на той или иной территории. Последняя предполагает обязательный учет культурных и исторических особенностей развития территории, а также научно обоснованный подход к управлению процессами достижения декларируемых целей.

Отметить данное обстоятельство именно в настоящем номере у журнала «ЭКО» есть особая причина – юбилей основателя журнала и одного из основоположников научного системного подхода управления социально-экономическими процессами в нашей стране и в Сибири – академика Абела Гезевича Аганбегяна. Значительный период научной и практической деятельности Абела Гезевича связан с Сибирью, Сибирским отделением Академии наук, Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН и основанным им журналом «ЭКО».

Один из важнейших принципов, которому всегда следовал и продолжает следовать Абел Гезевич, – создание научно обоснованных систем управления невозможно вне погружения в реальную экономическую действительность. Толчком к закреплению этого очевидного, казалось бы, подхода к решению управленческих задач послужил случай из его опыта работы в «Госкомтруде» в 1950-е годы: один ведущих специалистов, возражавших против повышения тарифных ставок шахтерам, после того, как ему самому довелось спуститься в шахту и увидеть, что из себя представляет работа в забое, немедленно пересмотрел свою позицию.

В дальнейшем неперенное погружение в действительность наряду с использованием современного экономико-математического инструментария стало одним из краеугольных камней системного подхода к решению самых разных задач социально-экономического развития страны и, прежде всего, Сибири.

Абелу Гезевичу довелось неоднократно бывать на всех важнейших объектах, создававшихся на этой обширной территории на протяжении более чем полувека. Вопросы устойчивого социально-экономического развития и Сибири, и ее отдельных регионов постоянно поднимались и отстаивались и им самим, и его единомышленниками. Несмотря на сложности, проистекавшие от непонимания, а порой – и откровенного неприятия своих идей и подходов, направленных на формирование основы

устойчивого социально-экономического развития страны и ее восточных регионов, тот период работы иначе, как «Адрес счастья: Сибирь!», Абел Гезевич не определяет. В основу легла надпись, увиденная им на одном из домов в Дивногорске, городе строителей Красноярской ГЭС.

Спасибо Вам, уважаемый Абел Гезевич, за последовательность в отстаивании и продвижении в жизнь принципов создания и поддержания сбалансированной, социально-ориентированной цветовой палитры отечественной экономики. Вами и Вашими коллегами основы разработаны – дело за конкретным и практическим воплощением. Как и с какой успешностью? – «Нелегко, читай “ЭКО”!»

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Зеленые финансы – проблемы классификации

А.А. БАЛАБИН, кандидат экономических наук

E-mail: balabin-a-a@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1327–7677

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Аннотация. Рассматриваются вопросы классификации «зеленых» видов деятельности и соответствующих им «зеленых финансов». Установлено, что принятые в настоящее время классификации (таксономии) «зеленых» видов деятельности носят незавершенный характер и имеют существенные страновые различия. В силу этого имеющиеся оценки потребности в «зеленых» финансах/инвестициях носят весьма приближенный характер. Не ясна роль многих финансовых институтов и операций в «зеленом» инвестировании. Не завершена дискуссия относительно необходимости специальной «зеленой» маркировки финансовых инструментов. Эти вопросы становятся значимыми в контексте международной деятельности компаний, вне зависимости от географии их расположения и рынков сбыта. Автор считает нецелесообразным в современной общеполитической и общеэкономической ситуации стремиться к доработке «зеленого» законодательства России, подстраиваясь под «сырые» нормативные акты зарубежных стран и международных союзов. Однако это не означает, что не должны выполняться национальные цели по переходу на наилучшие доступные технологии, способствующие экономии природных ресурсов и защите окружающей среды.

Ключевые слова: зеленые финансы; зеленые инвестиции; зеленое законодательство; таксономия; углеродная нейтральность; верификация зеленых финансов

«Как вы яхту назовете, так она и поплывет».

Песенка из мультфильма

Важной чертой современного этапа развития общества стало стремление к устойчивому развитию, цели которого были закреплены ООН в 2012 г. В силу различных причин одна из этих целей, а именно «борьба с изменением климата», стала в последние годы превалирующей в связи с исследованиями экологов, климатологов, метеорологов, объединенных под эгидой Межправительственной группы экспертов по изменению климата (*Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC*). Эта организация была создана ООН для оценки риска изменения климата, вызванного техногенными факторами. Несмотря на то, что теория, связывающая потепление климата с действиями человека, остается не до конца доказанной и не разделяется всеми

исследователями¹, она стала весьма популярна среди политиков, общественных деятелей, широких слоев населения (особенно у молодежи), активно распространяется средствами массовой информации.

Может показаться, что фундаментальные общественно-политические изменения и военное противостояние, возникшие в феврале – марте 2022 г. между нашей страной и рядом западных государств, отодвигают на второй план необходимость рационального расходования и систематического возобновления природных ресурсов, очистки от загрязнений и защиты окружающей среды, сохранения биоразнообразия и т.п. Это, безусловно, не так. Наоборот, искусственно созданные ограничения в доступе к различным ресурсам и технологиям чрезвычайно обостряют проблему рационального использования имеющихся природных богатств, как в нашей стране, так и за рубежом.

Провозглашенный ЕС ускоренный отказ от экспорта нефти и газа из России, сопровождаемый призывами к населению ограничить себя в потреблении энергии, не только не противоречит стратегическим целям в области сохранения климата, но и прямо содействует их достижению. Что касается отечественных компаний, то при перераспределении экспортных потоков в Китай, Индию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона им всё равно придется доказывать «экологическую чистоту» своей продукции, поскольку и эти страны уже включаются в глобальные процессы сохранения окружающей среды.

Можно назвать две непосредственные причины, вызывающие всеобщую озабоченность компаний по поводу зеленого статуса производимой ими продукции и инвестиций. Во-первых, это предстоящее введение в 2026 г. налога на углеродные выбросы, который будет на первых порах взиматься с импортируемых в ЕС товаров, а с 2035 г. – и со всех производителей внутри ЕС. Избежать этих дополнительных издержек можно, только доказав нейтральный углеродный статус производимой продукции, включая предыдущие переделы. А вторая (и сейчас основная) причина стремления к углеродной нейтральности – резко возросшие в 2021–2022 гг. цены на все виды ресурсов, в первую

¹ См., например: *Ивантер А.* Климатическую религию – на службу прогрессу // Эксперт. 2021. № 45. С. 49–52.

очередь энергетических. Рост цен сам по себе, даже без законодательного и административного нажима, делает выгодным использование прежде слишком дорогих ресурсосберегающих технологий, вторичного сырья и возобновляемых источников энергии. С учетом высоких цен, скорее всего, даже не потребуются вводить повышенное налогообложение выбросов.

Доказательство статуса углеродной нейтральности будет (по крайней мере, теоретически) означать успешное функционирование бизнеса в будущем, и, следовательно, устойчивые доходы как самого предприятия, так и его собственников, инвесторов и кредиторов.

Подчеркнем также, что сложности современной международной общественно-политической ситуации не отменяют необходимости рационального использования ресурсов и оздоровления окружающей среды в своей стране. Образно говоря, дождливая погода не является основанием для отмены уборки в доме, наоборот, она должна стать обязательной и ежедневной.

Среди всех видов необходимых ресурсов можно выделить один, наиболее универсальный – денежные средства (финансы), направляемые на развитие. В настоящей статье рассматриваются нерешенные проблемы классификации и верификации видов деятельности/проектов и соответствующих источников финансовых ресурсов, направляемых на устойчивое развитие², и в частности на «обезуглероживание» экономической деятельности.

Договоримся об определениях?

Вопрос о дефинициях пока остается едва ли не ключевым в развертывании финансирования природоохранных мероприятий. В настоящее время уже стали привычными цветные метки для видов деятельности, способствующих снижению выбросов парниковых газов (зеленые) или же продолжающих активно выделять таковые (коричневые). В зарубежной литературе цветные обозначения приводятся уже без кавычек, в нижеследующем тексте кавычки также опущены и используются исключительно для обозначения соответствия/несоответствия внедряемых

² Далее в этом тексте эпитет «устойчивый» будет использоваться только как характеристика соответствия процесса или явления целям устойчивого развития ООН.

решений, процессов, технологий целям сдерживания потепления климата³.

В самом общем смысле зеленые инвестиции обозначают денежные средства, вложение которых призвано предотвращать или смягчать последствия глобального потепления, а также адаптировать деятельность человека в условиях изменения климата. Даже такое обобщенное определение уже указывает на то, что зеленые инвестиции не охватывают все цели устойчивого развития. Остаются «неохваченными» вложения, обеспечивающие переход к устойчивому развитию (условно говоря, «переходные»), и инвестиции, направляемые на решение общегуманитарных и социальных проблем («социальные»).

В настоящее время накоплен немалый эмпирический материал в связи с инвестированием зеленых проектов (см., например [Finne et al., 2021; Blake, Moynihan, 2021]). Однако при всем богатстве примеров до сих пор не выработано общепринятого определения зеленых инвестиций [Коданева, 2020а. С. 71]. По образному выражению авторов одной из работ [Sarker et al., 2021. Р. 6], «в настоящее время можно с одинаковым успехом доказать, что выпускается 90% зеленых на 10% коричневых облигаций, или же, исходя из других критериев, что соотношение равно 80% коричневых на 20% зеленых».

Некоторая часть исследований касается роли государства в построении зеленой экономики [Energy Growth., 2022; Коданева, 2020b], однако и тут возникают затруднения с терминологией – практически в каждой стране применяются свои классификации, разнообразные и специфические способы управления и финансирования деятельности, направленной на смягчение негативного влияния человека на природу.

Переход от коричневого настоящего к зеленому будущему заключается в достижении равенства выбросов и поглощения парниковых газов, иначе говоря – углеродной нейтральности (цель для краткости обозначается net zero, «чистый ноль»).

³ Для обозначения проектов в области охраны водных ресурсов зачастую используется цветное обозначение «голубой». В данной статье эта цветовая метка не используется, поскольку по смыслу она совпадает с «зеленой» меткой на шусе. «Голубая» метка также применяется в частном случае – для условного обозначения водорода, полученного из нефти и газа с улавливанием выделяющейся при этом углекислоты, это частное направление деятельности в статье не рассматривается.

Страны идут к этой цели с разными темпами. Например, Европейский союз наметил достичь «чистого нуля» к 2050 г.⁴, а промежуточного рубежа (снижения выбросов углекислого газа на 55% по сравнению с 1990 г.) – к 2030 г.⁵ Российская стратегия⁶ определяет меры по обеспечению к 2030 г. сокращения выбросов парниковых газов до 70% относительно уровня 1990 г. (при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития страны), а также направления и меры развития с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 г. На Конференции ООН по изменению климата (COP-26), прошедшей в Глазго в 2021 г., было заявлено о стремлении России достичь «чистого нуля» не позднее 2060 г.⁷

Задача по управлению объектом или процессом решается только при условии надежного и систематического измерения. По отношению к зеленым инвестициям это означает четкое отделение зеленых финансов от всех прочих. Как правило, это происходит путем выделения соответствующих объектов инвестирования, то есть определения зеленых отраслей, технологий, проектов.

Как раз насчет квалификации объектов по степени их «озеленения» в мире пока не сложилось (и даже не намечается) единого образа. Автор обзорной статьи [Tandon, 2021. P. 9] насчитал 12 действующих нормативных документов (государственные акты Японии, Сингапура, Малайзии, России, ЕС, руководств и рекомендаций ЕБРР, Climate Bonds Initiative, International Capital Markets Association, Research Institute for Environmental Finance Japan, AXA Investment Managers, DBS), а также 39 финансовых

⁴ The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, Council, the European economic and social committee and the Committee of the Regions, COM/2019/640 final, Brussels, 11.12.2019.

⁵ 'Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality. Communication from the Commission to the European Parliament, Council, the European economic and social committee and the Committee of the Regions COM(2021) 550 final, Brussels, 14.7.2021. Отметим, что скоропалительное политическое решение Еврокомиссии об ускоренном отказе от использования российских энергоресурсов, принятое на волне западных санкций в марте 2022 г., юридически зафиксировано как изменения и дополнения к данному документу «о климатической нейтральности».

⁶ Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р).

⁷ Березина Е. Россия может достичь углеродной нейтральности ранее 2060 года // Российская газета. 2021. 10 нояб.

инструментов, которые так или иначе связаны с переходом к «чистому нулю». Но, как это всегда бывает на первых порах, упомянутые документы существенно расходятся в дефинициях.

Ключевое место в нормативных и рекомендательных актах занимают таксономии – правила и соответствующие классификации, призванные более-менее четко отделить зеленые виды деятельности от коричневых. На сегодняшний день наиболее комплексно и подробно вопросы классификации рассмотрены в таксономии Европейского союза⁸.

Таксономические проблемы ЕС

Таксономия основана на рекомендациях созданной в 2018 г. Группы технических экспертов по устойчивому финансированию (TEG), которая включает представителей различных заинтересованных сторон из частного и государственного секторов. Финальный отчет TEG вышел в марте 2020 г. [Тахоному, 2021].

Отметим, что проект официальной таксономии был встречен весьма неоднозначно членами ЕС. Представители стран, эксперты, члены Еврокомиссии и Европарламента собирались четырежды с декабря 2020 г. по март 2021 г. Главной темой обсуждения были реальные энергетические проблемы, которые создает таксономия для экономического развития и решения социальных задач буквально во всех европейских государствах.

Для смягчения противоречий чуть позже был принят документ, который зафиксировал намерения Еврокомиссии по дополнительным финансовым мерам поддержки в период зеленого перехода малообеспеченных граждан, малого и среднего бизнеса, молодежи⁹.

Охарактеризуем принятую в итоге таксономию. Документ принят как подзаконный акт (*delegated regulation*) Еврокомиссии,

⁸ COMMISSION DELEGATED REGULATION (EU) .../... supplementing Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council by establishing the technical screening criteria for determining the conditions under which an economic activity qualifies as contributing substantially to climate change mitigation or climate change adaptation and for determining whether that economic activity causes no significant harm to any of the other environmental objectives C/2021/2800 final, of 04.06.2021.

⁹ Strategy for Financing the Transition to a Sustainable Economy. Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions Empty, COM(2021) 390 final, Strasbourg, 06.07.2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0390> (accessed 26.12.2021).

которая, как известно, выполняет функции правительства ЕС. Цель таксономии – установить единые технические критерии для европейских компаний и инвесторов в отношении видов экономической деятельности, которые можно считать 1) экологически устойчивыми или 2) смягчающими последствия негативного изменения климата. При этом они не должны наносить существенного ущерба другим экологическим целям и обязаны осуществляться в соответствии с минимальными социальными гарантиями (правда, социальные гарантии обозначены расплывчато – ссылкой на рекомендации Руководящих принципов в области бизнеса и прав человека ООН и конвенций МОТ, не имеющие прямого действия).

Ключевую роль в таксономии ЕС играют два приложения технических критериев для определения условий, при которых экономическая деятельность квалифицируется как вносящая существенный вклад а) в смягчение последствий изменения климата и б) в адаптацию к изменению климата.

Для начала следует сказать, что в своем нынешнем виде таксономия фактически подменяет широкое понятие устойчивого развития более узким понятием защиты от потепления климата и выделяет лишь те виды деятельности, которые снижают углеродные выбросы. Все прочие цели устойчивого развития остаются пока «за кадром».

Выделяются не только зеленые виды деятельности, но и промежуточные, которые, не будучи сами по себе зелеными, способствуют адаптации к «озеленению». Некоторые виды деятельности попали в оба приложения, тем самым признается, что внутри укрупненного вида деятельности одни активности вносят существенный вклад, а другие лишь способствуют адаптации. К примеру, производство водорода вносит значительный вклад в смягчение последствий климата, если на протяжении жизненного цикла его использования выбросы парниковых газов по сравнению с условным углеводородным топливом сокращаются более чем на 73,4% (прил. 1 таксономии ЕС, п. 3.10). Прочие «водородные» производства просто способствуют адаптации (прил. 2 таксономии ЕС, п. 3.10). Причем в обоих случаях производство водорода должно удовлетворять принципу «отсутствие значимых побочных эффектов на окружающую среду»

(*do no ignificant harm*, DNSH), объяснение этого принципа дано отдельным приложением.

Аналогично «расписаны» многие другие виды деятельности, которые до сих пор целиком считались экологически чистыми (лесное хозяйство, гидро-, солнечная и ветряная генерация электроэнергии, производство биотоплива и др.). То есть косвенно признается, что сами по себе и низкоуглеродные, и адаптационные технологии могут наносить вред окружающей среде, мешать друг другу, и даже нарушать принцип *DNSH*.

Закономерно в приложениях 1 и 2 отсутствуют отрасли, добывающие ископаемое углеродное топливо.

Теперь скажем о том, чего не хватает в таксономии ЕС.

Отсутствуют критерии определения экологичности разных видов сельскохозяйственной деятельности, которая является одним из крупнейших источников парниковых газов. Равным образом таксономия не рассматривает атомную и газовую электрогенерацию¹⁰. Сильно усложненными и дорогими оказались критерии отнесения к зеленым видам деятельности лесоводства, очевидно, что таксономические признаки в этой сфере будут пересматриваться.

Помимо вышеуказанного, Еврокомиссия собирается рассмотреть варианты расширения рамок таксономии за пределы экологически устойчивых видов деятельности, чтобы иметь возможность признавать полезными виды деятельности со средним уровнем экологических показателей.

Была обещана (но пока не осуществлена) публикация документа ЕС с описанием подходов, которые позволяют выделить виды экономической деятельности, не оказывающие существенного влияния на экологическую устойчивость, и те, что значительно нарушают эту устойчивость.

Пока отсутствуют технические критерии классификации зеленых и адаптационных технологий для четырех экологических целей: использование гидроресурсов, циркулярных (замкнутых)

¹⁰ Ко времени написания данной статьи Еврокомиссия представила 02.02.2022 г. проект включения в таксономию газовой и атомной энергетики. Их предлагается также отнести к адаптационным видам деятельности, но только до достижения «чистого нуля» в 2050 г. Также предполагается ввести особые требования к публичному раскрытию информации по этим видам деятельности. Источник: *Лакстыгал И., Волобуев А.* После энергокризиса 2021 года Европа причислила газ и уран к зеленой энергетике // *Ведомости.* 2022. 2 февр.

экономических систем, предотвращение загрязнения окружающей среды и поддержание биоразнообразия. Между тем включение их в официальную таксономию помогло бы выделить инвестиции, направляемые на экологическую устойчивость, но уже не связанные непосредственно с потенциальными негативными климатическими изменениями.

Отметим, что в рассмотренных таксономиях речь идет именно о зеленых видах деятельности, а не об инвестициях в них. Вопросы о квалификации зеленых, «адаптационных», «промежуточных» инвестиций, определения допустимых и возможных видов финансовых инструментов до сих пор не решены. Вообще говоря, таксономия ЕС не налагает никаких обязательств на инвесторов вкладывать средства только в те виды экономической деятельности, которые соответствуют ее критериям. Инвесторам предлагается руководствоваться общим определением устойчивого финансирования, которое предполагает должный учет климатических, экологических и социальных соображений при принятии инвестиционных решений.

Таксономия ЕС вступила в действие 1 января 2022 г., она будет дорабатываться не реже одного раза в три года.

Отметим, что классификация зеленых видов деятельности образует необходимое условие для последующего выделения соответствующих зеленых инвестиций. Однако этого явно мало для адекватного обособления, поскольку развитие даже самых зеленых видов деятельности неизбежно будет сопровождаться перестройкой и инвестированием сопряженных отраслей, которые могут оказаться недостаточно зелеными или даже коричневыми. Образно говоря, любые зеленые инвестиции почти наверняка будут иметь коричневатый оттенок.

Проблема измерения зеленых инвестиций

Вторым краеугольным камнем для определения объемов и эффектов зеленого финансирования является проблема их измерения и последующего анализа. Она естественным образом привязана к принятой на национальном и (или) международном уровне таксономии. В Евросоюзе требования к раскрытию информации включают обнародование сведений о влиянии деятельности компаний на окружающую среду и общество, а также деловых и финансовых рисках, обусловленных

внутрикорпоративными рисками в области устойчивого развития (концепция *double materiality*).

В связи с этим Еврокомиссия приняла дополнения в нормативный документ, определяющий информацию, подлежащую раскрытию финансовыми и нефинансовыми компаниями относительно их экологических показателей на основе таксономии¹¹. Указанные изменения – временные, поскольку исходный документ посвящен составлению годовой *финансовой* отчетности, а новые экологические требования, вообще говоря, таковой не являются. Предполагается, что методология составления нефинансовых зеленых отчетов и их раскрытия будет перенесена в отдельный акт, *Corporate Sustainability Reporting Directive (CSRD)*. Этот документ ещё находится в стадии межгосударственных переговоров; ожидается, что он будет введен в действие с 2023 г. Отметим, что разрабатываемые требования пока не касаются малого и среднего бизнеса – а это существенная часть экономики многих стран [He et al., 2019a, 2019b]. Необременительные правила для МСБ еще только предстоит разработать.

Также должны быть дополнены рекомендациями по раскрытию информации в области устойчивого развития нормативные документы, регулирующие деятельность инвестиционных и страховых компаний¹².

ЕС занял вполне определенную позицию по отнесению финансовых затрат к зеленым. В частности, сюда можно отнести текущие и капитальные затраты, т.е. правильнее говорить не о зеленых инвестициях, а о зеленых финансах. Однако многие вопросы финансирования все же остались за кадром. Например, если одна компания приобретает другую, зеленую, считать ли уплаченную сумму зелеными инвестициями? Можно ли считать зелеными денежные средства, занятые компанией на фондовом рынке и направленные на погашение зеленого кредита (т.е. на рефинансирование долга)? Могут ли быть зелеными опционы,

¹¹ Дополнение от 6 июля 2021 г. Директивы № 2013/34/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС «О годовой финансовой отчетности, консолидированной финансовой отчетности и связанных с ними отчетах некоторых типов компаний», которое касается экологически устойчивой экономической деятельности.

¹² Commission Delegated Regulation (EU) 2017/565 of 25 April 2016 регулирует организационные требования и условия работы инвестиционных компаний; Commission Delegated Regulation (EU) 2017/2359 of 21 September 2017 регулирует правила ведения страхового бизнеса по распространению инвестиционных продуктов.

фьючерсы, сложноструктурированные продукты? Таких вопросов множество, они решаются по-разному (или вовсе не решаются) в разных таксономиях.

Дискуссионным остается вопрос об отнесении к зеленым инвестиций, по которым заранее не были обозначены конкретные цели вложений. Далеко не всегда вновь организованная компания или фонд могут предложить конкретный проект или портфель проектов по зеленой тематике. Считать ли полученные на начальном этапе денежные средства зелеными инвестициями? Характерным примером является Банк Китая, который разместил уже шесть выпусков зеленых облигаций (объем в обращении около 2,16 трлн долл. США¹³) без указания конкретных проектов, на которые они расходуются. Это, по мнению некоторых экспертов, противоречит и таксономии ЕС, и рекомендациям *International Capital Market Association (ICMA)*¹⁴.

С учетом указанных сроков внедрения обязательной отчетности в ЕС, более или менее надежные, рассчитанные на единой методологической базе показатели объемов и структуры зеленых финансов в Европе появятся не раньше 2023 г., а динамику этих показателей можно будет отследить начиная с 2025 г.

Что касается других юрисдикций, то там зеленая отчетность ещё не стала обязательной, она готовится и публикуется на добровольной основе. В связи с этим нужно относиться с известной осторожностью к суммирующим показателям зеленых финансов, которые публикуются различными экспертными и аналитическими организациями, поскольку они получены на разной методологической основе.

В качестве повышения интереса инвесторов к проблематике устойчивого развития приводят данные об ускоренном росте биржевой капитализации зеленых компаний. Например, значение биржевого индекса *Dow Jones Sustainability World Index*, в который входят 323 компании (включая две российские), за 2021 г. выросло на 20%. Однако, если изучить состав индекса, то среди компаний, включенных в его расчет, обнаружатся ИТ-гиганты *Microsoft* и *Alphabet* (бывший *Google*), показавшие за тот же период

¹³ Сообщение агентства Синьхуа от 13.11.2021 г. URL: http://russian.news.cn/2021-11/13/c_1310307649.htm (дата обращения: 03.02.2022).

¹⁴ Transition Bonds – The Great Controversy/ESG Focus, 23.06.2021.

прирост капитализации в 43% и 60% соответственно¹⁵. Сомнительно, что биржевые игроки, покупая акции *Google*, сильно задумывались о том, какой вклад эта компания вносит в устойчивое климатическое будущее.

Еще один пример важности единообразного понимания и применения классификаций дает сравнение данных о выпуске российских зеленых облигаций. По состоянию на 28 декабря 2020 г. в реестр зеленых облигаций *INFRAGREEN* включены шесть облигационных выпусков шести российских эмитентов, суммарный объем которых составляет около 186 млрд руб. [Бик и др., 2021. С. 10]. В то же время Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ «засчитала» в качестве зеленого лишь один выпуск на сумму 100 млрд руб.¹⁶ И дело тут не в допущенных ошибках, а в различиях методологии признания облигаций зелеными.

Вышесказанное в полной мере относится к оценкам совокупной суммы будущих вложений, необходимых для перехода к «чистому нулю». К примеру, аналитики консалтинговой компании *McKinsey* [Krishnan et al., 2022. P. 4] считают, что глобальная энергетическая трансформация и переход на зеленую энергетику потребуют около 275 трлн долл. США. По их мнению, в среднем нужно тратить 9,2 трлн долл. в год, чтобы достичь «чистого нуля» к 2050 г. (для сравнения: в последнее время ежегодная сумма мировых инвестиций оценивается приблизительно в 6,5 трлн долл.). Эксперты Всемирного экономического форума приводят оценку в 50 трлн долл. на период до 2050 г. [Blake, Moynihan, 2021. P. 4]. Уже из разброса оценок уважаемых экспертов ясно, что называемые ими величины, мягко говоря, весьма приблизительны.

Расчеты подобного характера становятся ещё более зыбкими с учетом мировой общеполитической ситуации, сложившейся с февраля-марта 2022 г., которая уже привела к существенному росту цен и снижению доступности энергетических источников из разных географических регионов мира. Если учитывать современный рост цен на энергоносители и раздающиеся

¹⁵ Шаповалов В. ESG как разновидность хайпа //Ведомости. 2022. 17 янв.

¹⁶ Выпуски финансовых инструментов устойчивого развития [Эл. ресурс] / ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoje-finansirovanie/vypuski-finansovykh-instrumentov> (дата обращения: 04.02.2022).

требования отказаться от российских углеводородов, нужно будет существенно увеличивать объем зеленых инвестиций

Российская таксономия и стандарт зеленой эмиссии облигаций

Для начала следует сказать, что, в отличие от Европейского союза, цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации утверждаются не национальным законом, а документами Правительства РФ¹⁷. В сентябре 2021 г. были утверждены национальные критерии (таксономия) проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития¹⁸ (далее российская таксономия – РТ). Можно предположить, что РТ стала реакцией на опасность появления административных, таможенных, налоговых и иных барьеров на пути экспорта российских коричневых отраслей (к ним относятся, прежде всего, добывающие и металлургические компании) на европейские рынки (как раз перед этим, в июне 2021 г., была принята таксономия ЕС).

Как следует из названия РТ, она предназначена для охвата не только зеленых целей, но и целей устойчивого развития, т.е. её диапазон действия существенно шире, чем у аналогичного документа ЕС. В то же время, по сравнению с таксономией ЕС, где речь идет о видах деятельности, в РТ говорится о проектах развития, и это изначально сужает ее применение (речь идет не о зеленых финансах, а только о зеленых инвестициях).

Как и в таксономии ЕС, в РТ выделяются отдельно критерии зеленых и адаптационных проектов. Но, в отличие от таксономии ЕС, проекты в той или иной отрасли относятся однозначно либо к зеленым, либо к адаптационным. К примеру, в ЕС деятельность по лесоразведению может относиться как к зеленым, так и к адаптационным проектам (в зависимости от влияния на окружающую среду), Россия однозначно, без дополнительных критериев, относит ее к зеленым. Или, допустим, в таксономии ЕС

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2019 года № 1228 «О принятии Парижского соглашения»; Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1912-р «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации».

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации».

устанавливаются критерии выбросов парниковых газов на протяжении всего жизненного цикла производства и использования водорода, в РТ учитываются выбросы только при производстве.

Наиболее существенны различия в области добычи ископаемого топлива. Россия, в отличие от ЕС, все проекты в области атомной энергетики, без всяких дополнительных критериев, включает в зеленую часть таксономии, так же как и электро- и теплогенерацию на природном газе (с ограничениями по выбросам CO₂). К адапционным отнесены проекты по снижению выбросов CO₂ более чем на 20% при добыче природного газа, нефти, переработке угля, и при их соответствии показателям эффективности наилучших доступных технологий.

В РТ имеются (в зеленом и «адапционном» перечнях) разделы, посвященные сельскому хозяйству, пока что отсутствующие в таксономии ЕС.

В целом существенные отличия европейской и российской таксономий можно заметить по каждому виду деятельности/проекту.

Методологическим центром в области зеленого проектирования назначена государственная корпорация развития ВЭБ РФ¹⁹. В её функции входит, в частности, оценка соответствия проектов критериям устойчивого (в том числе зеленого) развития, представление предложений по разработке и регулярной актуализации критериев развития, требований к системе верификации проектов.

В отличие от таксономии ЕС, в нашей стране разрешается не заявлять конкретный перечень проектов устойчивого развития на момент выпуска зеленого финансового инструмента.

На ВЭБ.РФ также возложено формирование новых подходов к оценке воздействия проектов устойчивого развития на окружающую среду и климат, обеспечение информационного сопровождения в области финансирования данных проектов в соответствующих международных организациях.

Что касается выпуска российских зеленых облигаций, то они должны соответствовать требованиям государственного регулятора

¹⁹ Можно порекомендовать для ознакомления сайт ВЭБ.РФ, посвященный тематике зеленого финансирования: ESG-финансы и роль ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitiie/zeljonoie-finansirovanie/zelenye-finansy-i-rol-veb-rf> (дата обращения: 29.01.2022).

в области ценных бумаг – Банка России. В настоящее время тот внес соответствующие изменения в Положение «О стандартах эмиссии ценных бумаг»²⁰.

В целом можно охарактеризовать принятые в нашей стране законодательные и нормативные документы как более простые, удобные, но и менее обязательные для применения на практике, чем в странах ЕС. В то же время бóльшая методологическая «тонкость» и детализация европейской зеленой таксономии делают весьма затруднительным доказательство соответствия отечественных компаний и проектов зеленым правилам ЕС.

Выводы и заключение

Стремление к снижению негативного влияния человечества на окружающую среду, в том числе на климат, приобретает всё более определенные и конкретные формы. В настоящее время на первый план выдвинуто требование к снижению выбросов парниковых газов в результате деятельности человечества, а затем и к переходу к углеродной нейтральности. Первым шагом для решения этой задачи являются инвентаризация выбросов и разделение видов деятельности/проектов на желательные (чистые, зеленые) и нежелательные (мешающие декарбонизации, грязные, коричневые). Решению этой первоочередной задачи служат классификации (таксономии) зеленых видов деятельности.

Однако до сих пор не сложилось единодушного мнения по поводу отнесения тех или иных видов деятельности или отдельных активностей внутри них полностью к зеленым или «компромиссным», которые служат целям адаптации к светлому зеленому будущему.

На наш взгляд, проблема зеленого перехода носит ярко выраженный межотраслевой характер. Для её комплексного анализа можно использовать, например, модели на основе межотраслевого баланса, которые уже применялись ООН. Расчеты на базе межотраслевых моделей неизбежно покажут, что все отрасли (не исключая и коричневых, вроде добычи угля) в той или иной степени обеспечивают переход к низкоуглеродному будущему.

²⁰ Положение Банка России от 19 декабря 2019 г № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг». Последние изменения, связанные с финансированием и (или) рефинансированием проектов, направленных на охрану окружающей среды (гл. 65 указанного Положения), были внесены 23 ноября 2021 г.

Соответственно, все они, даже самые коричневые, нуждаются в инвестициях, которые, как это ни парадоксально, придется признать способствующими переходу к «чистому нулю», т.е. зелеными в той или иной мере.

Применение межотраслевого подхода также неизбежно покажет, что глобальная проблема защиты климата и энергоперехода не может быть решена локально, как бы ни хотелось кому-то «отгородиться», прекратить взаимодействие с какими-либо странами или регионами мира. Очевидно, что никакие санкции не могут ограничить общность воздушного или морского пространства.

На сегодняшний день нет ни одной завершенной, целостной зеленой таксономии. Ряд важных для развития человечества видов деятельности не включен в перечень зеленых и/или адаптационных. Не является исключением и наиболее тонкая и детализированная на данный момент таксономия Европейского союза. Российская таксономия более проста и удобна в практическом использовании, но содержит немало различий с таксономией ЕС. Нужно полагать, что статус зеленого инвестирования, полученный по российским правилам, потребует в дальнейшем доказывать за рубежом.

Во многом не решены задачи информационного сопровождения зеленого перехода. В большинстве юрисдикций составление нефинансовой экологической отчетности остается добровольным, в странах ЕС первые результаты станут известны лишь в 2023 г. При этом новый разрез отчетности вызовет неизбежные дополнительные управленческие расходы, сначала для крупного, а затем и для малого и среднего бизнеса.

Имеющиеся на сегодняшний день оценки потребности в зеленых финансах/инвестициях носят приближенный характер вследствие отсутствия надежной статистической и методологической базы.

Пока не ясна роль инвестиционных, страховых, пенсионных фондов в зеленом инвестировании. Продолжается дискуссия относительно необходимости специальной зеленой маркировки финансовых инструментов.

Вопросы соответствия той или иной таксономии приобретают актуальность в контексте международной деятельности компаний, которым приходится действовать в разнородной и неустойчивой экономико-правовой среде. В силу геополитических причин

деятельность российских предприятий в ЕС, США, Японии и еще ряде некоторых развитых стран будет сильно ограничена в ближайшие годы, но перенос активности в другие страны и регионы не может освободить их от «климатических» требований – ведь углеродный след тянется и накапливается по цепочке межотраслевых и международных связей вплоть до конечной продукции, где бы она ни производилась. К примеру, значимые усилия в деле защиты окружающей среды предпринимает Китай, который, вероятно, станет наиболее важным внешнеэкономическим партнером России в ближайшие годы²¹.

Представляется нецелесообразным с учетом текущей общеполитической и общеэкономической обстановки стремиться к доработке и согласованию зеленого законодательства России, подстраиваясь под так называемые «международные» требования, тем более что эти требования пока не оформились окончательно. А вот работать над достижением поставленных национальных целей по переходу на наилучшие доступные технологии, способствующие экономии природных ресурсов и, в том числе, защите окружающей среды, безусловно, необходимо.

Литература/References

Бик С., Головкин М., Пономарева Н., Четвериков В. Зеленые финансы России-2020: доклад / Инфраструктура и финансы устойчивого развития (InfraGreen.ru). 2021. 63с. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/INFRAGREEN_Green_Finance_Russia_29122020.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

Bik, S., Golovko, M., Ponomareva, N., Chetverikov, V. (2021). Green finance of Russia-2020. *Infrastruktura i finansy ustoichivogo razvitiya (InfraGreen.ru)*. 63p. (In Russ.). Available at: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/INFRAGREEN_Green_Finance_Russia_29122020.pdf

Коданева С.И. «Зеленые инвестиции» в России и за рубежом: проблемы, механизмы, перспективы // Россия и современный мир. 2020а. № 3. С. 68–88. DOI: 10.31249/rsm/2020.03.05 DOI: 10.31249/rsm/2020.03.05

Kodaneva, S.I. (2020a). “Green investments” in Russia and abroad: problems, mechanisms and prospects. *Russia and the contemporary world*. No. 3. Pp. 68–88. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2020.03.05

Коданева С.И. Государственное стимулирование «зеленых» инвестиций: проблема выбора. (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2020б. № 4. С. 152–160. DOI: 10.31249/espr/2020.04.10

²¹ Шепин К. Чем ответит Китай на климатические вызовы // Российская газета. 2021. 29 нояб.

Kodaneva, S.I. (2020b). State incentives for “green” investments: the problem of choice. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. No. 4. Pp. 152–160. (In Russ.). DOI: 10.31249/espr/2020.04.10

Blake, M., Moynihan, T. (2021). Financing the Transition to a Net-Zero Future. *World Economic Forum publ.*, 45 p. Available at: <https://www.weforum.org/reports/financing-the-transition-to-a-net-zero-future>. (accessed 08.10.2021).

Energy Growth Nexus in an era of globalization (2022). Elsevier Inc. publ., 478 p. ISBN 978–0–12–824440–1. DOI: 10.1016/C2020–0–01493–3

Finne, H., Bugge, M., Hansen, T., Jolly, S., Steen, M., Suvinen, N. (2021). Regional policies for green growth: Nordic experiences *SINTEF Digital publ.*, 46 p. Available at: <https://www.sintef.no/en/publications/publication/1948069> (accessed 06.10.2021).

He, L., Liu, R., Zhong, Z., Wang, D., Xia, Yu. (2019a). Can green financial development promote renewable energy investment efficiency? A consideration of bank credit. In: *Renewable Energy*. Vol. 143. Pp. 974–984.

He, L., Zhang, L., Zhong, Z., Wang, D., Wang, F. (2019b). Green credit, renewable energy investment and green economy development: Empirical analysis based on 150 listed companies of China. In: *Journal of cleaner production*. Vol. 208. Pp. 363–372. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.10.119

Krishnan, M., Samandari, H., Woetzel, J., Smit, S. et al. (2022). Six characteristics define the net-zero transition. *McKinsey Sustainability*, January 25, 224 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/six-characteristics-define-the-net-zero-transition> (accessed 08.02.2022).

Sarker, T., Taghizadeh-Hesary, F., Yoshino, N. (2021). Promoting energy efficiency financing within the G20: the role of fiscal instruments. *T20/G20 Italy 2021 – Policy Brief*, 10 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/355020898_T20G20_Italy_2021_-_Policy_Brief_-_PROMOTING_ENERGY_EFFICIENCY_FINANCING_WITHIN_THE_G20_THE_ROLE_OF_FISCAL_INSTRUMENTS (accessed 12.02.2022).

Tandon, A. (2021). Transition finance: Investigating the state of play *OECD Environment Working Papers*. No. 17. 3 August, 75 p. DOI:10.1787/19970900. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/68becf35-en.pdf?expires=1643004934&id=id&accname=guest&checksum=1997F99747A27E4E5E8D406699DBC698> (accessed 10.11.2021).

Taxonomy: Final report (2021) *EU Technical Expert Group on Sustainable Finance*, 66 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/200309-sustainable-finance-teg-final-report-taxonomy_en.pdf (accessed 02.01.2022).

Статья поступила 12.02.2022

Статья принята к публикации 29.03.2022

Для цитирования: Балабин А. А. Зеленые финансы – проблемы классификации // ЭКО. 2022. № 10. С.8–26. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-8-26

For citation: Balabin, A.A. (2022). Green Finance – Problems of Classification. *ECO*. No. 10. Pp. 8–26. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-8-26

Summary

Balabin, A.A. E-mail: balabin-a-a@mail.ru

Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

Green Finance – Problems of Classification

Abstract. The paper reviews the classification of “green” activities and their corresponding “green finance”. It is found that the currently accepted classifications (taxonomies) of “green” activities are incomplete and have significant country differences. As a result, existing estimates of the need for green finance/investment are very approximate. The role of many financial institutions and operations in green investing is unclear. The debate about the need for specific green labelling of financial instruments is not over. These issues become very important in the context of international activities of companies, regardless of their geography and markets. The author considers it inexpedient in the current general political and general economic situation to seek to finalize the “green” legislation in Russia, adjusting to the “raw” regulations of foreign countries and international unions. However, this does not mean that the national objectives for the transition to the best available technologies that contribute to the conservation of natural resources and environmental protection should not be fulfilled.

Keywords: *green finance; green investment; green legislation; taxonomy; carbon neutrality; verification of green finance*

Определение «голубой экономики» в контексте арктического рыболовства и аквакультуры: международный опыт¹

А. ЦИУВАЛАС, доктор-исследователь. E-mail: apostolos.tsiouvalas@uit.no
Арктический университет Норвегии (UiT), Тромсё; Арктический институт
Центра исследований циркумполярной безопасности, Вашингтон

А. РАСПОТНИК. E-mail: araspotnik@fni.no
Институт Фритьофа Нансена, Лисакер, Норвегия.

Аннотация. Цель данной статьи – показать, как идея «голубой экономики» концептуализируется в трех основных арктических прибрежных регионах: Северная Норвегия, Арктическая зона России и Аляска (США). Это делается на примере того, как функционируют рыболовство и аквакультура в этих трех регионах и на основе анализа проводимой ими официальной политики. Статья направлена на изучение современной организации управления «голубой экономикой», выявление слабых мест и лучших практик в трех рассматриваемых регионах. Кроме того, в статье ставится задача сформулировать выводы и проследить передовой опыт, способствующие разработке единой концепции «общearктической структуры голубой экономики» и проложить путь к институционализации трансграничного синергетического эффекта.

Ключевые слова: Северный Ледовитый океан; Северная Норвегия;
Арктическая зона России; Аляска; рыболовство;
аквакультура; панарктическая «голубая экономика»

Введение

С учетом того, что потепление в Арктике происходит в три раза быстрее, чем на остальной части планеты, в последнее время особое внимание уделяется вопросам управления арктическими океаническими ресурсами. Постоянно растущее давление на Северный Ледовитый океан делает необходимым концептуализацию общих основ управления «голубой экономикой», актуализирует стремление к транснациональному сотрудничеству между прибрежными государствами Арктики. На этом фоне «голубая экономика» возникла как концепция, объединяющая цели поддержки

¹ Авторы благодарят Павла Девяткина, нашего коллегу из Арктического института (США), за его поддержку и корректуру статьи.

экономического развития со стремлением к сохранению благополучия океана, здоровья экосистемы и устойчивости общества. Однако определение «голубой экономики» и обеспечение устойчивости и прибыльности северных экономических предприятий на ее основе – это непростые задачи, требующие рационального управления экономикой в рамках целей, ориентированных на океан [Lee et al., 2020].

Идея «голубой экономики» родилась вскоре после Конференции по устойчивому развитию «Рио+20» 2012 г. [Silver et al., 2015], примерно тогда же началась разработка Целей устойчивого развития ООН (ЦУР)². Однако, в то время как многие страны уже давно занимаются теоретизированием и реализацией ЦУР в своей национальной политике (хотя иногда и безуспешно), концептуализация и реализация «голубой экономики» в национальных стратегиях не получили должного развития. Хотя концептуальная направленность ЦУР достаточно ясна, в частности ЦУР № 14 («подводная жизнь») направлена на сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов путем сохранения и восстановления морских и прибрежных экосистем и развития потенциала в области морских наук и передачи технологий, сущность «голубой экономики» она мало раскрывает.

В большинстве интерпретаций термин «голубая экономика» связывается с многогранной экономической и социальной значимостью океана (а в некоторых странах – также прибрежных и внутренних вод) по пяти ключевым компонентам: устойчивость экосистемы, экономическая устойчивость, вовлечение сообщества, институциональная интеграция и технический потенциал [Eikeset et al., 2018; Keen et al., 2018]. В такой трактовке концепция «голубой экономики» основывается на идеях об устойчивом развитии, используется для обозначения расширения экономического богатства, получаемого из океанов и побережий, при сохранении или даже улучшении природных систем, от которых зависит экономика. Некоторые исследователи утверждают, что «голубая экономика» опирается на то, что экономическая деятельность/рост не противоречат сохранению экологии, а скорее дополняют или даже укрепляют ее [Boonstra et al., 2018],

² В русскоязычной литературе также часто используется акроним SDG (Sustainable Development Goals), *прим. ред.*

другие подчеркивают ее нацеленность на процветание общества и удовлетворение экологических потребностей [Tsiouvalas et al., 2022]. Сегодня остается неясным, следует ли понимать «голубую экономику» только как сферу деятельности определенного круга акторов или как краткое обозначение конкретных наборов механизмов управления или идеологий [Silver et al., 2015].

Чтобы внести свой вклад в усилия по определению понятия «голубая экономика», попытаемся раскрыть, как эта идея концептуализируется в стратегиях трех арктических прибрежных регионов: Северной Норвегии, Арктической зоны России и Аляски. Для этого сначала представим краткий обзор того, как функционируют рыболовство и аквакультура на этих территориях, а затем углубимся в их актуальные стратегии управления морскими ресурсами.

Метод исследования и выбор кейсов

Поскольку Арктика находится в центре глобального изменения климата, существует сильная и растущая потребность в обмене опытом и расширении знаний о том, где и насколько хорошо сработали политические инициативы, поддерживая традиционное использование ресурсов, развивая новые отрасли и сохраняя биоразнообразие.

Арктика все чаще сталкивается с проблемами, связанными с урбанизацией, демографическими тенденциями и изменением климата [Raspotnik et al., 2020]. За последние два десятилетия отступление границ морского льда, изменение распределения природных морских ресурсов и спроса на них привлекли повышенное внимание экономических агентов к Арктическому региону. В условиях быстрых изменений, происходящих на всем циркумполярном Севере, возникают вопросы как об устойчивости и прибыльности северных экономических предприятий, так и об условиях для местного и регионального развития [Larsen, Fondahl, 2015]. Сегодня в политическую арктическую повестку входят не только вопросы эффективной эксплуатации и добычи региональных ресурсов, но и задачи согласования интересов между различными отраслями [Raspotnik et al., 2021]. Северный Ледовитый океан и прилегающие к нему воды имеют все шансы стать ключевым регионом по отработке соответствующих технологий, поскольку в настоящее время Арктика

с поразительной скоростью трансформируется под воздействием изменения климата, технологического прогресса и сил (глобального) экономического развития. Все эти факторы по отдельности и/или в сочетании друг с другом изменяют Арктику, хотя скорость этих изменений различается у всех стран и отраслей экономики [Atkisson et al., 2018].

В современном арктическом контексте «голубая экономика» охватывает большое разнообразие секторов и направлений: от драйверов экономики, береговой энергетики (с акцентом на ее постепенную декарбонизацию и энергосбережение) до утилизации отходов, продовольственной безопасности, туризма, создания заповедников и парков, морских биотехнологий и т.д.

Производство энергии, развитие рыболовства и аквакультуры, арктическое судоходство и морские перевозки, а также региональное и международное управление находятся в центре моделей «голубой экономики», концептуально представленных большинством арктических стран³. Тем не менее не всем из них уделяется одинаковое внимание, притом что нередко сохраняется зависимость экономического развития от традиционных (не «голубых») путей развития.

Наше особое внимание привлекли арктическое рыболовство и аквакультура: их экономическая роль и темпы изменений довольно ярко выражены и различны у прибрежных государств Северного Ледовитого океана (Канада, Дания, по отношению к Гренландии, Норвегия, Россия и США).

Цель данной статьи – разработать единый взгляд на голубую экономику в трех арктических регионах и провести параллели между Северной Норвегией, Арктической зоной России и Аляской. В частности, мы стремимся понять, какие управленческие форматы и элементы политики способствуют устойчивому социально-экономическому развитию на примере отрасли рыболовства и аквакультуры.

Для начала было важно выяснить, как сами регионы определяют «голубую экономику» и, соответственно, реализуют ее в своей национальной политике. С этой целью был проведен обширный поиск информации в цифровых базах данных

³ DNV GL. (2019a). Sustainable Blue Economy in the Norwegian Arctic (Part 1: Status). Centre for the Ocean and the Arctic. URL: https://www.havarkt.is.no/files/Sustainable-Blue-Economy-in-the-Norwegian-Arctic-Part-1-Status_FINAL.pdf

академической литературы (Science Direct, Google Scholar, Research Gate и др.), хотя основное внимание уделялось тому, как официальные документы исследуемых стран (правительственные и отраслевые отчеты, стратегические программы и пр.) концептуализируют «голубую экономику».

Важный элемент исследования – описательный обзор современного состояния рыболовства и аква-/марикультуры в изучаемых регионах. Таким образом, первый исследовательский вопрос: RQ1. *Как развивались рыболовство и аквакультура в Северной Норвегии, Арктической зоне России и на Аляске?* После этого мы попытались рассмотреть эти два сектора через призму «голубой экономики», как она концептуализирована в официальных стратегических и аналитических документах трех стран: RQ2. *Какое место занимает «голубая экономика» в официальной политике в области рыболовства и аквакультуры Северной Норвегии, России и Аляски?* Далее, в результате анализа ответа на второй вопрос была определена дополнительная исследовательская проблема: RQ3. *Могут ли уроки, извлеченные из модели каждого региона, быть полезны для других регионов в дальнейшем развитии их «голубой экономики»?* Наконец, на основе синтеза результатов и анализа научных публикаций сделана попытка выявить возможности для обмена методами, информацией и передовым опытом, который может способствовать формированию единой «панарктической стратегии голубой экономики».

Итоговые выводы могут проложить путь для будущего трансграничного синергизма и разработки общего определения «голубой экономики» в арктическом рыболовстве и аквакультуре. В условиях идущей войны на Украине поиск таких синергий может способствовать улучшению отношений между Россией и Западом, особенно с Норвегией, сотрудничество с которой в сфере рыболовства в течение последних нескольких десятилетий было весьма обширным, в том числе – в Арктике, в рамках Совместной норвежско-российской комиссии по рыболовству [Hønneland, 2012]. Учитывая, что послевоенная геополитическая и экономическая реальность может изменить проводимую экономическую политику и отношение к ней, отметим, что участие в такого рода дискурсах выходит за рамки данного исследования, кроме того, сбор данных для этой статьи был завершен до начала военных действий.

Кейс Северной Норвегии

Рыболовство и аквакультура

Территория, называемая Северной Норвегией, занимает около трети площади страны, включает в себя два самых северных фюльке – Нурланн, Тромс и Финнмарк (две последних области объединены в одну 1 января 2020 г.). Там сосредоточена значительная часть всего норвежского рыболовства и аквакультуры. Доступ к высокопродуктивным прибрежным и морским акваториям Норвежского и Баренцева морей, площадь которых более чем в пять раз превышает площадь суши, влияние относительно теплого Гольфстрима в сочетании с рациональным управлением и заботой об окружающей среде определяют преимущество Северной Норвегии в развитии индустрии морепродуктов в рамках «голубой экономики».

Рыболовство и аквакультура приносят Северной Норвегии, где проживает чуть менее 10% населения страны⁴, непропорционально большую часть добавленной стоимости, относительно средней по стране [Hestvik, Brækkan, 2020]. Установлено, что в настоящее время крупные рыбные запасы в этих водах добываются в стабильных биологических пределах и управляются в соответствии с принципами устойчивого развития⁵.

Ключевой ресурс рыболовного сектора Северной Норвегии, несомненно, – северо-восточная атлантическая, или блуждающая, треска, которую местные жители называют skrei [Christensen, 2009]. Мигрируя каждую зиму из северо-восточной части Баренцева моря вдоль побережья Северной Норвегии до Лофотенских островов, этот вид рыбы издавна является основой крупнейшего промысла в Норвегии – Лофотфискета, который формирует культуру и экономику местных общин с X века, ежегодно обеспечивая тысячи рыбаков сезонной работой. Вяленые рыбные пресервы трески превратились в стабильный и ценный экспортный продукт, целевой товар экспорта, продолжающегося по сей день [Drivenes et al., 1994].

⁴ Statistics Norway (SSB). (2021, August). URL: <https://www.ssb.no/befolkning/folketall/statistikk/befolkning>

⁵ Norwegian Ministry of Climate and Environment. Oppdatering av forvaltningsplanen for det marine miljø i Barentshavet og havområdene utenfor Lofoten (Melding til Stortinget 10, 2010–2011). URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/meldst-10-2010-2011/id635591/>

Другие традиционно важные промысловые рыбы, приносящие выгоду общинам Северной Норвегии, включают пелагические виды, такие как скумбрия, норвежская весенне-нерестующая сельдь и мойва, обитающие в прибрежных водах региона, а также сиговые – прибрежная треска, сайда и пикша. Кроме того, некоторые небольшие районные общины обычно пользуются преимуществами географически ограниченного рыболовства. Как пример назовем промысел креветок в северном Тромсе, а в последнее время – добычу красного королевского краба в восточном Финнмарке. Родом из северной части Тихого океана, красный королевский краб был экспериментально завезен в Баренцево море советскими учеными в 1960-х годах и постепенно распространился вдоль северного побережья Норвегии, вплоть до Лофотен в округе Нурланн⁶. В настоящее время он классифицируется как инвазивный вид высокого риска и вызывает беспокойство рыбаков в связи с экологическими последствиями его жизнедеятельности в местной экосистеме, в частности, потенциальным ущербом для запасов трески⁷.

Рыболовный сектор Северной Норвегии довольно быстро трансформировался с 1980-х годов в результате сокращения количества судов, технических и нормативных нововведений, а также в связи с повышением стоимости конечной продукции⁸. В 2019 г. в трех северных фюльке было добыто 890 тыс. т дикой промысловой рыбы⁹, оценочной стоимостью 13,3 млрд норвежских крон (1,5 млрд долл.), что составляет почти 38% от физического объема общенационального вылова рыбы, и более 54% (!) от его стоимости¹⁰. Несмотря на то, что общий объем выловленной рыбы за последние два десятилетия

⁶ Det Kongelige Fiskeri- og Kystdepartement. Forvaltning av kongekrabbe, St.meld. nr. 40 (2006–2007). URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/stmeld-nr-40-2006-2007/id480559/?ch=8>

⁷ Det Kongelige Nærings- og Fiskeridepartement. Evaluering av forvaltningen av kongekrabbe, Meld. St.17 (2014–2015). URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/meld.-st.-17-2014-2015/id2403472/>

⁸ Fiskeridirektoratet. Økonomiske og biologiske nøkkeltall frå dei norske fiskeria – 2020/Economic and biological figures from Norwegian fisheries – 2020. URL: <https://www.fiskeridir.no/Yrkesfiske/Tall-og-analyse/Statistiske-publikasjoner/Noekkeltall-for-de-norske-fiskeriene>

⁹ Statistics Norway (SSB). Fiskeri (avslutta i Statistisk sentralbyrå). URL: <https://www.ssb.no/statbank/table/12847/tableViewLayout1/?loadedQueryId=10056240&timeType=top&timeValue=1>

¹⁰ Там же.

в Норвегии сократился на 25%, на Севере он остается относительно стабильным. Кроме того, рыбный сектор оказал решающее влияние на создание стоимости в смежных отраслях региона, таких как прием и переработка рыбы. Исследования показали, что добавленная стоимость, созданная за счет рыболовства в Северной Норвегии, в 2016 г. составила 5,9 млрд норвежских крон (686 млн долл.), что соответствует 42% от общего национального объема [Vreimo et al., 2018].

Одно время на фоне быстрого развития морской аквакультуры в остальной части Норвегии рыбоводство на Севере считалось нецелесообразным из-за сурового климата и низкой температуры моря [Vreimo et al., 2018]. Однако Северная Норвегия доказала, что ее климат в данном случае является преимуществом, особенно в последние десятилетия, поскольку холод препятствует развитию паразитов и заболеваний среди выращиваемой рыбы [Elde et al., 2018]. Сейчас на долю региона приходится около 50% производимого в стране лосося, цена на который также постоянно растет. Прогнозы показывают, что Северная Норвегия обладает потенциалом для дальнейшего развития аквакультуры, предлагая возможности трудоустройства в соответствующей цепочке создания стоимости [Tsiouvalas et al., 2022].

Концептуализация «голубой экономики»

Принимая во внимание выдающиеся показатели рыболовства и аквакультуры Северной Норвегии, чрезвычайно интересно посмотреть, как концепция «голубой экономики» проникает в управление морскими ресурсами. На высшем уровне нередко подчеркивается, что значение «голубой экономики» в стране уходит корнями в глубь веков, а сотрудничество между предприятиями, научными и образовательными учреждениями, работниками и властями сыграло важную роль в развитии норвежской экономики, ориентированной на океан¹¹. Будучи существенно зависимой от океанических отраслей, Норвегия включила дальнейшее развитие секторов «голубой экономики» в качестве ключевого пункта в свою Стратегию океана (2019 г.), уделяя особое внимание также содействию их устойчивому развитию

¹¹ Norwegian Ministries. Blue Opportunities: The Norwegian Government's Updated Ocean Strategy. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-norwegian-governments-updated-ocean-strategy/id2653026/>

в Норвежской Арктике. Стратегия называет сотрудничество и обмен знаниями между научно-исследовательскими институтами, бизнесом и государственным сектором ключевой предпосылкой для становления Норвегии как океанической экономики, а «освоение океанов» в документе именуется не только как жизненно важная основа для создания рабочих мест, ценностей и благосостояния страны, но и как важный элемент решения мировых экологических и климатических проблем.

В своей политике Норвегия основное внимание уделяет строгому регулированию и легализации незаконного, неподотчетного и нерегулируемого (ННН) промысла, признавая, что теневые схемы подрывают устойчивую и справедливую голубую экономику во всем Мировом океане¹². Норвегия возглавляет глобальную борьбу с ННН-промыслом, а её правительство в рамках инициативы «Голубое правосудие» стремится учесть особые потребности развивающихся стран в борьбе с преступлениями в сфере рыболовства. Кроме того, в 2018 г. правительство Норвегии учредило Центр океана и Арктики с национальным мандатом по сбору, анализу и распространению знаний о «голубой экономике» и влиянии на нее региональных и глобальных процессов. К настоящему времени Центр опубликовал ряд исследований об устойчивой «голубой экономике» в Норвежской Арктике, а также о сосуществовании связанных с океаном видов экономической деятельности на национальном уровне¹³.

Устойчивый промысел живых морских ресурсов и применение осторожного подхода в рыболовстве – основополагающие принципы управления в рыболовном секторе Норвегии, при этом учитываются сохранение продуктивности экосистем и экономическое развитие. Большинство рыбных запасов, подпадающих под юрисдикцию норвежского рыболовства, являются общими и регулируются с помощью квот вылова и правил доступа,

¹² Norwegian Ministries. Blue Opportunities: The Norwegian Government's Updated Ocean Strategy. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-norwegian-governments-updated-ocean-strategy/id2653026/>

¹³ DNV GL. Sustainable Blue Economy in the Norwegian Arctic (Part 1: Status). Centre for the Ocean and the Arctic. URL: https://www.havarktis.no/files/Sustainable-Blue-Economy-in-the-Norwegian-Arctic-Part-1-Status_FINAL.pdf

DNV GL. Sustainable Blue Economy in the Norwegian Arctic (Part 2: Foresight for 2030 and 2050). Centre for the Ocean and the Arctic. URL: https://www.havarktis.no/img/Sustainable-Blue-Economy-in-the-Norwegian-Arctic-Part-2-Foresight_.pdf

основанных на наилучших имеющихся научных рекомендациях. Было признано, что так как большинство ресурсов коммерчески эксплуатируемой рыбы в настоящее время в полном объеме или даже чрезмерно интенсивно используются во всем мире¹⁴, экономически наиболее значимые рыбные запасы в норвежских водах успешно управляются в безопасных и устойчивых пределах¹⁵. Кроме того, ННН-промысел северо-восточной атлантической трески в Баренцевом море был полностью искоренен¹⁶. В этой области Норвегия активно развивает международное сотрудничество через региональные органы управления рыболовством, такие как Совместная норвежско-российская комиссия по рыболовству и Комиссия по рыболовству в Северо-Восточной Атлантике. Норвежский институт морских исследований и Норвежский директорат рыболовства взаимодействуют с Международным советом по исследованию моря для оценки размеров запасов и рекомендаций по квотам, которые затем предлагаются и реализуются на национальном уровне.

Кроме того, особое значение придается экологическому воздействию аквакультур, таким как негативное давление на популяции дикого лосося, распространение лососевых вшей и сбросы сточных вод. Принятая в 2020 г. норвежским правительством стратегия управления «системой светофора» для предсказуемого и устойчивого роста сектора аквакультуры делит норвежское побережье на 13 производственных регионов, каждый из которых оценивается по экологическим показателям перед выдачей разрешения на увеличение производства¹⁷. Наиболее важным из рассматриваемых факторов является воздействие лососевых вшей на популяцию дикого лосося и форели. В соответствии с этой системой Северная Норвегия разделена на семь производственных регионов (регионы 7–13); в настоящее время

¹⁴ FAO. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the sustainable development goals. URL: <http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf>

¹⁵ Norwegian Ministry of Climate and Environment. Oppdatering av forvaltningsplanen for det marine miljø i Barentshavet og havområdene utenfor Lofoten (Melding til Stortinget 10, 2010–2011). URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/meld-st-10-2010-2011/id635591/>

¹⁶ Nærings- og fiskeridepartementet. Om ulovlig, urapportert og uregulert (UUU) fiske. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/mat-fiske-og-landbruk/fiskeri-og-havbruk/1/fiskeri/ulovlig-fiske/om-ulovlig-urapportert-og-uregulert-uuu-fiske/id2579076/>

¹⁷ Nærings- og fiskeridepartementet. Regjeringen skrur på trafikklyset i havbruksnæringen. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/regjeringen-skrur-pa-trafikklyset-i-havbruksnaringen/id2688939/>

пять из них получили зеленый свет на увеличение добычи до 6% от популяции¹⁸.

Кейс Российской Арктики

Рыболовство и аквакультура

Арктическая зона России – это огромная территория, простирающаяся на 53% береговой линии Северного Ледовитого океана (около 24 150 км) и включающая всю Мурманскую область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, северные муниципальные образования Архангельской области, Республики Коми, Красноярского края и Республики Саха (Якутия), а также архипелаги и острова в российской части Северного Ледовитого океана¹⁹. В Российской Арктике проживает около двух с половиной миллионов человек, что составляет почти половину мирового арктического населения²⁰. Поэтому для экономического развития региона чрезвычайно важно, как управление морскими ресурсами учитывает потребности экосистемы и насколько успешным является взаимодействие с сообществами.

Хотя добыча природных ресурсов, в первую очередь нефти и природного газа, остается основной отраслью арктической промышленности России, рыболовство и аквакультура также имеют большое значение и являются неотъемлемой частью жизни сообществ арктического побережья от Северо-Запада до Сибири и Дальнего Востока, представляющих более 40 юридически признанных коренных народностей²¹. Крупнейшими отраслями промышленности в Российской Арктике являются рыболовство, производство морепродуктов, судостроение, логистика, перерабатывающая промышленность и туризм. На значительной части Баренцева моря в водах Норвежского и Гренландского морей активно развивается рыболовство, в то время как Восточно-Сибирское, Лаптевых, Карское и Чукотское моря облавливаются редко и слабо изучены [Stupachenko, 2018].

¹⁸ Nærings- og fiskeridepartementet. Regjeringen skruer på trafikkløset i havbruksnæringen. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/regjeringen-skrur-pa-trafikkloset-i-havbruksnaringen/id2688939/>

¹⁹ Arctic Council. The Russian Federation. Retrieved July 9, 2022. URL: <https://www.arctic-council.org/about/states/russian-federation/>

²⁰ The Arctic Institute. Russia. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/countries/russia/>

²¹ Там же.

В 2018 г. Россия входила в семерку стран с крупнейшим морским промыслом, на ее долю приходилось почти 6% от общемирового улова²², при этом большая часть рыбной добычи осуществлялась в арктических водах. Во всей Российской Арктике известно 289 видов рыб, из них более 80% обитают в Баренцевом и Гренландском морях. Общий годовой улов России в Арктическом регионе составляет около 1 млн т трески, пикши, минтая, мойвы, путассу, сельди, группера и скумбрии²³. Другие промысловые виды в морях Северного Ледовитого океана (которые появляются только в водах, покрытых льдом, и нерестятся при отрицательных температурах) – это навага и арктическая камбала [Stupachenko, 2018]. Морские рыбные промыслы, наряду с пресноводным и диадромным (смешанным – пресноводно-морским) рыболовством, вносят большой вклад в жизнеобеспечение коренных народов Российской Арктики [Troell et al., 2017].

В Баренцевом море, которое считается одним из самых продуктивных в мире, экономически наиболее важные виды – северо-восточная арктическая треска (41% вылова из арктических районов), пикша (18%) и мойва (8%) [Troell et al., 2017]. Одним из основных рыболовецких портов РФ (по стоимости улова) традиционно является Мурманск. Рыбная промышленность Мурманской области обеспечивает около 20% добываемых морских биологических ресурсов Российской Федерации и около 60% – в Северо-Западном федеральном округе [Voboedova, 2014]. Россия и Норвегия сотрудничают в использовании рыбных запасов Баренцева моря уже несколько десятилетий, с момента делимитации морской границы, и вместе управляют запасами через Совместную норвежско-российскую комиссию по рыболовству [Hønneland, 2012].

Что касается трех исключительно российских морских экосистем в Арктике (Карское, Восточно-Сибирское и море Лаптевых), а также российской части Чукотского моря, то добыча рыбы здесь практически не регистрируется, публикуются лишь ограниченные данные, а значительная доля здешних промыслов

²² FAO. The State of World Fisheries and Aquaculture 2020: Sustainability in action. URL: <https://doi.org/10.4060/ca9229en>

²³ FAO. Russian Federation: Review of the fishery sector. URL: <https://www.fao.org/3/aj279e/aj279e.pdf>

связана с натуральным хозяйством местного населения [Heileman, Belkin, 2020].

Развитие аквакультуры определено Правительством РФ в качестве приоритетного направления в сельском хозяйстве и рыболовстве. Несмотря на то, что это относительно молодой сектор и на него приходится всего 4% рыбной продукции страны, он быстро растет, преимущественно специализируясь на производстве лосося [Stupachenko, 2020]. С 2018 г. предприятия аквакультуры приобрели 14 600 га для своего будущего развития, что вдвое больше, чем за два последних десятилетия [Там же]. В создании морских и наземных участков для лососевых рыб участвуют несколько норвежских поставщиков морских, пресноводных и наземных технологий, оборудования, сетей, рыбных кормов, программного обеспечения, генетики, услуг и т.д., у них уже есть опыт продаж в Мурманске, Карелии и других российских регионах [Там же].

Специализация аквакультуры варьируется от района к району. В Северо-Западном федеральном округе наибольшее развитие получили товарная аквакультура (прежде всего выращивание сиговых и лососевых в делевых садках и бассейнах), а также выращивание атлантического лосося в марикультуре²⁴. Объем производства товарного рыбоводства в 2020 г. оценивался примерно в 150 тыс. т. В Уральском федеральном округе для рыб холодноводного комплекса подходят природные водоемы, а для развития товарного рыбоводства на теплых водах используются природные геотермальные источники и воды электростанций. Объем продукции товарного рыбоводства в 2020 г. составил около 9 тыс. т²⁵. Разнообразие климатических условий Сибирского федерального округа позволяет развивать как холодноводное (сиг, лосось), так и тепловодное (осетр, карп) рыбоводство. Объем товарного рыбоводства там оценивается примерно в 11,1 тыс. т²⁶. Наконец, Дальневосточный федеральный округ обладает исключительными условиями, где процветает крупномасштабное

²⁴ Аквакультура в России. Северо-Западный ФО. URL: <http://aquacultura.org/aquacultura/severozapadny-fo/>

²⁵ Аквакультура в России. Уральский ФО. URL: <http://aquacultura.org/aquacultura/uralskiy-fo/>

²⁶ Аквакультура в России. Сибирский ФО. URL: <http://aquacultura.org/aquacultura/sibirskiy-fo/>

развитие марикультуры. Наиболее перспективными для выращивания видами являются дальневосточный трепанг, приморский гребешок, серый морской еж, ламинария, тихоокеанские мидия и устрица. Объем выращенной продукции к 2020 г. оценивается примерно в 17,4 тыс. т²⁷.

Положительный опыт поддержки марикультуры на Дальнем Востоке России будет использован в качестве модели для создания системы стимулов в арктических регионах РФ. В целом, Министерство по развитию Дальнего Востока России называет дальнейшее развитие аквакультуры на Российском Севере одним из своих главных приоритетов [Stupachenko, 2020].

Концептуализация «голубой экономики»

Рыболовство и «голубая экономика» в РФ поддерживаются несколькими федеральными и региональными программами и стратегиями²⁸. Как и в других странах Арктики российские государственные органы уже давно знакомы с концепцией устойчивого развития, особенно с ЦУР № 14. Однако, учитывая, что Россия – федеративное государство, управление рыболовством и аквакультурой в значительной степени децентрализовано, и «голубая экономика» по-разному концептуализируется в различных регионах ее огромного арктического побережья. Поэтому интересно изучить, как власти прибрежных городских сообществ организуют зарождающуюся «голубую экономику». В Арктической зоне РФ насчитывается 23 города, так или иначе связанных с рыболовством и аквакультурой: Анадырь, Архангельск, Беломорск, Беринговский, Диксон, Дудинка, Эгвекино, Игарка, Кандалакша, Хатанга, Мезень, Мурманск, Нарьян-Мар, Новый Порт, Онега, Певек, Провидения, Сабетта, Северодвинск, Североморск, Тикси, Варандей и Витино [Tianming et al., 2021].

С советских времен эти городские поселения традиционно специализировались в развитии добывающей, машино- и судостроительной промышленности, металлургии и портовых услугах, а в последнее время их интересы расширились до моря и океанических живых ресурсов.

²⁷ Аквакультура в России. Дальневосточный ФО. URL: <http://aquacultura.org/aquacultura/dalnevostochniy-fo/>

²⁸ Submariner Network. The Submariner Network in Russia. Retrieved May 1, 2022. URL: <https://www.submariner-network.eu/country-profile-russia>

Согласование экономических интересов с экологическими потребностями при эксплуатации морских биоресурсов очень важно для достижения устойчивого экономического развития и требует учета ценностей «голубой экономики». Как показывают исследования [Tianming et al., 2021], власти Архангельска, Мурманска и Северодвинска уделяют внимание дискуссиям о «голубой экономике» и устойчивом развитии, имеют надлежащие механизмы включения местных заинтересованных сторон в процесс планирования социально-экономической деятельности и уже давно наладили сотрудничество с международными партнерами. Однако ни один из этих регионов не включил «голубую экономику» в свои планы экономического развития и официальные стратегии, ограничиваясь фрагментарным упоминанием ее отдельных элементов в разных документах. В регионах большое внимание уделяется проблемам загрязнения окружающей среды, сохранения биоразнообразия, предотвращения ущерба окружающей среде и климатических изменений, но комплексный подход (в частности, в планировании рыболовства и аквакультуры), опирающийся на ценности «голубой экономики», пока отсутствует [Tianming et al., 2021].

Так, в Архангельской области много лет успешно функционирует национальный заповедник «Русская Арктика», который, помимо прочих приоритетов, направлен на защиту уникального морского биоразнообразия. Несмотря на это, нет согласованности между усилиями по сохранению природной среды и экономическому развитию. Лишь некоторые арктические регионы (преимущественно на Северо-Западе, такие как Республика Карелия, Мурманская и Архангельская области) используют аквакультуру как инструмент устойчивого экономического развития, большинство не рассматривают ее в качестве приоритета.

Более того, хотя прибрежные муниципалитеты иногда подтверждают концепцию устойчивого развития и пытаются применять ее в своих стратегиях, эти субнациональные деятели, как правило, плохо знакомы с концепцией «голубой экономики». Следует также отметить, что в центральной части Арктической зоны России и на севере Дальнего Востока муниципальные власти все еще не имеют четких стратегий устойчивого развития. По этой причине важные экономические, экологические и социальные/человеческие аспекты муниципальных стратегий устойчивого

развития и «голубой экономики» до сих пор не сформулированы или не согласованы друг с другом.

Интересно при этом, что концепция «голубой экономики» систематически используется в субарктических регионах России, таких как Краснодарский край на Черном море [Damianova et al., 2020]. Ленинградская и Калининградская области на Балтике в последние несколько лет активно внедряют принципы «голубой экономики» в свои программы развития и участвуют в инициативах по сохранению экосистемы Балтийского моря²⁹.

В целом, несмотря на некоторые следы принципов «голубой экономики» в российской арктической политике, ее комплексная концептуализация все еще отсутствует как в федеральных, так и в окружных стратегиях. На федеральном уровне в 2015 г. была принята Морская доктрина РФ, основной целью которой являются реализация морского потенциала страны и управление секторами экономики и науки, связанными с морской деятельностью. В 2017 г. морские биотехнологии были включены в государственную программу «Развитие рыбохозяйственного комплекса РФ»³⁰. Оба документа содержат ключевые принципы развития потенциала «голубой экономики» для России, включая внедрение инноваций, развитие человеческого капитала, создание новых рабочих мест, эффективность и безотходность производства, использование местных ресурсов, а также максимальное внедрение принципов «голубой экономики» в программы развития прибрежных территорий, что будет способствовать согласованию экономических интересов общества с целями поддержания хорошего качества окружающей среды и устойчивого биоразнообразия.

Хотя такие ожидания уместны на федеральном уровне, в новой стратегии «Арктика 2035», посвященной приполярным регионам России, вопросы «голубой экономики» в контексте арктического рыболовства и аквакультуры не рассматриваются. Сосредоточившись на улучшении условий жизни в Арктике, в документе сделали ставку на коммерческие проекты по разработке морских месторождений нефти и газа в регионе, уделяя, таким образом, первостепенное внимание производству энергии [Kluge, Paul, 2020]. Отмечается также, что «голубая экономика»

²⁹ Submariner Network. The Submariner Network in Russia. Retrieved May 1, 2022. URL: <https://www.submariner-network.eu/country-profile-russia>

³⁰ Там же.

мало обсуждается в академической среде [Tianming et al., 2021], при этом большинство российских ученых опираются на модели «голубой экономики», применяемые в других странах. Когда речь заходит об Арктическом регионе, такие обсуждения преимущественно касаются потребностей «голубой экономики» в сохранении биоразнообразия и предотвращении загрязнения моря в Северном Ледовитом океане. Потенциал развития рыболовства и аквакультуры не рассматривается [Tsiouvalas et al., 2022].

Кейс Аляски (США)

Рыболовство и марикультура

Когда в 1867 г. Соединенные Штаты купили Аляску у России за 7,2 млн долл., некоторые посчитали ее бесполезным приобретением [Barker, 2009]. Однако эта «глупость Сьюарда» (по имени государственного секретаря Уильяма Сьюарда) со временем показала себя ценным приобретением. Имея более 3 млн озер, 3 тыс. рек и 34 тыс. миль береговой линии с тремя различными морями/океанами (Северный Ледовитый и Тихий океаны и Берингово море), Аляска является одним из самых биологически продуктивных регионов мира, производящим широкий спектр морепродуктов³¹. Богатая всеми пятью видами тихоокеанского лосося, четырьмя видами крабов, многими видами донных рыб, креветками, сельдью, соболиной рыбой, минтаем, тихоокеанским палтусом и другими, Аляска постепенно превратилась в одного из ведущих участников мирового рынка морепродуктов.

Стремительное развитие рыболовства на Аляске отмечено не ранее середины XX века, поскольку изначально она представляла ограниченный интерес для США из-за ее огромных размеров, удаленности и сложного климата, препятствующих капиталовложениям в развитие [Naske, Slotnick, 1994]. Только после Второй мировой войны и признания Аляски 49-м штатом США в 1959 г. в регионе начались ускоренный рост населения и развитие рыболовного сектора, который вскоре стал его самой прибыльной отраслью, обогнав доминировавшую ранее горную добычу.

³¹ Resource Development Council for Alaska. (n.d.). Alaska's Fishing Industry. URL: <https://www.akrdc.org/fisheries>

Важной вехой стала передача управления рыболовством с федерального уровня на уровень штата Аляска в 1960 г. [Naske, Slotnick, 1994]. С тех пор штат активно внедряет в коммерческое рыболовство принцип неистощающей добычи, идея которого была подтверждена в Конституции Аляски. Большое значение для управления рыболовством на Аляске имело также принятие в 1976 г. Закона Магнуссона-Стивенса, устанавливающего режимы экономического пользования у побережья США. Согласно этому закону, федеральное правительство осуществляет полномочия в пределах 200-мильной зоны (м.м.), а штат Аляска устанавливает свою собственную юрисдикцию (и может пользоваться роялти от разработки ресурсов) в пределах 3 м.м. вдоль побережья. Эти нормативные поправки создали благодатную почву для децентрализованного и учитывающего интересы общин режима рыболовства, который постепенно превратился в одну из самых устойчивых схем управления в мире.

Сегодня Аляска производит более половины рыбы, вылавливаемой в территориальных водах США, со средней оптовой стоимостью 4,5 млрд долл. в год³². Коммерческое рыболовство осуществляется в двух основных районах: Беринговом море и Алеутских островах и Аляскинском заливе [Vjörnsdóttir et al., 2021]. В 2018 г. отрасль морепродуктов принесла более 172 млн долл. США в виде налогов и сборов штату, муниципалитетам и широкому спектру государственных и федеральных учреждений, обеспечивая многочисленные возможности для населения штата³³. Ежегодный сбор морепродуктов на Аляске постоянно составляет около 60% от общего сбора морепродуктов в США, здесь базируются 9 000 судов, доставляющих рыбу на более чем 120 береговых перерабатывающих предприятий³⁴.

Морепродуктовая промышленность Аляски приносит экономике штата в среднем 5,6 млрд долл. в год³⁵. Из них наиболее значимым по экономическому воздействию (рабочие места,

³² National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA). Alaska. URL: <https://www.fisheries.noaa.gov/region/alaska>

³³ Resource Development Council for Alaska. Alaska's Fishing Industry. URL: <https://www.akrdc.org/fisheries>

³⁴ Там же.

³⁵ Alaska Seafood Marketing Institute. (2020). The Economic Value of Alaska's Seafood Industry (January 2020). URL: <https://www.alaskaseafood.org/resource/the-economic-value-of-alaskas-seafood-industry/>

доходы и общая стоимость) оказался лосось – благодаря его обилию в водах Аляски, а также недавнему развитию инкубаториев и устойчивому управлению запасами. Активное развитие лососевого промысла началось в начале 1970-х годов, когда была инициирована первая программа инкубации, разработанная с таким расчетом, чтобы дополнить, а не заменить устойчивое естественное производство дикого лосося. Программа действует до сих пор [Vercessi, 2013].

Поскольку практика разведения пелагической рыбы считается незаконной, инкубатории на Аляске специализировались на выращивании оплодотворенной икры и выпуске потомства в виде молоди. С 1974 г. программа инкубации расширяется, открывая доступ частным некоммерческим корпорациям к управлению лососевыми инкубаториями³⁶. Благодаря этому в 1980-х годах аляскинский лосось стал доминировать на рынках как в США, так и за рубежом, на Аляску приходилась почти половина мировых поставок лосося. В 1990-е годы инкубационная программа была интенсифицирована и оставалась ведущей в мире вплоть до 1996 г., когда искусственное разведение лосося в мировом масштабе по объемам впервые превзошло вылов дикого лосося [Stopha, 2019]. Рыбная промышленность Аляски отреагировала на рост конкуренции улучшением качества рыбы, проведением интенсивных маркетинговых мероприятий, чтобы отличить дикого лосося Аляски от выращенного на фермах, и переносом части переработки в Китай. По наблюдениям Департамента рыбы и дичи Аляски, к 2004 г. эти усилия окупились благодаря росту спроса и цен. Сегодня на 29 инкубаториев Аляски приходится всего 12–15% мирового предложения лосося, и штату необходимо найти устойчивые решения, чтобы вернуть ведущую роль на основных мировых рынках этой культуры [Там же].

Вторым по прибыльности промысловым видом для Аляски (и крупнейшим по объему добычи) является минтай. Это самый распространенный вид диких сиговых рыб на планете и вместе с остальными донными видами он формирует более 80% от общего улова Аляски [Fissel et al., 2018]. В 2015 г. на долю минтая приходилось 44% мирового предложения, а в 2018 г.

³⁶ National Research Council. Marine Aquaculture: Opportunities for Growth. The National Academic Press. URL: <https://doi.org/10.17226/1892>

минтай был вторым по улову видом в мире после анчоуса³⁷. Помимо минтая, промысел придонных рыб на Аляске включает еще пять крупных видовых комплексов: тихоокеанская треска, сайда, скумбрия Атка, камбаловые и скальные рыбы. По объему промысла тихоокеанская треска (298тыс. т в 2017 г.) соперничает с минтаем [Fissel et al., 2018]. Добыча палтуса, черной трески и краба в 2015 г. обеспечила 19% оплаты труда работников и совокупного продукта³⁸. В отличие от других видов придонных рыб, объемы добычи которых контролируются на федеральном уровне, тихоокеанский палтус подлежит особому управлению в рамках специального Договора между Канадой и США [Clark, Nare, 2006]. Аляскинский королевский и снежный крабы обеспечили 29% мирового объема поставок в 2015 г., это третий показатель после Канады и России.

Хотя рыбные фермы на Аляске запрещены законом, ряд видов морепродуктов производятся операторами марикультуры. С 1990 г. выращиваются тихоокеанская устрица, геодак, голубая мидия, зеленый морской еж, малощетинковый моллюск и розовый гребешок [McDowell Group, 2017]. Сегодня марикультура в водах Аляски в основном вращается вокруг выращивания устриц. По состоянию на 2020 г. индустрия разведения моллюсков и водных растений на Аляске включает 58 водных ферм, 8 питомников и 4 инкубатория, на которых выполняется в общей сложности 70 разрешенных операций [Pring-Nam, 2020]. Общий объем продаж моллюсков и водных растений в 2016 г. достиг 1,2 млн долл.³⁹ Таким образом, аквакультура, помимо рыболовства, является перспективным источником дохода⁴⁰.

Концептуализация «голубой экономики»

Осознание важности потенциала «голубой экономики» для устойчивого будущего Аляски выходит за рамки академических дискуссий и находит отклик у федеральных и местных властей.

³⁷ FAO. The State of World Fisheries and Aquaculture 2020: Sustainability in action. URL: <https://doi.org/10.4060/ca9229en>

³⁸ Alaska Seafood Marketing Institute. The Economic Value of Alaska's Seafood Industry (September 2017). URL: <https://www.alaskaseafood.org/resource/economic-value-report-september-2017/>

³⁹ State of Alaska. Alaska Mariculture Development Plan. URL: <https://www.afdf.org/wp-content/uploads/Alaska-Mariculture-Development-Plan-v2018-03-23-small-single-pg-view.pdf>

⁴⁰ Там же.

Недавно Национальное управление океанических и атмосферных исследований (National Oceanic and Atmospheric Administration, NOAA) подтвердило⁴¹, что будущее «голубой экономики» Аляски выглядит светлым благодаря научно обоснованному устойчивому управлению рыбным промыслом и марикультурой. Стратегический план этой организации направлен на развитие потенциала «голубой экономики» в США и содержит соответствующую дорожную карту для федерального уровня⁴². В ее докладе, в частности, подчеркивается необходимость развития экосистемного управления рыболовством, борьбы с ННН-промыслом и содействия устойчивому развитию аква-/марикультуры в США, но при этом лишь минимально упоминаются Аляска и особые социально-экологические условия, характерные для этого штата⁴³. На уровне государственного управления упоминание Аляски в реализации концепции «голубой экономики» также отсутствует в официальных политических документах; на момент написания статьи участие в реализации концепции «голубой экономики» региона ограничивалось университетскими структурами, такими как Центр голубой экономики Аляски, созданный Университетом Аляски в Фэрбенксе.

Однако цели экологической устойчивости и защиты экосистемы занимают важное место в повестке дня управления рыболовством и марикультурой штата Аляска, хотя и не в рамках «голубой экономики». Так, Аляскинский научный центр рыболовства (Alaska Fisheries Science Center, AFSC) NOAA проводит мониторинг здоровья и устойчивости рыбы, морских млекопитающих и среды их обитания на почти 1,5 млн квадратных миль водных пространств, окружающих Аляску, а также реализует правила, принятые Северо-Тихоокеанским советом по управлению рыболовством North Pacific Fishery Management Council (NPFMC) – основным органом, отвечающим за разработку методов управления, политики и правил, связанных с федеральным рыболовством за пределами трехмильной зоны. AFSC также

⁴¹ National Oceanic and Atmospheric Administration. Alaska's Blue Economy Includes Both Mariculture and Wild Caught Seafoods. URL: <https://www.fisheries.noaa.gov/feature-story/alaskas-blue-economy-includes-both-mariculture-and-wild-caught-seafoods>

⁴² National Oceanic and Atmospheric Administration. NOAA Blue Economy: Strategic Plan 2021–2025. URL: <https://oceanservice.noaa.gov/economy/blue-economy-strategy/>

⁴³ Там же.

разработал программу исследований в области экономических и социальных наук, которая призвана снабжать экономической и социально-культурной информацией Национальную службу морского рыболовства, помогая ей вырабатывать управленческие решения. Значительного прогресса добился Совет по исследованиям северной части Тихого океана (North Pacific Marine Science Organization), который был создан в 1997 г. В повестку дня Совета входят, среди прочих задач, планирование научных исследований и потребности в информации об экосистемах, координация и организация взаимодействия исследовательских программ, расширение доступности информации и привлечение общественности к рыболовству в северной части Тихого океана, Беринговом море и Северном Ледовитом океане.

В достижении цели устойчивого рыболовства штат опирается на сочетание жесткого регулирования, строгого соблюдения правил, тщательного мониторинга и инновационных технологий. AFSC, научные центры и коммерческие рыболовецкие компании давно сотрудничают с Программой NOAA по разработке и продвижению инновационных управленческих и аналитических технологий в сфере рыболовства. Большое значение имело внедрение в 2018 г. электронного мониторинга для оценки улова, разработанного в рамках программы. Инновационные инструменты мониторинга способны идентифицировать и измерять рыбу по цифровым изображениям. Перейдя от прежней системы «бумажных» лицензий на ловлю рыбы к электронной форме документооборота, рыболовным агентствам удалось повысить точность и своевременность данных о коммерческом вылове нескольких видов рыбы на Аляске. Инновационные технологии, направленные на обеспечение устойчивости, также поддерживаются частными рыболовными корпорациями.

Результаты

Результаты данной статьи являются перспективными отправными точками для будущих комплексных междисциплинарных исследований, способствуют определению важнейших аспектов рыболовства и аква-марикультуры в Северной Норвегии, Арктической зоне России и на Аляске, прокладывая путь для межрегионального сотрудничества в дальнейшем развитии «голубой экономики».

Обзор литературы о статус-кво в рыболовстве и аквакультуре в трех арктических регионах в соответствии с RQ1 предоставил описание того, как осуществляется управление морскими ресурсами в трех арктических регионах мира. Принимая во внимание эту иллюстрацию и опираясь на государственную официальную концептуализацию «голубой экономики», отраженную в стратегиях рыболовства и аквакультуры регионов (RQ2), удастся сопоставить различные национальные подходы, чтобы выявить возможную синергию между тремя регионами.

Если говорить о соответствующих государственных инструментах, то концептуализация «голубой экономики» наиболее заметна в норвежских стратегических документах. Государственные органы Норвегии в полной мере осознают необходимость объединения экономического развития с охраной окружающей среды, вовлечением сообществ, исследованиями и образованием, и довольно активно продвигают инклюзивную модель «голубой экономики». Это хорошо закреплено в Океанической стратегии (Ocean Strategy) 2019 г., в которой основное внимание уделяется устойчивости и развитию «голубой экономики» в Норвежской Арктике. В ней также подтверждается, что развитие «голубой экономики» в океанах может стать частью решения мировых экологических и климатических проблем, и делается акцент на ликвидации ННН-промысла. Устойчивость и осторожный подход также характерны для добычи живых морских ресурсов, которая хорошо организована на основе квот и сотрудничества через региональные организации по управлению рыболовством.

Когда речь заходит о «голубой экономике» в Арктической зоне России, картина выглядит совсем иначе. Рыболовство и аквакультура поддерживаются как федеральными, так и региональными программами и стратегиями⁴⁴, которые, однако, имеют значительные региональные различия. Хотя в последнее время в официальных политических документах все чаще звучит идея устойчивого развития, «голубая экономика» практически не упоминается в актуальных на данный момент стратегиях. Кроме того, отмечены фрагментарный характер отражения в них проблем «голубой экономики» и отсутствие комплексного подхода. Фактически экономическое развитие рыболовства

⁴⁴ Submariner Network. The Submariner Network in Russia. Retrieved May 1, 2022. URL: <https://www.submariner-network.eu/country-profile-russia>

и аквакультуры дополняется отдельными экологическими потребностями и вовлечением общества. Наконец, отсутствие в открытом доступе информации о том, как функционируют рыболовство и аквакультура в некоторых российских регионах, также является показателем фрагментарности и отсутствия согласованности, когда речь идет о политике управления морскими ресурсами Арктической зоны России.

Хотя реализация «голубой экономики» более актуальна на федеральном уровне, новая стратегия «Арктика 2035» демонстрирует, что программа государства в отношении арктических регионов преимущественно опирается на коммерческие проекты, акцентируясь на производстве энергии и промышленном развитии [Kluge, Paul, 2020]. Самый осторожный вывод, который можно сделать из этого краткого обзора арктической модели России, заключается в том, что «голубая экономика» здесь остается крайне неразвитой, с неиспользованным потенциалом.

Для сравнения, на Аляске существует более широкая концептуализация «голубой экономики» в отношении рыболовства и марикультуры, в значительной степени опирающаяся на научно обоснованное устойчивое управление. На федеральном уровне, как и в Норвегии, большое внимание уделяется мониторингу и борьбе с ННН-промыслом. Однако, как и в России, федеральные документы в США не делают акцент на развитии «голубой экономики» на Аляске и не уделяют особого внимания социально-экологической морфологии штата. Статус-кво аляскинской модели развития рыболовства и аквакультуры на уровне штата показывает, что концептуализация «голубой экономики» здесь также остается недостаточно разработанной: политика штата Аляска еще не инициировала институционализированный диалог о «голубой экономике» (хотя и фокусируется на устойчивом развитии), соответствующие начинания остаются локализованными или реализуются на микроуровне. Как и в России, «голубая экономика» в меньшей степени рассматривается в официальных документах.

Конструктивный обмен передовым политическим опытом может способствовать дальнейшему укреплению стремления трех регионов к «голубой экономике» (RQ3). На уровне государственного управления организация рыболовства на Аляске и в Российской Арктике основана на тесном сотрудничестве между федеральными и региональными властями, в то время как

в Норвегии эта сфера остается в высшей степени централизованной. Действительно, США и Россия являются федеральными государствами, а Норвегия – нет; однако и в нефедеральных государствах принятие решений может быть делегировано на региональный уровень. В России остается пробел между тем, как понимается «голубая экономика» на федеральном и региональном уровнях, при этом большинство реальных усилий в ее направлении локализовано и предпринимается местными властями, особенно на Северо-Западе страны.

Новую повестку можно предложить и на отраслевом уровне. Как было показано выше, все три региона проявляют большой интерес к разведению лососевых. Этот вид деятельности является чрезвычайно прибыльным источником дохода и занятости как для Северной Норвегии, так и для Аляски. Хотя лососеводство в трех регионах ведется по-разному, у них есть большой потенциал для изучения опыта друг друга: на Аляске успешно развиваются рыбопроизводные заводы и устойчивое управление запасами лосося, а в Северной Норвегии высокорентабельна аквакультура. Для Арктической России лососеводство – новая отрасль, но оно имеет большой потенциал для дальнейшего расширения в соответствии с экономическими и социально-экологическими потребностями региона. Опираясь на передовой опыт устойчивых инкубаториев Аляски и высокорентабельной аквакультуры Норвегии, фермерство в Арктической России также может быстро развиваться и вскоре превратиться в глобального стейкхолдера.

Заключение

Все большее количество публикаций посвящено междисциплинарным исследованиям в контексте рыболовства и аква/марикультуры Северной Норвегии, Арктической зоны России и Аляски. Однако сравнительные оценки и обмен знаниями относительно потенциала «голубой экономики» в трех регионах все еще в дефиците. В данной статье мы попытались начать концептуальное отображение текущего экономического и экологического состояния рыболовства и аква-/марикультуры в трех исследуемых регионах в контексте «голубой экономики», начав с того, как сами три региона склонны концептуализировать это понятие. Наши усилия позволили преодолеть первый камень преткновения в трансграничном взаимодействии арктических отраслей морепродуктов и концептуализации противоречивой

и неоднозначной интерпретации термина «голубая экономика» для отраслей рыболовства и морепродуктов Северной Норвегии, Российской Арктики и Аляски, сделав эти знания доступными для соответствующих заинтересованных сторон и лиц, принимающих решения.

Наше исследование показало (RQ1), что, несмотря на существующие конкурентные интересы на мировых рынках морепродуктов, Северная Норвегия, Арктическая зона России и Аляска сильно зависят от океана и его живых ресурсов (и, по-видимому, эта зависимость сохранится в будущем). Таким образом, принятие «голубой экономики» на уровне регионального и государственного управления может стать для них ключевым фактором в контексте экономического роста в морских и прибрежных районах, улучшения благосостояния людей, вовлечения местного населения, обеспечения социального равенства, а также снижения экологических рисков.

Чтобы вовлечься в «голубую экономику», сами арктические государства, прежде всего, должны активизировать использование этой концепции на уровне разработки политики. Учитывая это, мы проанализировали, как рыболовство и аква-/марикультура связаны с «голубой экономикой», как это отражено в основных официальных стратегиях развития морских территорий Северной Норвегии, Арктики, России и Аляски (RQ2). Хотя все три региона на разных уровнях провели определенную работу по изучению «голубой экономики», мы пришли к заключению, что она остается недоопределенной концепцией, по-разному концептуализируясь в государственных и региональных инструментах, а иногда, как показала российская модель, местные власти могут вообще не притрагиваться к этой концепции.

Взаимосвязь развития рыболовства и аква-/марикультуры в свете «голубой экономики» (RQ3) открывает путь для эффективного международного сотрудничества во многих секторах: разработке политики, обмене технологиями, улучшении услуг, инфраструктуры и управления, поддержании окружающей среды и передового рыночного опыта. Однако на пути к созданию общеарктической «голубой экономики» остается еще много водоразделов. Уроки, извлеченные из нашего краткого исследования, могут быть ценными для других морских регионов в дальнейшем развитии их «голубой экономики», и в итоге это будет способствовать панарктической концептуализации рамок данного понятия.

Литература/References

Raspotnik A., Rottem S.V., Østhaugen A. Голубая экономика Северного Ледовитого океана: управление аквакультурой на Аляске и в Северной Норвегии // Арктика и Север. 2021. № 42. С. 122–144. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2021.42.122

Raspotnik, A., Rottem, S.V., Østhaugen, A. (2021). The Blue Economy in the Arctic Ocean: Governing Aquaculture in Alaska and North Norway. *Arctic and North*. No. 42. Pp. 122–144. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221–2698.2021.42.122

Atkisson, A., Arbom, T., Tesar, C., Christensen, A. (2018). Getting it right in a new ocean: Bringing Sustainable Blue Economy Principles to the Arctic. World Wide Fund for Nature (WWF). https://arcticwwf.org/site/assets/files/2050/report_arctic_blue_economy_web.pdf

Barker, D. (2009). Was the Alaska Purchase a Good Deal? <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.393.367&rep=rep1&type=pdf>

Björnsdóttir, B., Reykdal, Ó., Þórðarson, G., Valsdóttir, Þ., Jónsdóttir, R., Kvalvik, I., Svorken, M., Eskildsen Pleyrn, I., Natcher, D., Dalton, M. (2021). Blue Bioeconomy in the Arctic Region. Arctic Council. <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2613>

Boboedova, M. (2014). Export performance of fishing companies in Northwest Russia: Factors, Tendencies and Implications [UiT – The Arctic University of Norway]. <https://hdl.handle.net/10037/7115>

Boonstra, W.J., Valman, M., Björkvik, E. (2018). A sea of many colours – How relevant is Blue Growth for capture fisheries in the Global North, and vice versa? *Marine Policy*, 87, 340–349. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2017.09.007>

Breimo, G., Leitet, M., Høyli, R., Myhre, M.S., Richardsen, R. (2018). Havnæringene i nord: Næringsutvikling og verdiskaping frem mot 2040 (SINTEF rapport 2018: 01146). SINTEF Nord AS. <https://sintef.brage.unit.no/sintef-xmlui/handle/11250/2600772>

Christensen, P. (2009). Fortellinger om kyst-norge: Den norsk-arktiske torsken og verden. AMB-utvikling et al.

Clark, W.C., Hare, S.R. (2006). Assessment and management of Pacific halibut: data, methods, and policy (Scientific Report. No. 83). International Pacific Halibut Commission. <https://www.arlis.org/docs/vol1/105530438.pdf>

Damianova, A., Klimanova, O., Leontev, S., Minasyan, G., Nemova, V., Pogozheva, M., Smetanina, M. (2020). Blue Economy: a Path for Krasnodar Krai. The World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34756>

Drivenes, E.-A., Hauan, M.A., Wold, H.A. (1994). Nordnorsk kulturhistorie 2: Det mangfoldige folket. Gyldendal.

Eikeset, A.M., Mazzarella, A.B., Davíðsdóttir, B., Klinger, D.H., Levin, S.A., Rovenskaya, E., Stenseth, N. C. (2018). What is blue growth? The semantics of “Sustainable Development” of marine environments. *Marine Policy*, 87, 177–179. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2017.10.019>

Elde, S., Kvalvik, I., Nøstvold, B.H., Rødbotten, R., Dalmannsdóttir, S., Halland, H., Uleberg, E., Reykdal, Ó., Árnason, J., Pálsson, P.G., Halldórsdóttir, R., Hilmarsson, Ó.Þ., Þórðarson, G., Valsdóttir, Þ., Knudsen, R., Natcher, D., Sidorova, D. (2018). The Arctic as a Food Producing Region. Phase I: Current status in five Arctic countries (Report 10/2018). Nofima. <https://nofima.no/en/pub/1581246/>

Fissel, B., Dalton, M., Garber-Yonts, B., Haynie, A., Kasperski, S., Lee, J., Lew, D., Lavoie, A., Seung, C., Sparks, K., Szymkowiak, M., Wise, S. (2018). 2017 Economic Status of the Groundfish Fisheries Off Alaska. NOAA Fisheries. <https://www.fisheries.noaa.gov/resource/data/2017-economic-status-groundfish-fisheries-alaska>

Heileman, S., Belkin, I. (2020). XI-31 Chukchi Sea: LME #54. International Waters Learning Exchange and Resource Network. <https://iwlearn.net/documents/33138>

Hestvik Brækkan, E. (2020, March 31). Tall fra Telleren: Verdiskaping i Nord-Norge de fem siste årene. <https://www.kbnn.no/artikkel/tall-fra-telleren-verdiskaping-i-nord-norge-de-fem-siste-arene>

Hønneland, G. (2012). Making Fishery Agreements Work: Post-Agreement Bargaining in the Barents Sea. Edward Elgar.

Keen, M.R., Schwarz, A.M., Wini-Simeon, L. (2018). Towards defining the Blue Economy: Practical lessons from Pacific Ocean governance. *Marine Policy*, 88, 333–341. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2017.03.002>

Kluge, J., Paul, M. (2020). Russia's Arctic Strategy through 2035: Grand Plans and Pragmatic Constraints. In *Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP-Aktuell 2020/C57)*. Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). <https://doi.org/10.18449/2020C57>

Larsen, J.N., Fondahl, G. (2015). Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages (TemaNord 2014:567). Nordic Council of Ministers. <https://doi.org/10.6027/TN2014-567>

Lee, K.H., Noh, J., Khim, J.S. (2020). The Blue Economy and the United Nations' sustainable development goals: Challenges and opportunities. *Environment International*, 137, 105528. <https://doi.org/10.1016/j.envint.2020.105528>

McDowell Group. (2017). Alaska Mariculture Initiative: Economic Analysis to Inform a Comprehensive Plan, Phase II. <https://www.adfg.org/wp-content/uploads/AMI-Phase-II-Final-Nov2017.pdf>

Naske, C.M., Slotnick, H.E. (1994). Alaska: A History of the 49th State (Second Edi). University of Oklahoma Press.

Pring-Ham, C. (2020). Alaska Department of Fish and Game Aquatic Farming: Permitted Operations Status Report. https://www.adfg.alaska.gov/static/fishing/PDFs/aquaticfarming/2020_af_permitted_op_status_report.pdf

Raspotnik, A., Grønning, R., Herrmann, V. (2020). A tale of three cities: the concept of smart sustainable cities for the Arctic. *Polar Geography*, 43(1), 64–87.

Silver, J.J., Gray, N.J., Campbell, L.M., Fairbanks, L.W., Gruby, R.L. (2015). Blue Economy and Competing Discourses in International Oceans Governance. *Journal of Environment and Development*, 24(2), 135–160. <https://doi.org/10.1177/1070496515580797>

Stopha, M. (2019). Alaska Salmon Fisheries Enhancement Annual Report 2018 (Regional Information Report No. 5J19–01). Alaska Department of Fish and Game. <http://www.adfg.alaska.gov/FedAidPDFs/RIR.5J.2019.01.pdf>

Stupachenko, I. (2018, April 4). Can Russia's Arctic deliver on big fishing promises? Seafood Source. <https://www.seafoodsource.com/features/can-russias-arctic-deliver-on-big-fishing-promises>

Stupachenko, I. (2020, March 19). Russia working to develop aquaculture in Arctic regions. Seafood Source. <https://www.seafoodsource.com/news/aquaculture/russia-working-to-develop-aquaculture-in-arctic-regions>

Tianming, G., Bobylev, N., Gadal, S., Lagutina, M., Sergunin, A., Erokhin, V. (2021). Planning for Sustainability: An Emerging Blue Economy in Russia's Coastal Arctic? *Sustainability*, 13(9), 4957. <https://doi.org/doi.org/10.3390/su13094957>

Troell, M., Eide, A., Isaksen, J., Hermansen, Ø., Crépin, A.S. (2017). Seafood from a changing Arctic. *Ambio*, 46, 368–386. <https://doi.org/10.1007/s13280-017-0954-2>

Tsiouvalas, A., Stoeva, G., Raspotnik, A. (2022). Looking for Common Ground: Marine Living Resource Development in Alaska and Northern Norway in the Context of the Blue Economy. *Sustainability*, 14(4115). <https://doi.org/10.3390/su14074115>

Vercessi, L. (2013). Alaska Salmon Hatcheries: Contributing to Fisheries and Sustainability. Alaska Department of Fish and Game. https://www.adfg.alaska.gov/static/fishing/PDFs/hatcheries/se_hatcheries_10.pdf

Статья поступила 14.06.2022

Статья принята к публикации 28.06.2022

Для цитирования: Циувалас А., Распотник А. Определение «голубой экономики» в контексте арктического рыболовства и аквакультуры: международный опыт // ЭКО. 2022. № 10. С. 27–55. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-27-55

For citation: Tsiouvalas, A., Raspotnik, A. (2022). Defining the Blue Economy in an Arctic Fisheries and Aquaculture Context: Insights from International Experience. *ECO*. No. 10. Pp. 27–55. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-27-55

Summary

Tsiouvalas, A., *Doct. Research Fellow*. E-mail: apostolos.tsiouvalas@uit.no
Arctic University of Norway (UiT), Tromsø, Arctic Institute of the Center for Circumpolar Security Studies, Washington

Raspotnik, A., *Senior Research Fellow*. E-mail: araspotnik@fni.no
Fridtjof Nansen Institute, Norway, Lysaker

Defining the Blue Economy in an Arctic Fisheries and Aquaculture Context: Insights from International Experience

Abstract. The paper is intended to show how the idea of the “blue economy” is conceptualized in the three main Arctic coastal regions: Northern Norway, the Russian Arctic Zone and Alaska (USA). This is done through the example of how fisheries and aquaculture function in these three regions and through an analysis of their official policies. The paper examines the current organization of blue economy management, identifying weaknesses and best practices in the three regions in question. In addition, the paper seeks to draw conclusions and trace best practices that contribute to the development of a unified concept of the “all-Arctic blue economy structure” and pave the way to the institutionalization of cross-border synergies.

Keywords: *Arctic Ocean; Northern Norway; Alaska; Arctic zone of Russia; fishery; aquaculture; pan-Arctic blue economy*

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

Консенсус Уолл-Стрит как препятствие для эффективности зеленого перехода

О.Н. БУЧИНСКАЯ, кандидат экономических наук

E-mail: buchinskaia.on@uieec.ru

Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России;

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург

Аннотация. Несмотря на то, что попытки экологизировать экономические процессы предпринимались еще с конца XX века, их результат крайне неоднороден и неэффективен для развивающихся стран. Это связано с тем, что инструменты, применяемые в рамках зеленой повестки, работают не столько на достижение целей устойчивого развития, сколько на увеличение прибыли транснациональных компаний и институциональных инвесторов. В результате на смену Вашингтонскому консенсусу приходит так называемый Консенсус Уолл-Стрит. Предлагаемый в его рамках экономический инструментарий не приводит к повышению экологической и экономической эффективности хозяйств развивающихся стран и усиливает их зависимость от крупного зарубежного капитала. В этих условиях развивающимся странам в целом и России в частности необходимо пересмотреть стратегии зеленого перехода с тем, чтобы они, способствуя экономическому росту, не усиливали социально-экономическое неравенство и зависимость от зарубежных финансовых структур.

Ключевые слова: Консенсус Уолл-Стрит; зеленая повестка; зеленая экономика; зеленое финансирование; стратегия зеленого перехода; загрязняющие офшоры; институциональные инвесторы

Введение

Экологическая проблематика сегодня оказывает существенное влияние на экономические и политические процессы, происходящие в мире. Зачастую стремление к экологизации производства и снижению ущерба окружающей среде принимает формы не сотрудничества стран в решении экологических и экономических проблем в рамках устойчивого развития, а политического и экономического противоборства с целью вытеснения потенциальных противников со стратегически важных позиций на товарных рынках. Для предотвращения такого рода давления и эффективного решения экологических задач необходимо понимание источников подобного противодействия.

В данной статье мы попытались установить истоки пристального внимания мирового финансового сообщества к экологическим проблемам, выявить последствия этого для развивающихся стран и предположить возможные направления деятельности Российской Федерации для защиты национальных и экологических интересов в современных условиях.

Инструменты Консенсуса Уолл-Стрит и последствия их применения

Эффективная природоохранная деятельность требует значительных капитальных вложений, масштабных исследований, постоянного обновления технологий, ликвидации экологически неэффективных производств, соответствующей переориентации и переобучения трудовых ресурсов. Поэтому вопрос зеленого финансирования крайне актуален для экологически ориентированных компаний. Традиционно это были прямые инвестиции, внутренние или зарубежные. С течением времени появились новые инструменты финансирования, такие как зеленые облигации, облигации с покрытием, инструменты секьюритизации активов. Это позволило привлечь институциональных инвесторов, заинтересованных больше в получении прибыли от ценных бумаг, нежели в достижении результатов, качественно влияющих на экологическую ситуацию. К ним относятся прежде всего пенсионные фонды, страховые компании и фонды национального благосостояния, а также крупные международные инвестиционные компании.

Усиление власти подобных инвесторов привело к появлению в научном дискурсе концепции так называемого «Консенсуса Уолл-Стрит» (WSC), приходящего на смену «Вашингтонскому консенсусу». А именно – к попытке крупных финансовых организаций занять монопольное положение на Глобальном Юге и выдвинуть политические инициативы, направленные на укрепление своих позиций. Консенсус Уолл-Стрит поддерживается правительствами развитых стран, глобальными и местными институциональными инвесторами. На пике популярности зеленого финансирования в рамках WSC предлагается свой собственный инструментарий проникновения на рынки капитала развивающихся стран (таблица) [Dafermos et al., 2021].

Инструментарий климатической политики Консенсуса Уолл-Стрит

Инструментарий климатической политики	Климатическое регулирование	
	уменьшение изменения климата	адаптация к изменению климата
Развитие финансирования климатоориентированной инфраструктуры через систему государственно-частного партнерства (ГЧП)	*	*
Центробанки как спасатели климата последней инстанции		*
Раскрытие информации о климатоориентированных финансовых рисках	*	*
Выплаты за выбросы углерода	*	

Источник. [Dafermos et al., 2021. P. 243].

Относительно климатической повестки предусматриваются две стратегии: уменьшение темпов негативного изменения климата и адаптация жизнедеятельности к изменяющемуся климату. Первая из них связана с декарбонизацией экономики и формируется в рамках экологической политики развитых стран, вторая реализуется странами, находящимися в неблагоприятных экологических условиях (это прежде всего развивающиеся экономики Африки, Центральной и Южной Америки). Стратегия адаптации подразумевает создание инфраструктуры, которая защищает от связанных с климатом бедствий (ураганы, засухи, наводнения и т.д.), оказание финансовой поддержки экономическим агентам, пострадавшим от изменения климата, адаптацию финансовой системы к потенциально растущим финансовым потерям, связанным с климатом.

Несмотря на растущую пропаганду инструментария Консенсуса Уолл-Стрит, его применение вызывает беспокойство у ряда исследователей. Как за рубежом, так и в России идет активное продвижение государственно-частного партнерства (ГЧП) как эффективной модели финансирования проектов в сфере климатической повестки [Berezin et al., 2018; Барбашина, 2021; Anwar et al., 2021; Chunling et al., 2021], но есть примеры, показывающие сомнительность использования ГЧП из-за ошибок государства или бизнеса или конфликтов между сторонами [Osei-Kyei et al., 2019; Корреñан, 2015]. Так, отмечено, что в Европе наблюдается снижение числа финансово закрытых сделок ГЧП при увеличении их размера, в развивающихся же странах растет количество сделок ГЧП, с участием международных финансовых и бизнес-организаций. При этом зачастую отсутствуют данные, сколько из выделенных на такие проекты средств было освоено [Алексеев, Тесля, 2020].

А. Пролубников [Пролубников, 2020] отмечает, что при применении механизмов ГЧП с участием иностранных провайдеров услуг развивающиеся страны, как правило, сталкиваются с оттоком капитала, в то время как развитые более устойчивы к этому оттоку. Таким образом, использование ГЧП может усиливать зависимость развивающихся стран от иностранных подрядчиков и компаний-поставщиков.

Повышается нагрузка на центральные банки развивающихся стран: ожидается, что они будут выкупать обесценившиеся активы при наступлении события так называемого «зеленого лебедя» – системного риска, который включает в себя взаимодействующую, нелинейную, принципиально непредсказуемую экологическую, социальную, экономическую и геополитическую динамику, связанную с изменением климата. Это существенно снижает их устойчивость [Bolton et al., 2020]. Этот инструмент, однако, не предусмотрен для центральных банков развитых стран, реализующих стратегию уменьшения изменения климата (таблица). Таким образом, подобный инструмент направлен не на укрепление экономики развивающихся стран, а на дальнейшее понижение устойчивости их финансовых институтов, с целью укрепления зависимости от политики экономически развитых стран и крупных финансовых игроков.

При распространении политики раскрытия информации о зеленой деятельности фирм и использовании штрафных санкций за применение «грязных» технологий тоже могут применяться двойные стандарты. Так, Банк Великобритании заявляет, что он «также рассматривает возможность применения штрафного фактора, который вводит дополнительные капитальные затраты на загрязняющие и потенциально рискованные виды деятельности. Однако существуют препятствия для реализации такой меры, в том числе отсутствие общепринятого определения загрязняющих производств и тенденция к акцентированию определений на крайностях, и, что наиболее важно, возможность перехода видов деятельности с “коричневого” на “зеленый” с течением времени. Принятию коэффициента “штрафующего” за загрязняющую деятельность также препятствует отсутствие данных, позволяющих измерить рискованность актива. Это затрудняет калибровку любого воздействия и обоснование корректировок структуры капитала» [Carney, 2020. P. 3].

Ряд развитых стран придерживается политики не сокращения «коричневых активов», а увеличения доли «зеленых активов»¹, что дает им дополнительную свободу маневра. В то же время многие транснациональные корпорации переносят грязные производства в развивающиеся страны, что увеличивает не только финансовую, но и экологическую нагрузку последних. Этот феномен описывается гипотезой «загрязняющих офшоров» (*pollution haven hypothesis*). Интересно, что многие западные исследователи называют ее ошибочной или слабо выраженной [Eskeland, Harrison, 2003; Cole, 2004; Taylor, 2005], в то время как их коллеги из развивающихся стран говорят об устойчивой связи прямых зарубежных инвестиций с ростом экологической напряженности [Ur Rahman et al., 2019; Solarin et al., 2017; Shen et al., 2019; Rana, Sharma, 2019].

Страны Африки, Азии, Центральной Америки, наиболее подверженные климатическим рискам, как правило, не располагают развитыми зелеными технологиями, но выступают реципиентами «грязных» производств. Они зачастую имеют низкие доходы и крупную внешнюю задолженность. В результате рекомендуемого раскрытия информации о рисках снижается их привлекательность для притока капитала, и они вынуждены кредитоваться по зеленым проектам по более высоким ставкам, что увеличивает степень их задолженности [Kling et al., 2021]. Раскрытие информации о рисках, таким образом, выступает как инструмент перераспределения финансовых потоков в пользу развитых экономик и затрудняет доступ к финансовым ресурсам тем, кто сильнее них нуждается, что не только тормозит развитие зеленых технологий в развивающихся странах, но и увеличивает их экономическое и технологическое отставание от идеологов «зеленых» реформ.

Использование такого инструмента, как выплаты за углеродные выбросы, прежде всего в виде налогообложения, хотя и является действенным механизмом снижения экологической нагрузки, также крайне неоднозначно. Многие развитые государства перенесли загрязняющие производства на территорию развивающихся стран. Этим они не только добились снижения издержек производства в условиях более дешёвых ресурсов

¹ *Ferguson N.* Solvency: Insurers push against EU plan to penalise brown assets. URL: <https://capitalmonitor.ai/factor/environmental/solvency-insurers-push-against-eu-plan-to-penalise-brown-assets/>

и рабочей силы, но и переложили углеродную нагрузку на чужие плечи. Некоторые исследователи считают ценообразование на выбросы углерода очень выгодным для европейских стран, поскольку текущая ситуация позволяет им не только добиться высоких прибылей при низких затратах, но и генерировать дополнительные государственные доходы через торговлю углеродными квотами [Herburn et al., 2020]. Неудивительно, что налоговое давление на углеродные производства встречает значительное общественное и политическое сопротивление в развивающихся странах.

Вызывают озабоченность «социальные инициативы», предлагаемые в программах WSC, например, через использование интеллектуальных счетчиков энергии с функцией предварительной оплаты, которые призваны помочь бедным управлять своим энергетическим бюджетом и создать стимул для более энергоэффективного поведения [De Gouvello et al., 2020. P. 80–81]. Есть мнение, что фактически это повлечет сокращение доступа к энергии для бедных слоев общества, что отрицательно скажется и на уровне жизни, и на производственном потенциале развивающихся стран. При этом исследования показывают, что, например, в США представители самого богатого дециля выбрасывают более чем в пять раз больше CO₂, чем их сограждане из самого бедного дециля, однако налог на выбросы углерода обойдется последним в более высокую долю доходов, что делает его регрессивным налогом [Fremstad, Paul, 2019]. Подобные результаты справедливы и для Швеции², Германии³. На этом фоне подозрительно выглядят уверения в том, что применение углеродных налогов окажется благоприятным для бедных экономик с большим уровнем неравенства в доходах [Budolfson et al., 2021].

Д. Габор отмечает, что поощряемая глобальными институтами секьюритизация зеленых активов приводит не столько к снижению рисков, сколько к перераспределению средств в пользу институциональных инвесторов: «Потенциальные выгоды от организации мероприятий в области развития вокруг вопросов “как продавать финансирование развития рынку” завышены, в то время как

² Andersson J., Atkinson G. The distributional effects of a carbon tax: The role of income inequality. – Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment, URL: http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/distributional_effects_of_carbon_tax.pdf

³ Haug C., Eden A., de Oca M. M. Addressing the distributional impacts of carbon pricing policies URL: https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Addressing_distributional_impacts_of_carbon_pricing_policies_-_adelphi.pdf

затраты – с точки зрения структурных изменений в финансовом секторе, (де-факто) приватизации государственных услуг посредством ГЧП и сужения пространства для маневра в политике для зеленого развития государства – преуменьшаются» [Gabog, 2019].

Исследователь показывает, что поворот к частному финансированию и снижение роли государства в распределении «зеленых» ресурсов и благ уменьшают перспективы справедливого перехода к низкоуглеродной экономике, не ухудшающего положение бедных слоев населения. Инициатива же Мирового банка усилить коммерциализацию транспорта, образования, здравоохранения, энергетической и коммунальной инфраструктуры, благосостояния в целом через приватизацию в развивающихся странах приводит к тому, что основную выгоду получают глобальные финансовые организации, в то время как государства будут более заинтересованы в выгодности финансовых активов, нежели в разработке реальных преобразований для достижения Целей Устойчивого Развития ООН. Через зеленые финансы ожидается переток средств в развитые страны: потоки капитала смещаются с финансирования локальных производств цемента и стали, животноводства и легковых автомобилей, размещения данных на финансирование лучших в своем классе производителей цемента и стали, животноводческих ферм, центров обработки данных и автомобилей⁴. И естественно, «лучшие в классе» технологии, защищенные авторскими патентами и попадающие в таксономию «зеленых» видов деятельности, оказываются в развитых странах.

В результате климатическая повестка уходит на второй план по сравнению с проблемой перераспределения власти над экономическими и финансовыми ресурсами. С. Тан показывает, что обращение к глобальным рынкам для финансирования устойчивого развития вытесняет национальную ответственность и участие развивающихся стран в разработке социальной и экономической политики, включая Цели Устойчивого Развития ООН [Tan, 2022]. Выбор, каким секторам уделять приоритетное внимание при принятии финансовых решений, будет определяться не национальными структурами или сообществами,

⁴ *Hache F.* 50 Shades Part III: Sustainable Finance 2.0—The Securitization of Climate and Biodiversity Policies URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3562281 <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3562281>

а институциональными инвесторами и поставщиками индексов, рейтинговыми агентствами, и пр., базирующимися в странах с развитой экономикой.

WSC, широко используя инструменты «зеленого камуфляжа» (Greenwashing), помогает представителям «коричневых финансов» изменить свой имидж, но не заставляет реально экологизировать свою деятельность. Таксономия («зеленых» инвестиций) Евросоюза находится под сильным давлением согласованного лоббирования корпоративного и финансового секторов⁵, а крупные компании вполне могут формировать свое место в рейтингах, учитывая отсутствие четкой глобальной таксономии зеленых видов деятельности и стандартов отчетности.

Стратегия Российской Федерации в развитии зеленой экономики

Исходя из вышеописанного, осуществление зеленого перехода через использование рекомендаций WSC на территории Российской Федерации не принесет стране ни эффективного развития, ни даже улучшения экологической ситуации. Напротив, можно ожидать ухудшения положения страны на международной арене и вывоза из нее средств в виде углеродных выплат и налогов. При этом ухудшаются экспортные возможности для российских товаров под предлогом их создания с помощью «грязных» технологий.

На сегодняшний день считается, что Россия мало внимания уделяет вопросам энергоперехода, и ей полезен бы был опыт Европейской зеленой сделки [Попова, 2021]. Но подобный инструментарий должен тщательно изучаться, поскольку опыт ЕС нельзя назвать полностью позитивным. Евросоюз объединяет как практически деиндустриализированные страны, так и государства с высоким уровнем промышленности и энергетической зависимости. Их возможности по зеленым преобразованиям в рамках Европейской зеленой сделки также крайне различаются [Hudec, Sinčáková, 2021]. Зеленая сделка по европейскому сценарию может привести к возникновению существенных проблем как с безработицей от закрытия добывающих производств и ростом

⁵ Storm S. The EU's Green Deal: Bismarck's 'What is Possible' Versus Thunberg's 'What is Imperative' // Institute for new Economic Thinking Working Paper Series. 2020. № 117. URL: <https://doi.org/10.36687/inetwp117>

бедности в связи с удорожанием энергии (как это произошло в странах Восточной Европы), так и с производством электро- и теплоэнергии. Некоторые исследователи [Fuchs et al., 2020] отмечают, что реализация зеленой сделки не только ставит под угрозу агропродовольственную безопасность ЕС, но и наносит экологический и экономический ущерб поставщикам сельхозпродукции из развивающихся стран, стимулируя сокращение в них лесов под увеличивающиеся сельскохозяйственные угодья и рост использования пестицидов и гербицидов.

Поскольку Россия, как и ЕС, включает в себя большое количество разноплановых по уровню экономического, социального, промышленного и энергетического развития регионов, то в первую очередь перед страной стоит задача недискриминационного социально-экономического развития субъектов Федерации. Экологическая политика должна обеспечивать не только сохранность природных ресурсов, но и недопустимость ухудшения экономического положения регионов. В климатической доктрине РФ декларируется приоритет национальных интересов при разработке и реализации политики в области климата⁶; наряду с глобальным характером интересов Российской Федерации в отношении изменений климата и их последствий.

Е. И. Буркова выделяет две проблемы, с которыми сталкивается Россия из-за зеленой повестки: отсутствие внятной стратегии перехода к низкоуглеродной модели развития и климатическая уязвимость страны [Буркова, 2021]. Однако в 2018 г. были утверждены две стратегии: «Развития лесного комплекса»⁷ и «Обращение с отходами»⁸, содержащие серьезные климатические инициативы и анализирующие имеющиеся пробелы климатической политики РФ. К сожалению, их реализация идет крайне медленно. В свою очередь Стратегия энергетического перехода, принятая в 2020 г.,⁹ предлагает четкий набор мер по энергетической трансформации страны к 2035 г., однако она требует корректировки, поскольку

⁶ Распоряжение Президента Российской Федерации «О Климатической доктрине Российской Федерации» № 861-рп от 17.12.2009 г.

⁷ «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», утв. Распоряжением Правительства РФ № 1989-р от 20.09.2018.

⁸ «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года», утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации. № 84-р от 25.01.2018 г.

⁹ «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», утв. Распоряжением Правительства РФ № 1523-р от 09.06.2020.

рассчитана с учетом ежегодного роста ВВП в объеме 2,3–3% и увеличения добычи нефти и газа, т.е. в значительной степени основана на ресурсоориентированном подходе.

На наш взгляд, для поддержания реальной климатической трансформации и свободы от диктата сторонников WSC, России необходима самостоятельная эколого-климатическая политика.

Для ее реализации необходимо:

1) обеспечить аудит природных ресурсов РФ с составлением единого федерального реестра. На текущий момент у нас есть отдельные реестры, такие как Единая система учёта древесины и сделок с ней, Единый фонд геологической информации о недрах, Единый реестр почвенных ресурсов, но отсутствуют лесной и водный реестры. Консолидация и регулярное обновление информации в реестре природных ресурсов позволят оценить природно-ресурсный потенциал России и ее регионов, осуществлять мониторинг состояния национальной и региональных экосистем и т.д;

2) на основе собранных данных разработать для каждого региона программу экономико-экологического развития с целевыми индикаторами. На текущий момент таких программ в стране нет, хотя Министерство экономического развития разработало методические рекомендации по оценке климатических рисков, ранжированию адаптационных мероприятий по степени их приоритетности, формированию отраслевых, региональных и корпоративных планов адаптации к изменениям климата; в них также определены показатели достижения целей адаптации к изменениям климата¹⁰. Эти рекомендации необходимы, но недостаточны для экологически устойчивого развития российских регионов;

3) создать национальную систему стимулирования декарбонизации для бизнеса. До настоящего времени российские компании внедряют низкоуглеродные технологии лишь для доступа к иностранным, прежде всего, европейским рынкам. В связи с растущей изоляцией Российской Федерации от стран ЕС этот стимул теряет свою значимость. Поэтому, а также из-за потери доступа к ряду современных технологий и промышленных товаров их экологическая трансформация будет замедлена. Однако данный спад

¹⁰ «Методические рекомендации и показатели по вопросам адаптации к изменениям климата», утв. Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации № 267 от 13.05.2021.

следует преодолеть максимально быстро, поскольку промедление в экологическом переходе сделает российские товары менее конкурентоспособными и на других рынках, не говоря уже об ущербе экологии страны. Поэтому необходимо вводить меры по стимулированию зеленых инноваций. Прежде всего – через предоставление налоговых льгот при разработке и успешном внедрении экологически дружественных товаров и услуг, меры в виде сокращения субсидий для добывающей промышленности, рекомендуемые ЕС, могут применяться только после восстановления производства;

4) разработать систему зеленого инвестирования. В критериях устойчивого развития¹¹ помимо целевых показателей утверждены требования к финансированию зеленых проектов. Однако часть из них действует в интересах представителей WSC и не может применяться на территории РФ. Программа инвестирования не должна допускать массового оттока прибыли от зеленых инвестиций за пределы страны; она должна обеспечивать интересы производителей и государства, а не финансовых институтов, стимулировать развитие и практическое внедрение зеленых инноваций, быть устойчивой к «зеленому камуфляжу».

Для реализации подобной программы, в частности, необходимо: во-первых, разработать системы привлечения личных сбережений граждан на проекты зеленого финансирования (например, путем продажи зеленых облигаций и обеспечения их розничного оборота, исключающего возможности концентрации данных ценных бумаг в руках отдельных компаний или лиц). Потенциал этого инструмента может увеличиться при предоставлении государственных гарантий. Во-вторых, при заключении государственных контрактов в госзакупках давать преимущество программам, предусматривающим привлечение российских компаний и технологий, а также использование отечественных ресурсов для осуществления проектов. Привлечение зарубежных подрядчиков, технологий и материалов и иных ресурсов не должно превышать установленной государством нормы, их количество и качество должно быть обосновано при утверждении проекта.

В-третьих, привлечение к проектам государственно-частного партнерства зарубежного капитала должно происходить

¹¹ Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1587 от 21.09.2021.

на условиях сохранения или получения собственности на проект государством. Такими типами ГЧП могут быть BOT (Build, Operate, Transfer – частный партнер отвечает за создание объекта, может использовать его в течение определенного срока без права собственности и по окончании соглашения передает объект государству) и BTO (Build, Transfer, Operate – объект после завершения строительства передается в собственность государству, частный партнер обеспечивает его обслуживание и распоряжается доходами от эксплуатации).

В-четвертых, необходимо стимулировать внутренний спрос на «зеленые» товары и технологии. Пока что спрос на них предъявляет только ЕС, что и служит причиной зеленого экспорта [Игнатова, Дударева, 2021]. Создание культуры зеленого потребления должно усилить развитие спроса и вслед за ним заинтересованности промышленности в зеленой трансформации.

Разработка и развитие российской инициативы зеленого перехода, свободной от недостатков западных экологических инициатив, позволит стране не только сохранить собственные ресурсы и экологию, но и станет толчком к развитию инновационного производства в условиях политической и экономической изоляции.

Заключение

Проблемы глобального потепления климата и экологической напряженности актуальны уже на протяжении нескольких десятилетий, однако их решение, как за рубежом, так и в России, оставляет желать лучшего. В последние несколько лет мир фактически пережил бум зеленых инициатив – от «Нового зеленого курса» США до «Зеленой сделки» Евросоюза и озеленения китайской инициативы «Один пояс – один путь». Однако реального улучшения экологической ситуации в мировом масштабе не наблюдается.

Очевидно, во многом это связано с произошедшей в мировом сообществе подменой экологических стремлений финансовыми интересами крупных корпораций и институциональных инвесторов, в результате чего наблюдается перераспределение благ и доходов от экологически ориентированной экономической деятельности в пользу крупных финансовых игроков, в то время как страны, действительно нуждающиеся в экологической поддержке, не имеют доступа к финансовым ресурсам.

Экологическая повестка широко используется как инструмент экономического и политического давления развитых стран на появляющихся конкурентов из развивающихся экономик.

Все это лишь увеличивает глобальное социально-экономическое неравенство, решая экологические проблемы только на отдельных, как правило, уже благополучных, участках земного шара. Как и в случае с Вашингтонским консенсусом, принятие Консенсуса Уолл-Стрит окажет на экономики стран, не являющихся мировыми лидерами, разрушительное воздействие.

Ввиду этого России нецелесообразно вслепую воспринимать зарубежный опыт и инструменты «зеленого финансирования». Вместо этого необходима разработка рациональной модели зеленого перехода, направленной непосредственно на сохранение экологического и экономического благосостояния страны. Как и другим развивающимся государствам, нам необходимо делать упор на сохранение собственности на объекты ГЧП, усиление строительства объектов экологического значения с привлечением преимущественно собственных компаний и частных сбережений, ориентируясь по возможности на национальных миноритарных инвесторов.

В целом для обеспечения справедливого и гармоничного развития в русле ЦУР ООН необходимо ограничивать роль представителей глобальных финансовых организаций и не допускать их к управлению ресурсами и предприятиями национальных экономик.

Литература/References

Алексеев А. В., Тесля П. Н. Мировой опыт ГЧП: пятна на солнце // ЭКО. 2020. № 3 (549). С. 136–159. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Alekseev, A.V., Teslya, P.N. (2020). The global experience of PPP: spots on the sun. *ECO*. Vol. 549. No. 3. Pp. 136–159. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Барбашина Е. А. Роль государственно-частного партнерства в управлении процессами инновационного развития экономики России // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 1. С. 119–130. DOI: 10.18334/vinec.11.1.111948

Barbashina, E.A. (2021). The role of public-private partnership in managing the processes of innovative development of the Russian economy. *Voprosy innovacionnoj jekonomiki*. Vol. 11. No. 1. Pp. 119–130. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.11.1.111948

Буркова Е. И. Европейская «зеленая сделка» и климатическая политика новых независимых государств // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 164–182. DOI: 10.20542/2073–4786–2021–4–164–182

Burkova, E.I. (2021). The European “green deal” and the climate policy of the newly independent States. *Rossija i novye gosudarstva Evrazii*. Vol. 53. No. 4. Pp. 164–182. (In Russ.). DOI: 10.20542/2073–4786–2021–4–164–182

Игнатова И. В., Дударева Э. А. «Зеленый» экспорт России в страны Европейского союза: проблемы, возможности и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 60–68. DOI: 0.24158/rep.2021.6.8

Ignatova, I.V., Dudareva, E.A. (2021). Russia’s “green” exports to the countries of the European Union: problems, opportunities and prospects. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 95. No. 6. Pp. 60–68. (In Russ.). DOI: 0.24158/rep.2021.6.8

Попова И. М. Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей «Зеленой сделки» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 4. С. 30–56. DOI: 10.17323/1996–7845–2021–04–0

Popova, I.M. (2021). Analysis of legislative changes and measures to support the achievement of the goals of the “Green Deal”. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja ekonomika*. Vol. 16. No. 4. Pp. 30–56. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2021–04–0

Пролубников А. В. Государственно-частное партнерство как инструмент государственной экономической политики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2020. № 2. С. 21–26.

Prolubnikov, A.V. (2020). Public-private partnership as an instrument of state economic policy. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika*. No. 2. Pp. 21–26. (In Russ.).

Anwar, A., Sharif, A., Fatima, S., Ahmad, P., Sinha, A., Khan, S. A. R., Jernsittiparsert, K. (2021). The asymmetric effect of public private partnership investment on transport CO2 emission in China: Evidence from quantile ARDL approach. *Journal of Cleaner Production*. No. 288. Pp. 125282. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.125282

Berezin, A., Sergi, B.S., Gorodnova, N. (2018). Efficiency assessment of public-private partnership (PPP) projects: The case of Russia. *Sustainability*. Vol 10. No. 10. Pp. 3713. DOI: 10.3390/su10103713

Bolton, P., Despress, M., da Silva, L. A. P., Samama, F., Svartzman, R. (2020). The Green Swan – Central Banking and Financial Stability in the age of climate change. Bank for International Settlements. *Banque de France Eurosystem*. <https://www.bis.org/publ/othp31.pdf> (accessed 20.03.2022).

Budolfson, M., Dennig, F., Errickson, F., Feindt, S., Ferranna, M., Fleurbay, M., Klenert D., Kornek U., Kukuc K., Mejean A., Peng W., Scovronick N., Spears D., Wagner F., Zuber, S. (2021). Climate action with revenue recycling has benefits for poverty, inequality and well-being. *Nature Climate Change*. Vol. 11. No. 12. Pp. 1111–1116. DOI: 10.1038/s41558–021–01217–0

Carney, M. (2020). *Letter from the Governor of the Bank of England, Mark Carney, to the Chair February*. <https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmtreasy/correspondence/Mark-Carney-BoE-to-Chair-270220.pdf> (accessed 20.03.2022).

Chunling, L., Memon, J.A., Thanh, T.L., Ali, M., Kirikkaleli, D. (2021). The Impact of Public-Private Partnership Investment in Energy and Technological Innovation on Ecological Footprint: The Case of Pakistan. *Sustainability*. Vol. 13. No. 18. Pp. 10085. DOI: 10.3390/su131810085

Cole, M.A. (2004). Trade, the pollution haven hypothesis and the environmental Kuznets curve: examining the linkages. *Ecological economics*. Vol. 48. No. 1. Pp. 71–81. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2003.09.007

Dafermos, Y., Gabor, D., Michell, J. (2021). The Wall Street Consensus in pandemic times: what does it mean for climate-aligned development? *Canadian Journal of Development Studies/Revue canadienne d'études du développement*. Vol. 42. No. 1–2. Pp. 238–251. DOI: 10.1080/02255189.2020.1865137

De Gouvello, C., Finon, D., Guigon, P. (2020). *Reconciling Carbon Pricing and Energy Policies in Developing Countries*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33490/Reconciling-Carbon-Pricing-and-Energy-Policies-in-Developing-Countries-Integrating-Policies-for-a-Clean-Energy-Transition.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (accessed 20.03.2022).

Eskeiland, G.S., Harrison, A.E. (2003). Moving to greener pastures? Multinationals and the pollution haven hypothesis. *Journal of development economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 1–23.

Fremstad, A., Paul, M. (2019). The impact of a carbon tax on inequality. *Ecological Economics*. Vol. 163. Pp. 88–97. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.04.016

Fuchs, R., Brown, C., Rounsevell, M. (2020). Europe's Green Deal offshores environmental damage to other nations. *Nature*. Vol. 586. Pp. 671–673 DOI: 10.1038/d41586-020-02991-1

Gabor, D. (2019). *Securitization for sustainability*. Heinrich Böll Stiftung Washington, DC. <https://eu.boell.org/sites/default/files/2019-11/SecurSust.pdf> (accessed 20.03.2022).

Hepburn, C., Stern, N., Stiglitz, J.E. (2020). “Carbon pricing” special issue in the European economic review. *European economic review*. Vol. 127. Pp. 103–440. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2020.103440

Hudec, O., Sinčáková, Ž. (2021). Changes in sectoral structure and spatial distribution in Europe: where has the de-industrialisation process stalle. *Geografický časopis/Geographical journal*. T. 73. Vol. 1. Pp. 21–41. DOI: 10.31577/geogrcas.2021.73.1.02

Kling, G., Volz, U., Murinde, V., Ayas, S. (2021). The impact of climate vulnerability on firms' cost of capital and access to finance. *World Development*. Vol. 137. Pp. 105131. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105131

Koppenjan, J.F. (2015). Public–private partnerships for green infrastructures. Tensions and challenges. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 12. Pp. 30–34. DOI: 10.1016/j.cosust.2014.08.010

Osei-Kyei, R., Chan, A.P., Yu, Y., Chen, C., Dansoh, A. (2019). Root causes of conflict and conflict resolution mechanisms in public-private partnerships: Comparative study between Ghana and China. *Cities*. Vol. 87. Pp. 185–195. DOI: 10.1016/j.cities.2018.10.001

Rana, R., Sharma, M. (2019). Dynamic causality testing for EKC hypothesis, pollution haven hypothesis and international trade in India. *The Journal of International Trade & Economic Development*. Vol. 28. No. 3. Pp. 348–364. DOI: 10.1080/09638199.2018.1542451

Shen, J., Wang, S., Liu, W., Chu, J. (2019). Does migration of pollution-intensive industries impact environmental efficiency? Evidence supporting “Pollution Haven Hypothesis”. *Journal of environmental management*. Vol. 242. Pp. 142–152. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.04.072

Solarin, S.A., Al-Mulali, U., Musah, I., Ozturk, I. (2017). Investigating the pollution haven hypothesis in Ghana: an empirical investigation. *Energy*. Vol. 124. Pp. 706–719. DOI: 10.1016/j.energy.2017.02.089

Tan, C. (2022). Private Investments, Public Goods: Regulating Markets for Sustainable Development. *European Business Organization Law Review*. Vol. 23. No. 1. Pp. 241–271. DOI: 10.1007/s40804–021–00236-w

Taylor, M.S. (2005). Unbundling the pollution haven hypothesis. *Advances in Economic Analysis & Policy*. Vol. 4. No. 2. Pp. 1–28 DOI: 10.2202/1538–0637.1408

Ur Rahman, Z., Chongbo, W., Ahmad, M. (2019). An (a)symmetric analysis of the pollution haven hypothesis in the context of Pakistan: a non-linear approach. *Carbon Management*. Vol. 10. No. 3. Pp. 227–239. DOI: 10.1080/17583004.2019.1577179

Статья поступила 13.05.2022

Статья принята к публикации 06.06.2022

Для цитирования: Бучинская О.Н. Консенсус Уолл-Стрит как препятствие для эффективности зеленого перехода // ЭКО. 2022. № 10. С. 56–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

For citation: Buchinskaia, O. (2022). The Wall Street Consensus as an Obstacle to the Effectiveness of the Green Transition. *ECO*. No. 10. Pp. 56–71. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

Summary

*Buchinskaia, O., Cand. Sci. (Econ.) E-mail: buchinskaia.on@uiec.ru
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;
Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg*

The Wall Street Consensus as an Obstacle to the Effectiveness of the Green Transition

Abstract. Despite the fact that attempts to green economic processes have been made since the end of the twentieth century, their result is extremely heterogeneous and ineffective for developing countries. This is due to the fact that the tools used in the green agenda do not work to achieve the goals of sustainable development, but only increase the profits of large multinational companies and institutional investors. As a result, the Washington Consensus is being replaced by the so-called Wall Street Consensus. The economic tools suggested by this consensus do not improve the environmental and economic efficiency of the economies of developing countries and make them more dependent on big foreign capital. Under these conditions, developing countries in general and Russia in particular need to review green transition strategies and develop tools to ensure it together with economic growth without increasing socio-economic inequality within the country and increasing dependence on foreign financial structures.

Keywords: *Wall Street Consensus; Green agenda; Green economy; green financing; green transition strategy; polluting offshore; institutional investors*

Абел Гезевич Аганбегян: создатель современной экономической науки в Сибири¹

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-4011-5932
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Статья посвящена 90-летию одного из основателей Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, экономического факультета НГУ, лаборатории экономико-математических исследований, журнала «ЭКО» и Клуба директоров. Обсуждаются научные и организационные достижения академика А.Г. Аганбегяна, основные этапы его становления как ученого, ключевые новации, внесенные им в организацию науки и исследовательской деятельности, экономическое образование и механизмы передачи научных результатов для практического использования. Показано, что наиболее значимым организационным наследием Абела Гезевича является интеграция большого числа коллективов и отдельных выдающихся ученых при реализации крупных научных проектов.

Ключевые слова: наука и образование; экономико-математические модели и методы; система моделей оптимизации развития народного хозяйства; Сибирь; производительные силы; управление; инвестиции; финансы; налоги; демография и здравоохранение

«Управление – это самое созидательное искусство, это искусство искусств, ибо это искусство организовывать таланты».

Роберт Макнамара (бывший министр обороны США)

¹ Абел Гезевич Аганбегян – член-корреспондент АН СССР (1964 г.), действительный член АН СССР (РАН) с 1974 г., доктор экономических наук (1963), профессор (1965). Член-корреспондент Британской академии (1988), почетный член НАН Республики Армения, иностранный член Болгарской АН (1986), почетный член Венгерской АН (1988), почетный доктор университета Лодзи (1980), Высшей школы государственных служащих в Барселоне (ESERP, 1986), Университета Аликанте, Калифорнийского (Хейвард) и Сеульского университетов. Почётный доктор Кингстонского университета (Великобритания), почетный профессор Санкт-Петербургского университета экономики и управления, почётный президент Международной экономической ассоциации и почётный член Международного эконометрического общества.

Краткая биографическая справка

Абел Гезевич Аганбегян родился 8 октября 1932 г. в г. Тифлисе (Тбилиси). Окончил общеэкономический факультет (1955 г.) и заочную аспирантуру (1958 г.) Московского государственного экономического института. В Госкомитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в 1955–1961 гг. прошел путь от экономиста до начальника отдела. В 1958–1960 гг. преподавал на кафедре политэкономии Московского государственного университета.

В 1961–1985 гг. Абел Гезевич трудился в Сибирском отделении АН СССР. Он был приглашен заведовать сектором в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) и лабораторией экономико-математических исследований в Новосибирском государственном университете (НГУ). Возглавлял лабораторию по применению статистических и математических методов в экономике СО АН СССР. С 1967 г. по 1985 г. А. Г. Аганбегян – директор ИЭиОПП. В НГУ в 1963–1970 гг. работал в качестве доцента, профессора и заведующего кафедрой политэкономии.

В 1985 г. вернулся в Москву. Там он председатель комиссии АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов (1985–1989 гг.), ректор (1989–2002 гг.), заведующий кафедрой экономической теории и политики (с 2002 г.) Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР (Правительстве РФ).

Научная деятельность

В интервью для журнала «Идеи и идеалы» на вопрос о собственной научной школе и персональных достижениях Абел Гезевич сказал: «У меня было много учеников, я воспитал многих людей, но я не являюсь, честно говоря, выдающимся ученым, я не могу себя сравнить ни в какой мере с Л. В. Канторовичем, например. Есть гении, которые открывают новые направления... Сказать, что у меня были какие-то такие оригинальные идеи, на базе которых возникла принципиально новая школа, – нет. Я больше собиратель идей. И всё, что я говорю, – это не мои идеи. Я умею их компоновать, может быть, придать четкости какому-то направлению, у меня, возможно, есть способности более ясно что-то объяснять... Может быть, у меня есть некий талант

применить научные положения к практике, я вообще человек достаточно практичный, я очень много занимался конкретными проблемами в Сибири, решал экономико-математические задачи, а не придумывал абстрактные формулы, модели, не доказывал какие-то общие теоремы, хотя несколько теорем у меня есть, есть и наработки оригинальных методов решения оптимизационных задач, которые я придумал (например, дельта-метод для решения оптимальных задач), но всё это не ахти что. Поэтому не надо преувеличивать в этом смысле мою роль. Но я создал коллектив, это правда. И мне просто повезло» [Аганбегян, 2016 б. С. 172].

Тем не менее в официальной справке Президиума СО РАН говорится, что «результаты исследований А. Г. Аганбегяна явились фундаментальным вкладом в экономическую науку. Это, в частности, обоснование принципов дифференциации оплаты труда, разработка комплекса экономико-математических моделей и методов экономико-математического анализа, нашедших широкое применение в народном хозяйстве, обоснование принципов взаимоувязки народнохозяйственных и локальных моделей, обоснование критериев оптимизации на различных уровнях планирования. Он является автором пионерных работ по оптимальному планированию развития и размещения отраслей промышленности»².

Нет возможности перечислить даже ключевые работы Абела Гезевича. Им и при его участии разработано множество типовых экономико-математических моделей отраслевого, территориального и сводного планирования. В монографии «Система моделей народнохозяйственного планирования» [Аганбегян и др., 1972] были сформулированы общие принципы построения иерархической системы перспективного планирования в СССР, обоснованы архитектура и процедуры согласования глобального и локальных оптимумов. Помимо оригинальных идей авторов, эта работа обобщала результаты расчетов по решению значительного числа прикладных задач, в том числе проведенных под руководством А. Г. Аганбегяна при подготовке пятилетнего плана на 1966–1970 гг.

² Российская академия наук, Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

Абел Гезевич внес большой вклад в разработку научно обоснованной концепции развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, многие положения которой не устарели и по сей день, организацию и проведение Всесоюзной конференции «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса в регионе», по итогам которой был подготовлен научный доклад.

В 1974 г. он возглавил работу по научному сопровождению программы строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, послужившую основой для ряда публикаций (см., например [Аганбегян и др., 1984]).

Результаты труда большого коллектива специалистов ИЭиОПП СО АН СССР, Вычислительного центра и НИИ Систем по проблемам автоматизации управления на промышленных предприятиях были затем обобщены и опубликованы [Аганбегян и др., 1981].

Абел Гезевич продолжает плодотворно трудиться и в настоящее время, но об этом далее.

Становление характера.

Детство, юность и начало карьеры

Многие качества, навыки, ценности и привычки, определяющие важнейшие решения в жизни, закладываются в детстве, в семье. В интервью 2013 г. Абел Гезевич поделился воспоминаниями детских лет³. Пересказывать их не имеет смысла, но некоторыми соображениями поделиться стоит.

Первые годы своей жизни в Тифлисе он провел без матери, которая училась в Москве, где вышла замуж за венгерского коммуниста Гезу Гольда. Тот успел дать необычное для армянина отчество ребенку, но вскоре сгинул в репрессиях 1938 г.

Раннее детство Абел Гезевич провел в окружении родственников. Только в 1940 г., когда пришло время поступать в школу, мать забрала его в Москву.

В октябре 1941 г. его, как и многих других детей, эвакуировали из Москвы. Он не только не успел попрощаться с матерью, ему потом долго пришлось ее разыскивать уже на исходе военных лет.

³ Превращая знания в успех. Абелу Гезевичу Аганбегяну 80 лет. М.: Академия при Президенте Российской Федерации, Высшая школа корпоративного управления // Альманах. 2013. № 6. 35 с.

Дети войны, пережившие расставание с родными, эвакуацию, голод, часто рассказывают сходные истории, каждая из которых трагична по-своему. Видимо, в ряде случаев, как это случилось с Абе́лом Гезевичем, тяжелые испытания закалили характер и научили предприимчивости, но одновременно – придали такое жизнелюбие, целеустремленность и желание наверстать упущенное, что этому вполне можно позавидовать.

Из Алма-Аты мать перевезла его в Берлин, где работала в советской военной администрации переводчиком. Надо полагать, это были совсем другая жизнь и другой комфорт. Похоже, у него стало достаточно свободного времени для занятий спортом и самообучения. Неизвестно, самостоятельно или под чьим-то воздействием он сделал выбор, но то, что он в школьные годы посещал курсы по политэкономии, философии и истории партии в Доме культуры в Карлхорсте и постоянно читал, говорит о многом.

Обучение на общеэкономическом факультете Московского государственного экономического института (МГЭИ) позволило Абе́лу Гезевичу не только вырасти интеллектуально, приобрести необходимые знания, но и выработать важные навыки и опыт. Выбор МГЭИ (Плехановки) стал большой удачей, поскольку, по воспоминаниям ветеранов отечественной науки, тогда это был лучший экономический вуз страны. Среди профессоров было много бывших сотрудников Госплана СССР, выходцев из различных ведомств и предприятий. Они были знакомы с реальной экономикой, в отличие от большей части профессуры МГУ, всю жизнь занимавшихся «кабинетной» политической экономией.

Еще ему повезло с сокурсниками. Тогда студенческие группы помимо вчерашних выпускников школ состояли из фронтовиков, которых зачисляли на льготных условиях. Последним было трудно, поскольку слишком длительным был перерыв в обучении. Но они отличались упорством, дисциплиной и целеустремленностью, как более взрослые и прошедшие пекло войны. Абе́л Аганбегян сблизился с ними, помогал в учебе, часто разъяснял лекционный материал. Как известно, если хочешь разобраться в предмете – подготовь и прочитай курс. Этим он фактически и занимался. Учитель из него получился отменный: многие его великовозрастные «студенты» впоследствии стали докторами наук и его друзьями. Необходимость содержать семью привела

к подработкам в виде лекций общества «Знание», что позволило отточить соответствующие навыки.

На третьем курсе Абел Аганбегян выбрал тему для курсовой работы «Монопольные цены на примере США» и ее же позднее сделал предметом выпускной дипломной работы и исследования в аспирантуре.

С аспирантурой не сложилось, и Абел Аганбегян оказался на работе во вновь организованном Государственном комитете по вопросам труда и заработной платы при Совете Министров СССР. В те времена в органах власти была большая нехватка кадров, изрядно прореженных войной, а быстрый экстенсивный рост ведомств обеспечивал молодежи скорый ход карьеры, доступ к высокому статусу и широкий круг знакомств. Работа в органах власти прививает навыки схватывать проблему на лету, находить решение и, главное – убедительные доводы в его пользу, укладываться в жесткие сроки.

Из работы в Госкомитете Абел Гезевич вынес несколько уроков, в какой-то степени определивших его дальнейшую жизнь в науке. Прежде всего он понял, что при некоторых обстоятельствах формировать коллектив желательно с нуля: настраивать на новую непростую задачу сложившуюся команду неизмеримо труднее, чем вновь созданную. Во-вторых, в коллектив лучше привлекать людей, различающихся образованием, специализацией, возрастом и т.д. Желательно ведущих сотрудников подбирать индивидуально и, наконец, необходим постоянный контроль за коллективом.

Следующий этап карьеры был связан с преподаванием политической экономии в МГУ. Наверное, важно, что этот курс был предназначен для неэкономистов. Тогда же Абел Гезевич подготовил курс по использованию экономико-математических моделей для решения задач территориального размещения производительных сил.

Здесь нужно сделать некоторое отступление. В то время в профессиональной среде развернулась дискуссия о полезности применения математических моделей и методов в экономических исследованиях [Клисторин, 2016]. Ученые пытались понять, дает ли использование экономико-математических моделей новое знание о социально-экономических процессах или же только отражает некоторые, весьма условные количественные характеристики этих процессов?

Отметим, что к этому времени советские экономисты получили доступ к работам своих зарубежных коллег, для которых полезность использования экономико-математических моделей и методов в исследованиях давно была бесспорной. Этому способствовало открытие некоторых фондов библиотек, общение с коллегами из социалистических, а затем и западных стран.

В этой дискуссии речь, конечно же, шла не только и не столько о значимости того или иного аналитического и прогностического инструментария, сколько о выборе парадигмы экономической теории. Признавая в целом полезность математики в экономике, проницательный академик С.Г. Струмилин сразу понял, что под видом встраивания математических моделей в фундаментальные экономические исследования протаскивается «буржуазная» теория предельной полезности и предельной производительности, и не принимал активного участия в обсуждениях. Сторонники экономико-математического направления ссылались на авторитет К. Маркса, утверждавшего, что всякая наука становится таковой только после овладения математическим аппаратом, и указывали на другие преимущества математических моделей: четкость определения понятий и функциональных связей, использование только измеримых и количественно определяемых индикаторов, строгость выводов при принятии определенных гипотез и т.д.

Оппонентам трудно было возражать по существу, и они апеллировали к тому, что жизнь гораздо богаче схем и детерминированных связей, и говорили, что использование формальной логики вместо диалектической убивает самое ценное в политической экономии.

Главной силой в отстаивании экономико-математического направления и организаторами научных подразделений этой специализации в СССР стали Л.В. Канторович, В.С. Немчинов и В.В. Новожилов. Их активно поддержала научная молодежь, в том числе А.Г. Аганбегян, В.Н. Богачев и многие другие. Создание научных институтов и лабораторий в Москве, Новосибирске, а потом и в других городах, присуждение единственной Ленинской премии по экономике Л.В. Канторовичу, В.С. Немчинову и В.В. Новожилову в 1965 г. фактически подвели итог дискуссии и одновременно расширили свободу научного творчества, поскольку идеологические работники и цензоры, как правило, не знали и не понимали математики, а тот аргумент, что выводы

подтверждены расчетами на ЭВМ, был бесприоритетным. Поле исследований и возможность публикации результатов по этому направлению резко расширились.

Неоднократные попытки А. Г. Аганбегяна уйти из Госкомитета на научно-преподавательскую работу увенчались успехом только тогда, когда Постановлением ЦК КПСС было предписано не препятствовать специалистам переводу на работу в только что организованное Сибирское отделение АН СССР.

В конце 1961 г. Абел Гезевич переехал в Новосибирск. Примечательно, что он отказался от должности заместителя директора института, которую предложил ему тогдашний глава член-корреспондент АН СССР Г. А. Пруденский. Это еще раз показывало, что Абел Гезевич не хотел вливаться в работающую структуру, а мечтал реализовать собственный проект. Таковым оказалась организация Лаборатории экономико-математических исследований (ЛЭМИ). При формировании коллектива А. Г. Аганбегян тщательно подбирал персонал из числа молодых экономистов (причем некоторых пришлось долго уговаривать на переезд в Академгородок). И тут сказался его талант видеть потенциал кандидатов и перспективу общей картины.

Новаторским шагом было создание в НГУ хозрасчетной лаборатории под тем же названием. В течение двух лет численность ЛЭМИ выросла до 120 человек, что уже соответствовало стандарту института. Когда директор ИЭиОПП Г. А. Пруденский из-за болезни был вынужден оставить свой пост, Абел Гезевич занял его место, и произошло слияние двух структур, причем сотрудники ЛЭМИ вышли на первые позиции.

Директор

В феврале 1967 г. в возрасте 34 лет Абел Гезевич был назначен директором ИЭиОПП СО РАН СССР. К этому времени он уже имел опыт руководства крупным коллективом, выработал свой метод управления и сформировал собственную команду. Профиль и структура института резко изменились, части старых сотрудников пришлось уйти. Были созданы отделы темпов и пропорций развития СССР, региональных проблем, управления предприятиями, отраслевой и социологический.

Стиль управления А. Г. Аганбегяна состоял в том, чтобы соединить академическую свободу с реализацией амбициозных

проектов, тех, за которые никто другой не брался или просто не успел этого сделать. О принципиальных моментах своего подхода Абел Гезевич неоднократно высказывался в интервью. Это выбор стратегии, командная работа, существенная свобода в выборе тематики и направлений исследований, избегание мелкотемья, сочетание теоретических и прикладных исследований, поощрение поиска и выполнения хозяйственных работ.

В кадровой политике упор делался на привлечение лучших выпускников экономического и механико-математического факультетов НГУ, которые, начиная с четвертого курса, уже отрабатывали практику с ведущими сотрудниками института. Если кто-то привлекал его внимание и, по его мнению, был необходим институту, Абел Гезевич не жалел сил и времени для убеждения кандидата, даже невзирая на какие-то недостатки последнего. «Такие люди тоже нужны», – говорил он в ответ на возражения.

Но главное – амбициозные проекты. Были разработаны динамическая межотраслевая и оптимизационная межотраслевая межрайонная модели, результаты расчетов по которым предлагались Госплану СССР в качестве предварительных проектировок по пятилетним планам, начиная уже с 1965 г. Буквально через несколько недель после того, как в апреле 1974 г. БАМ был объявлен ударной комсомольской стройкой, Абел Гезевич собрал ведущих сотрудников института и объявил, что институт включается в работу по новому направлению. Со специализированными научными организациями состязаться было трудно, поэтому было предложено разработать программу освоения так называемой зоны БАМ – широтного пояса хозяйственного освоения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Предполагалось сформировать несколько крупных территориально-производственных комплексов вдоль железнодорожной магистрали. Такая формулировка проблемы оказалась свежей, оригинальной и актуальной.

Среди других примеров можно упомянуть проекты по оптимизации развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона, Канско-Ачинского угольного бассейна и многие другие. Особняком стоят исследования по так и нереализованному проекту переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Его обоснование многим

в институте не нравилось. Поэтому было решено переформулировать тематику, и речь шла уже о долгосрочном развитии так называемого «серединного региона», объединявшего юг Западной Сибири и более южные союзные республики. Такая постановка задачи позволила обосновать негативный вердикт по поводу целесообразности переброски стока рек. Чрезвычайно яркими проектами, одним из инициаторов и активных организаторов которых был Абел Гезевич, стали комплексная программа «Сибирь» и всесоюзная конференция «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса в регионе», проведенная в 1985 г.

В институте поощрялись и активно развивались международные связи, и не только с учеными из социалистических стран – членов СЭВ. Совместные семинары, участие в международных конференциях, прием зарубежных коллег, их выступления перед коллективом много дали для понимания современных трендов развития экономической науки и повышения уровня дискуссий.

Абел Гезевич активно использовал ресурсы других организаций для получения научного и практического результата. Например, проводились совместные исследования с НИИ Госплана СССР и госпланов союзных республик, проектными институтами Москвы, Ленинграда и Красноярска, институтами геологического, технологического профиля. Не забывали поддерживать контакты с партийными и хозяйственными органами.

Экспедиции и иные полевые исследования

Статистика – хлеб экономической науки. Она предоставляет ряды объемных и удельных показателей, подготовленных по единой методике, и в этом незаменима. Но питаться только хлебом бесполезно. Статистика грешит дефектами методики, не замечает множество особых случаев, для нее характерна дисперсия показателей. Кроме того, иногда предельные величины несут не менее важную информацию, чем средние. Несомненной заслугой Абе́ла Гезевича было возрождение экспедиционных исследований. Ориентировался ли он на дореволюционные экспедиции Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, А. Ф. Гумбольдта и пр., опыт экспедиционных работ КЕПСА или имел свои соображения, но уже начиная с 1968 г. в институте началась широкая экспедиционная

деятельность как особая форма изучения производительных сил и проблем Сибири и Дальнего Востока.

На территории Сибири, пожалуй, не осталось района, в котором не побывали бы сотрудники института. Социологи под руководством Т.И. Заславской и регионалисты под водительством М.К. Бандмана ежегодно с 1968 г. по 1985 г. выезжали в различные регионы Западной и Восточной Сибири. Были проведены Ленская, Тувино-Монгольская комплексные экспедиции, выезды в Кузбасс и в районы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Нередко в таких исследованиях принимали участие ученые из Москвы и других городов, а также сотрудники других научных учреждений, различных министерств и ведомств, преподаватели вузов и др. В 1980 г. была осуществлена первая комплексная Арктическая экономическая экспедиция по проблемам Крайнего Севера.

Кроме того, практиковались выезды сотрудников института на предприятия, особенно в периоды проведения широкомасштабных экспериментов в отдельных отраслях промышленности и строительства, сельском хозяйстве и проч. Все это позволяло держать в тонусе коллектив, постоянно сопоставлять теоретические представления с действительностью и критически воспринимать как статистическую информацию, так и экономическую политику. Нет надобности напоминать о том, что критическое отношение к собственным и чужим работам жизненно важно для ученого.

Знание и описание «сущего, а не должного» неоднократно приводили к конфликтам института с партийными и советскими органами, улаживать которые приходилось Аделу Гезевичу.

Экономический факультет НГУ

Как уже упоминалось, на первом этапе формирования коллектива института создавался костяк из молодых и амбициозных экономистов, переезжавших из других городов, главным образом из Москвы. Но возможности такой стратегии были ограничены. Кроме того, необходимо было поддерживать возрастную структуру в институте. Главной кузницей кадров для него стал НГУ. Началось все с организации кафедры политэкономии. Потом на механико-математическом факультете было организовано экономико-математическое отделение. И лишь в 1967 г. появился

экономический факультет. Как и в других случаях Абел Гезевич шел к своей цели последовательно и поэтапно. В первые годы на факультете была лишь одна специализация – экономическая кибернетика. Потом к ней прибавились экономическая социология, менеджмент, экономика и право и, наконец, экономическая информатика.

С самого начала на факультете работало много замечательных профессоров: Т.И. Заславская, В.Н. Богачев, Б.П. Орлов, К.К. Вальтух, Р.Г. Карагедов и многие другие. Абел Гезевич читал курсы «Проблемы социалистической экономики», «Политэкономия социализма», «Экономико-математические модели», «Научные основы управления», вел спецсеминар «Актуальные проблемы социалистической экономики».

Но на общем фоне его лекции, сами по себе интересные и информативные, существенно не выделялись. Его основная заслуга – в подборе лекторов и формировании общего подхода к созданию экономического образования нового типа. Например, математическая подготовка студентов экономфака велась на уровне, близком к мехмату, много внимания уделялось навыкам работы со статистикой и, конечно, была общая установка на то, что экономика – живой организм, управление которым требует знания истории развития экономической науки. Большую роль в формировании взглядов выпускников сыграло то обстоятельство, что в 1960–1970 гг. проходили дискуссии о совершенствовании хозяйственного механизма и необходимости экономических реформ, сочетании плана и рынка. Это создавало ощущение, что существующий экономический порядок не вечен и неизбежно должен эволюционировать.

Дополнительное образование для директоров: спецфак

В сентябре 1977 г. по инициативе ИЭиОПП и на его базе при НГУ начал работать специальный факультет по экономическому прогнозированию и методам перспективного планирования. Спецфак быстро приобрел популярность в регионе и работал до 1993 г. Его деятельность обеспечила переподготовку работников предприятий, плановых органов, научно-исследовательских институтов и вузов.

Как вспоминал Абель Гезевич: «Фактически [это была] школа бизнеса для директоров предприятий, которых мы обучали в течение трех месяцев прямо в здании института с помощью исключительно активных методов, без чтения лекций, а с разбором ситуации и обслуживанием практических вопросов хозяйствования. Мы организовали для них экскурсии на интересные предприятия, где можно было перенять передовой опыт в той или иной области. Они писали выпускную работу применительно к возглавляемому ими предприятию, чтобы улучшить его деятельность»⁴. Этот проект был пионерным в дополнительном образовании.

Большая роль в обучении деловым играм, специально разработанным, отводилась для слушателей спецфака. Многие из них вспоминали учебу как яркую страницу в своей биографии, что нашло отражение в стихах В. Чистякова, выпускника 11-го потока спецфака.

«Кто не извел журналов ворох,
Чтобы найти идеи такт,
Кто никогда не нюхал порох
Аганбегяновских атак,
Когда хоть пой до ночи песни,
Хоть плачь, хоть вой, хоть кол тещи,
Но то, что задано, хоть тресни,
А прочитай всё и реши».

[Чистяков, 2005]

Дальнейшим развитием проекта стало участие ИЭиОПП и ЭФ НГУ в реализации Федеральной программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации (так называемая «Президентская программа»).

Клуб директоров

Один из самых удачных проектов А.Г. Аганбегяна по формированию связи науки с производством – Международный Клуб директоров – МКД (до 1992 г. – Всесоюзный Клуб директоров промышленных предприятий – КД).

⁴ Превращая знания в успех. Абель Гезевичу Аганбегяну 80 лет. М.: Академия при Президенте Российской Федерации, Высшая школа корпоративного управления // Альманах. 2013. № 6. 35 с.

Клуб родился в Павлодаре (Казахстан) во время Всесоюзной конференции на Павлодарском тракторном заводе в 1983 г., его бессменным президентом до сих пор является А. Г. Аганбегян.

На этом заводе тогда был внедрен программно-целевой метод управления предприятием, разработанный с участием специалистов института. Опыт был признан удачным и предполагалось его распространение на другие предприятия, чем активно и занялись члены клуба [Аганбегян, 1989]. Помимо общего представления о программно-целевом подходе и разъяснения сущности стратегического управления и возможностей оптимизации процессов, на заседаниях клуба обсуждались кейсы отдельных предприятий, по результатам мозгового штурма предлагались решения различных проблем. Здесь же активно обсуждались вопросы управленческого консультирования, совершенно нового института в СССР, хотя и широко распространённого в то время в других странах.

Фактически Абел Гезевич хотел создать структуру, позволявшую не только осуществлять обмен опытом и проводить профессиональное консультирование, но и осознать общность проблем предприятий различных отраслей промышленности и регионов, превратить директорский корпус в генератор экономических идей и практик управления. И это ему во многом удалось.

Распространение экономических знаний. Клуб друзей «ЭКО»

Одним из любимых детищ Абела Гезевича стал журнал «ЭКО», который задумывался как экономический журнал для деловых людей. Однажды Абел Гезевич принес в редакцию номер журнала «В мире науки», появившееся тогда русское издание *Scientific American*, и представил его как образец научной журналистики: статьи строго научны, но написаны живым языком, понятным широкому кругу читателей. Он же придумал формат «ЭКО», который должен помещаться в кармане делового костюма. Немаловажную роль в повышении узнаваемости и популярности журнала сыграло и привлечение к его оформлению талантливых художников.

Но самое главное – в редакцию журнала вошли замечательные профессионалы – В. Н. Богачев, В. Д. Речин, Т. Р. Болдырева, Ю. П. Воронов и многие другие. Редакционная политика при всех идеологических ограничениях иногда проводилась

на грани фола. Казалось, что редакция тестирует границы возможного, публикуя весьма острые материалы. Важным новшеством стала и публикация тематических подборок статей, что позволило отразить различные точки зрения и более комплексно рассматривать те или иные проблемы.

Оригинальной была политика по распространению журнала. Сотрудники института, отправляясь в командировки, брали с собой несколько экземпляров. Через какое-то время их уже ждали и просили новый номер. Постепенно росла подписка. В 1980-е годы журнал стал самым читаемым экономическим изданием в стране, тираж которого доходил до 155 тыс. экземпляров.

Но популяризация экономических знаний шла и помимо «ЭКО». Сотрудники института постоянно выступали перед самой разнообразной аудиторией, будь то управленцы, рабочие или колхозники. Сам Абел Гезевич помимо выступлений публиковал популярные книги [Аганбегян, Ибрагимов, 1981].

Работа в Москве

В июле 1985 г. А.Г. Аганбегян перешел на работу в Москву, где возглавил Комиссию АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов (КЕПС), а впоследствии – и Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР. Переезд в столицу не был простым решением. По крайней мере, 15 лет до этого Абел Гезевич регулярно привлекался к работе над важными документами для Политбюро ЦК КПСС и Правительства. При этом он предпочитал работать в Новосибирске вместе со своим коллективом.

Но после того, как М.С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, он потребовал переезда А.Г. Аганбегяна в Москву. У Абела Гезевича, наверное, были широкие возможности для трудоустройства, но он предпочел возглавить небольшой коллектив КЕПСа. Впрочем, и его работу пришлось перестраивать, менять тематику и стиль проведения исследований. Была найдена комплексная научная и практически значимая проблема: развитие Прикаспийского региона, в котором к тому времени были обнаружены нефтегазовые ресурсы. Были организованы масштабные экспедиционные исследования, проведены научные конференции, подготовлены научные доклады.

Следующим этапом стало руководство Академией народного хозяйства. Как отмечал Абел Гезевич в своих интервью, к моменту его назначения в 1989 г. в Академии царили безвластие и неразбериха. Потом к ним добавилось и безденежье в связи с начавшимся кризисом. Выход был найден во введении платного образования и всемерном развитии хоздоговорной деятельности. Но пришлось вдвое сократить коллектив и изменить мотивацию сотрудников для работы в новых условиях. Академию разделили на хозрасчетные единицы, каждой из которых была предоставлена возможность распоряжаться заработанными средствами. Были созданы отделения академических программ (длительного обучения), повышения квалификации (коротких программ) и Высшая коммерческая школа, специализирующаяся на подготовке специалистов для совместных предприятий и внешнеторговых объединений. Кроме того, в Академию перешли Бизнес-школа из Института международных отношений, Школа предпринимательства из Гуманитарного университета. За 13 лет ректорства число таких структур возросло до 12.

В 2002 г. Абел Гезевич передал свой пост и кабинет ректора В. А. Мау и, отказавшись от статуса президента Академии, возглавил кафедру экономической теории и политики. Помимо руководства кафедрой и преподавательской деятельности Абел Гезевич публикует много статей и книг по проблемам социально-экономического развития России [Аганбегян, 2009], государственным и частным финансам, необходимости налоговой реформы и решению проблемы «длинных денег» [Аганбегян, 2019], развитию системы здравоохранения и институционального обеспечения развития человеческого капитала [Аганбегян, 2016а], он консультирует многие предприятия и банки.

В разные годы А. Г. Аганбегян практиковал разные хобби – от банного клуба до полетов на самолете и «яхтинге». Впрочем, это уже в прошлом. Разумеется, возраст берет свое, но Абел Гезевич по-прежнему активен, много пишет и выступает. Новым направлением исследований стала экономика здравоохранения на микроуровне. Все эти проекты и увлечения позволяли и позволяют ему приобретать все более широкий круг общения и поддерживать жизненный тонус.

А. Г. Аганбегян регулярно бывает в Новосибирске, встречается с коллективом ИЭОПП и преподавателями экономического факультета НГУ, редакцией и редакционным советом журнала

«ЭКО», обязательно выступает с лекциями по текущим проблемам развития отечественной экономики и с предложениями по активизации экономической и инвестиционной активности в нашей стране, переходу экономики на траекторию устойчивого развития.

Литература

Аганбегян А. Г., Багриновский К. А., Гранберг А. Г. Система моделей народнохозяйственного планирования. М.: Мысль, 1972. 351 с.

Аганбегян А. Г., Ибрагимова З. М. Сибирь не понаслышке. М.: Молодая гвардия, 1981. 252 с.

Аганбегян А. Г., Бобко И. М., Марчук Г. И. и др. / Под ред. Г. И. Марчука. Адаптивные АСУ производством (АСУ «Сигма»). М.: Статистика, 1981. 176 с.

Аганбегян А. Г., Можин В. П., Сингур Н. М. и др. / Под ред. А. Г. Аганбегяна. БАМ: строительство и хозяйственное освоение. М.: Экономика, 1984. 143 с.

Аганбегян А. Г. Клуб директоров: опыт программно-целевого управления предприятиями. М.: Экономика, 1989. 255 с.

Аганбегян А. Г. Кризис. Беда и шанс для России. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2009. 288 с.

Аганбегян А. Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. М.: Дело. 2016а. 191с.

Аганбегян А. Г. Интервью об экономическом образовании, о реформах, о современном экономическом положении России // Идеи и идеалы. 2016б. № 3 (29) Т. 2. С. 170–184.

Аганбегян А. Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. М.: Дело, 2019. 398 с.

Клисторин В. И. Былое и думы. Как в России ищут ответы на вызовы в смутные времена // ЭКО. 2016. № 2. С. 93–104.

Чистяков В. М. Различных судеб перекрестки: посвящения видным жителям сибирской столицы. Новосибирск, 2005. 162 с.

Статья поступила 12.06.2022

Статья принята к публикации 12.08.2022

Для цитирования: *Клисторин В. И.* Абел Гезевич Аганбегян: создатель современной экономической науки в Сибири // ЭКО. 2022. № 10. С. 72–89. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-72-89

Summary

Klistorin, V.I., *Doct. Sci. (Economics).* E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

Abel Gezevich Aganbegyan: a Creator of Modern Economic Science in Siberia

Abstract. The paper is devoted to the 90th anniversary of one of the founders of the Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS, the Faculty of Economics of NSU, the laboratory of economic and mathematical research,

the journal “ECO” and the club of directors. The scientific and organizational achievements of Academician Aganbegyan, the main stages of his formation as a scientist, the key innovations he made in the organization of science and research activities, economic education and mechanisms for the transfer of scientific results for practical use are discussed. It is shown that the most significant organizational legacy of Abel Gezevich is the integration of a large number of teams and individual outstanding scientists in the implementation of major scientific projects.

Keywords: *science and education; economic and mathematical models and methods; system of models to optimize the development of national economy; Siberia; productive forces; management; investment; finance; taxes; emography; and health care*

References

Aganbegyan, A. G., Bagrinovsky, K. A., Granberg, A. G. (1972). *The system of Models of National Economic Planning*. Moscow. Mysl Publ. 351 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G., Ibragimova, Z.M. (2022). *Siberia from Firsthand Experience*. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 252 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G., Bobko, I.M., Marchuk, G.I. et al. (1981). Edit. by G.I. Marchuk. *Adaptive Computer-Assisted Management in Industry (Computer-Assisted Management “Sigma”)*. Moscow. Statistics Publ. 176 p.

Aganbegyan, A.G., Mozhin, V.P., Singur, N.M., etc. (1984). Edit. by A. G. Aganbngyan. *BAM: Construction and Economic Development*. Moscow. Economics Publ. 143 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G. (1989). *Society of Directors: Experience of Goals Management in Enterprises*. Moscow. Economics Publ. 255 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G. (2009). *Crisis: Trouble and Chance for Russia*. Moscow. AST, Astrel, Harvest Publ. 288 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G. (2016a). *Demography and Russian Healthcare at the Turn of the Century*. Moscow. Delo Publ. 191 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G. (2016b). Interview on Economic Education, Reforms, and Current Economic Situation in Russia. *Ideas and Ideals*, No. 3 (29). Vol. 2. Pp. 170–184. (In Russ.).

Aganbegyan A. G. (2019). *Finance, Budget, and Banks in the New Russia*. Moscow. Delo Publ. 398 p. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2016). Past and Thoughts. How Russia Is Looking for Answers to Challenges in Time of Troubles. *ECO*. No. 2. Pp. 93–104. (In Russ.).

Chistyakov, V.M. (2005). *Crossway of Various Men Destines: Dedications to Prominent Residents of the Siberian Capital*. Novosibirsk. 162 p. (In Russ.).

For citation: Klistorin, V.I. (2022). Abel Gezevich Aganbegyan: a Creator of Modern Economic Science in Siberia. *ECO*. No. 10. Pp. 72–89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-72-89

Новые глобальные игроки: истoki ускорения и замедления (эмпирические наблюдения)¹

Б.Л. ЛАВРОВСКИЙ, доктор экономических наук
E-mail: boris.lavrovski@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1617-6847
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Аннотация. Из множества факторов и условий, определяющих феномен ускорения экономического развития, автор статьи сосредоточился исключительно на инвестиционных параметрах. Речь идет прежде всего о влиянии на темпы развития масштабов (нормы) накопления, а также качественных характеристик инвестиций, определяемых как приростная капиталоемкость. Для выявления истоков ускорения и замедления роста на примере быстроразвивающихся стран (Индии, Индонезии и Китая) был использован предельно узкий набор инструментов. Автор приходит к выводу, что поддержание сложившихся в этих странах в длительной ретроспективе высоких, подчас нарастающих темпов развития, сегодня требует качественного совершенствования производственного аппарата всех отраслей на базе самых современных технологий. Аналогичная задача, вставшая в свое время перед развитыми странами, оказалась чрезвычайно сложной. Этим, по-видимому, в известной степени объясняется стабилизация или даже ослабление макроэкономической динамики трех рассматриваемых стран после кризиса 2008–2009 гг.

Ключевые слова: экономический рост; ускорение; фактор роста; норма накопления; приростная капиталоемкость; Индия; Индонезия; Китай; США; Португалия

Введение. Постановка вопроса

На глазах буквально одного-двух поколений конфигурация мирового экономического пространства претерпела кардинальные изменения. Появились игроки, темпы экономического роста которых в течение длительной ретроспективы заметно превышают среднемировой показатель. Достигнутые ими результаты намного превосходят феномен послевоенного советского, немецкого и японского развития, объявленные в свое время «экономическим

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий», № 121040100262–7.

чудом», и даже более поздние достижения «азиатских тигров» на их фоне представляются бледной копией.

Мы говорим здесь конкретно о Китае, Индии, Индонезии. Совокупный ВВП этой тройки составлял в текущих ценах по отношению к мировому в 1970 г. 5,5%, в 2005 г. – 6,8%, в 2020 г. – 21,8%². Еще в 1970 г. по размеру ВВП Франция, Германия, Объединенное Королевство – каждая в отдельности – заметно превосходили Китай. В 2020 г. общий объем производства этих трех стран уступал Китаю.

Резко возросли не только масштабы производства. Есть очевидные свидетельства того, что качественные индикаторы развития бывших глобальных аутсайдеров начинают опережать соответствующие среднемировые показатели. Скажем, значение душевого ВВП Китая, Индии, Индонезии в совокупности составляло в 1970 г. по отношению к средней оценке по миру 13,6%, в 2020 г. – 55,2%.

Исследованию экономического развития рассматриваемых стран в самых разнообразных ракурсах посвящены многочисленные работы (см., например [Mukherji, 2009; Virmani, Arind, 2004; Roberts et al., 2018; Indonesia..., 2021; Kurniawan, Managi, 2018; Andersson et al., 2021; Rahman, 2019; Yifu Lin, 2011; Assbring, 2012]). Наша задача состоит в том, чтобы из множества факторов и условий, определяющих экономический рост, сосредоточиться исключительно на инвестиционных параметрах; используя предельно узкий набор инструментов, выявить истоки ускорения и замедления развития. Речь идет, прежде всего, о влиянии на темпы развития масштабов (нормы) накопления, а также качественных характеристик инвестиций.

О проблематике связи экономического роста и инвестиций имеется обширная литература. Приведем в качестве примера некоторые классические и сравнительно недавние работы, в том числе с эмпирическими иллюстрациями по отдельным странам: [Solow, 1956; Swan, 1956; Barro, 1991; Barro et al., 1995; Aghion, Howitt, 1998; Limam, Miller, 2004; McQuinnetal et al., 1956; Ahortor, Adenutsi, 2009; Daude, Fernández-Arias, 2010; Vázquez-Muñoz, 2018; Миркин, 2018; Миркин и др., 2014; Григорьев,

² Здесь и везде в дальнейшем, если не будет специальных оговорок, расчеты ведутся на информационной базе Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 03.03.2022).

Макарова, 2019]. Существуют авторитетные мнения, в соответствии с которыми, чем выше норма накопления, тем более значительными в рамках международных сопоставлений являются темпы экономического роста³ [Bond et al., 2004].

Методический инструментарий и его интерпретация

В индустриальной экономике (потенциальные) масштабы производства товаров и услуг в конечном счете определяются технико-экономическими характеристиками используемых технологий, или иначе – мерой технологического совершенства накопленного производственного аппарата. Достаточный объем спроса (при наличии сырьевой компоненты, квалифицированного промышленно-производственного персонала) превращает потенциальную возможность в реальность.

Прирост производства при таком представлении и в контексте исключительно инвестиционных параметров с очевидностью можно представить в виде взаимодействия двух факторов: объема инвестиций в основной капитал и потребности в капитале для увеличения объема продукции на единицу (приростной капиталоемкости).

Применительно к макроэкономическому уровню это утверждение в аналитической форме может быть записано следующим образом⁴:

$$G = \frac{I}{Y} : \frac{I}{\Delta Y} , \quad (1)$$

где G – темп прироста ВВП, I – инвестиции (накопления, сбережения), Y – ВВП, ΔY – прирост ВВП.

В свою очередь:

$$\Delta Y = Y_{np} - Y_0 ,$$

где Y_{np} – объем ВВП в прогнозном периоде, Y_0 – объем ВВП в базовом году.

³ Миркин Я. М. Норма накопления. URL: <http://www.mirkin.ru/fin-future/part1/8/rate-of-accumulation.html> (дата обращения: 03.03.2022).

⁴Уравнение (1) приведено в классической модели Харрода-Домара [Harrod, 2008].

Значение нормы накопления ВВП $\frac{I}{Y}$ характеризует количественные масштабы инвестиционной деятельности относительно продукта, величина приростной капиталоемкости $\frac{I}{\Delta Y}$ – качественную сторону инвестиционного ресурса, свидетельствует об объеме инвестиций, необходимых для увеличения ВВП на единицу.

Чем больше приростная капиталоемкость $\frac{I}{\Delta Y}$ при фиксированном значении $\frac{I}{Y}$, тем слабее экономическая динамика G .

Запишем уравнение (1) через индексы роста в следующем виде:

$$G = I_{\text{нак}} / I_{\text{кап}} \quad \text{или} \quad (2)$$

$$G = I_{\text{нак}} * \frac{1}{I_{\text{кап}}}, \quad (3)$$

где $I_{\text{нак}}$ – индекс нормы накопления, $\frac{1}{I_{\text{кап}}}$ – индекс приростной капиталоемкости.

Для случая непрерывного времени разложим динамику G на составляющие и попытаемся дать этой операции экономическую интерпретацию. Логарифмируя уравнение (3), получаем:

$$\ln G = \ln I_{\text{нак}} + \ln \frac{1}{I_{\text{кап}}} = \ln I_{\text{нак}} - \ln I_{\text{кап}}. \quad (4)$$

В уравнении (4) макроэкономическая динамика представлена зависимой от двух факторов – индексов общего объема накопления и приростной капиталоемкости (все в логарифмах). Характер этой динамики определяется, в частности, значением $\ln I_{\text{кап}}$.

1. Если $I_{\text{кап}} = 1$, т.е. значение приростной капиталоемкости остается неизменным, то $\ln I_{\text{кап}} = 0$. В этом случае темпы роста ВВП полностью определяются движением нормы накопления.

2. Если $I_{\text{кап}} > 1$, т.е. значение приростной капиталоемкости растет, то $\ln I_{\text{кап}} > 0$. В этом случае показатель темпов роста ВВП ниже соответствующего показателя нормы накопления.

3. Если $I_{\text{кап}} < 1$, т.е. значение приростной капиталоемкости сокращается, то $\ln I_{\text{кап}} < 0$. В этом случае показатель темпов роста ВВП выше соответствующего показателя нормы накопления.

Сформулируем важное методическое замечание, касающееся исчисления показателя приростной капиталоемкости $\frac{I}{\Delta Y}$ за период. В ретроспективных расчетах при данных темпах прироста ВВП и норме накопления данный показатель в соответствии с (1) рассчитывается по формуле:

$$\frac{I}{\Delta Y} = \frac{I}{Y} : G.$$

Как известно, норма накопления рассчитывается и публикуется в международной статистике в текущих ценах в годовом измерении. Для ее исчисления в среднем за период $(1, t)$ можно в принципе воспользоваться различными приемами, каждый из которых небезупречен. В дальнейшем используется формула (5):

$$\left(\frac{I}{Y}\right)_{1,t} = \left(\sum_{\tau=1}^t \left(\frac{I}{Y}\right)_{\tau}\right) / t. \quad (5)$$

В результате везде в дальнейшем показатель приростной капиталоемкости оценивается по формуле (6):

$$\left(\frac{I}{\Delta Y}\right)_{1,t} = \frac{\left(\sum_{\tau=1}^t \left(\frac{I}{Y}\right)_{\tau}\right) / t}{\sqrt[t]{\frac{Y_t}{Y_0}} - 1}, \quad t=1, \dots, T. \quad (6)$$

Остановимся подробнее на интерпретации выражения (4). Ускорение темпов роста ВВП в прогнозном периоде относительно базового может быть достигнуто за счет увеличения нормы накопления $\frac{I}{Y}$ и (или) сокращения приростной капиталоемкости $\frac{I}{\Delta Y}$. Сокращение величины $\frac{I}{\Delta Y}$ в содержательном плане означает, что в прогнозном периоде рост продуктивности (производительности) новых технологических систем благоприятнее динамики издержек, связанных с их созданием (приобретением); затраты на единицу мощности относительно базового периода уменьшаются. Вовлечение в производство технологий с меньшей приростной капиталоемкостью создает условия для ускорения экономического роста при неизменной норме накопления.

Если значение приростной капиталоемкости увеличивается, ускорения роста можно добиться только наращиванием нормы накопления. Дополнительные инвестиции в этом случае фактически (более чем) компенсируют понижающуюся экономическую эффективность, хотя, возможно, и технически более совершенных (продуктивных) новых технологий. Без наращивания нормы накопления темпы роста ВВП сокращаются.

Итак, есть основания в предложенной системе координат считать, что динамика показателя приростной капиталоемкости играет роль акселератора или тормоза экономического роста, одновременно отражая в известной степени меру его интенсивной составляющей. В операциональных целях в качестве некоторой обобщенной характеристики этой компоненты роста может быть предложен, исходя из уравнения (4), индикатор α :

$$\alpha = \frac{\ln G}{\ln I_{\text{нак}}} . \quad (7)$$

Динамика α знаменует финальный аккорд политики модернизации в следующем смысле. Если его значение возрастает, это свидетельствует о наличии особого (интенсивного) фактора экономического роста, обусловленного снижением приростной капиталоемкости. В этом случае темпы роста ВВП увеличиваются без прироста вложений. Если α сокращается, отражая увеличение инвестиционных издержек на единицу мощности, реализация, возможно, более высокого технического потенциала производственного аппарата (за счет внедрения новых технологий) с целью лишь поддержания достигнутых темпов с неизбежностью потребует дополнительных инвестиций в основную капитал.

Чем лучше динамика α , тем выше технико-экономические показатели новых технологий, результативней инновационная политика в сфере инвестиций. При известной идентичности базового состояния индикатор α может быть использован в межстрановых сопоставлениях.

Индия: некоторые характеристики экономического развития

Для начала с целью развернутой иллюстрации предложенной методики рассмотрим особенности экономического развития

Индии. К форсированному разворачиванию инвестиций страна приступила во второй половине 1970-х годов. С этого же времени начинается мощный экономический подъем.

Рассмотрим более подробно связь между макроэкономической динамикой, нормой накопления и природной капиталоемкостью на протяжении 1960–2020 гг. (рис. 1, 2).

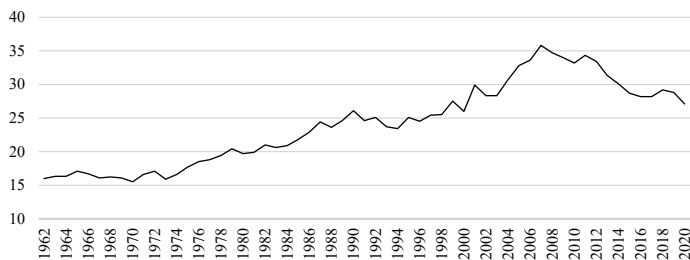

Рис. 1. Норма накопления годовая в 1962–2020 гг.,%

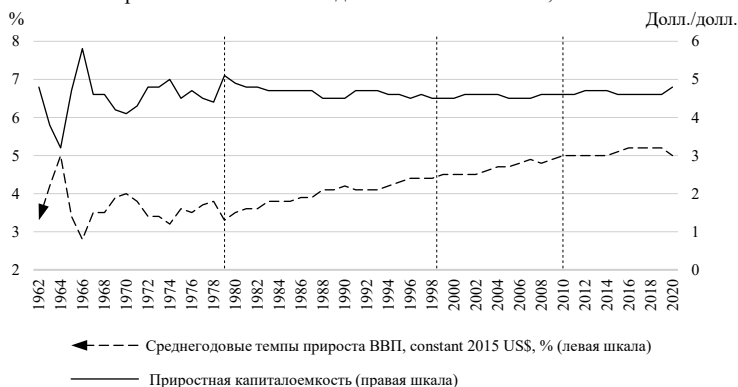

Рис. 2. Некоторые характеристики экономического развития нарастающим итогом (база 1960 г.) в 1962–2020 гг.

Неустойчивая динамика ВВП на начальных этапах структурных преобразований в течение первых примерно 20 лет полностью обязана колебаниям в этот период показателю природной капиталоемкости. Кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП варьировали в течение 1961–1980 гг. между 3,2% и 4,0% (разница в годовых темпах значительно больше).

Но уже с начала 1980-х годов природная капиталоемкость с уровня примерно 5,0 долл./долл. устойчиво сокращалась,

достигнув в 1990–2010 гг. значения 4,5 долл./долл. Стабильный рост нормы накопления, снижение природной капиталоемкости в течение 30 лет (1981–2010 гг.) породили феномен долговременного ускорения экономического роста: среднегодовые темпы прироста ВВП в 1961–1980 гг. составили 3,5%, в 1981–2010 гг. – 5,9%.

Мировой кризис 2008–2009 гг. Индия практически не заметила: ее ВВП продолжал расти и в 2008 г., и в 2009 г. Тем не менее характер посткризисного развития существенно изменился. С 2008–2010 гг. обозначилась (слабая) тенденция к увеличению природной капиталоемкости, с 2013 г. – к снижению нормы накопления. Ухудшение условий развития со стороны факторов роста отразилось на макроэкономической динамике. Кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП, возрастающие до 2010 г., в последующие годы стабилизировались на уровне примерно 5,0% (база 1960 г.). Известные события 2020 г. резко ухудшили макроэкономическую ситуацию.

Устойчивое увеличение параметра α с начала 1980-х годов, свидетельствуя о серьезных достижениях в сфере инвестиционно-инновационной политики, было остановлено примерно к началу 2000-х (рис. 3).

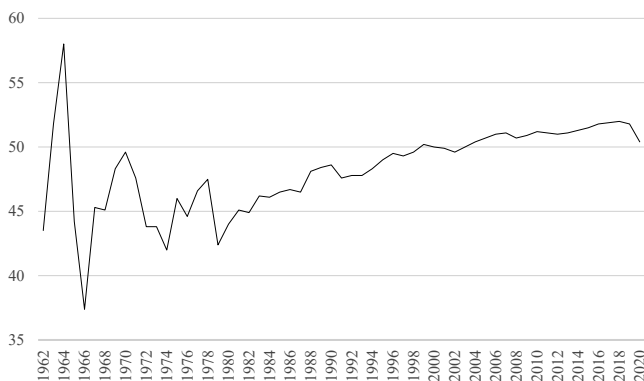

Рис. 3. Значение параметра α (база 1960 г.) в 1962–2020 гг., %

Последние десять лет рассматриваемого периода прошли под знаком преимущественного роста затрат относительно продуктивности новых технологий. Рост средней нормы накопления в 2011–2020 гг. относительно предыдущего периода в известной

степени сгладил этот негативный тренд, макроэкономическая динамика хотя и ослабла, но незначительно.

В контексте инвестиционно-инновационного развития отрезок времени 1981–2010 гг. из 60 лет рассматриваемого периода является, пожалуй, наиболее эффективным, параметр α вырос до 54,4% с 44% в 1961–1980 гг. В ключе, который представлен в статье, долговременное развитие в целом свидетельствует о возрастающем значении интенсивных факторов роста.

Индия, Индонезия, Китай: инвестиционно-инновационное развитие (общее и особенное)

В середине 1960-х годов значения душевого ВВП в абсолютном выражении в текущих ценах рассматриваемых трех стран заметно различались. По отношению, однако, к среднемировому уровню все они были достаточно малы (менее 15%). В этом смысле различия между ними практически стирались.

Индия, Индонезия и Китай представляли собой глубокую мировую экономическую провинцию примерно с одним и тем же уровнем технологического развития. Тем самым их сопоставительный анализ, в том числе с точки зрения инвестиционно-инновационного развития в длительной ретроспективе, является вполне корректным (табл. 1–3).

Таблица 1. Некоторые обобщенные характеристики инвестиционно-инновационного развития Индии в 1961–2020 гг.

Значение параметров	Постоянная база 1960 г.			Переменная база		
	1961–1980	1961–2010	1961–2020	1961–1980	1981–2010	2011–2020
α , %	44,0	51,2	50,4	44,0	54,4	47,3
Среднее значение нормы накопления, %	17,1	22,8	24,0	17,1	26,6	29,9
Природная капиталоемкость, долл./долл.	4,9	4,6	4,8	4,9	4,5	6,0
Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	3,5	5,0	5,0	3,5	5,9	5,0

Таблица 2. Некоторые обобщенные характеристики инвестиционно-инновационного развития Индонезии в 1961–2020 гг.

Значение параметров	Постоянная база 1960 г.			Переменная база		
	1961–1975	1961–2000	1961–2020	1961–1975	1976–2000	2001–2020
α , %	64,0	54,8	52,0	64,0	52,1	47,5
Среднее значение нормы накопления, %	11,9	19,9	22,7	11,9	24,8	28,3
Природная капиталоемкость, долл./долл.	2,4	3,9	4,5	2,4	4,6	5,8
Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	4,9	5,2	5,1	4,9	5,3	4,9

Таблица 3. Некоторые инвестиционно-инновационные характеристики развития Китая в 1967–2020 гг.

Значение параметров	Постоянная база 1966 г.				Переменная база			
	1967–1975	1967–1993	1967–2007	1967–2020	1967–1975	1976–1993	1994–2007	2008–2020
α , %	56,5	62,9	63,8	61,0	56,5	65,3	65,3	53,7
Среднее значение нормы накопления, %	23,3	27,1	29,8	32,9	23,3	29,0	35,0	42,9
Приростная капиталоемкость, долл./долл.	3,9	3,40	3,4	3,9	3,9	3,2	3,4	5,7
Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	5,9	8,0	8,7	8,4	5,9	9,0	10,2	7,5

За последние 60 лет все три страны демонстрируют повышение темпов роста ВВП. Соотношение факторов ускорения по странам заметно различается, но увеличение нормы накопления является общим признаком.

В Индонезии экономический рост давался с огромным напряжением. Показатель приростной капиталоемкости с начала 1970-х годов непрерывно возрастал. Нейтрализация негативных тенденций, касающихся экономической эффективности (при заметном росте продуктивности) новых технологий, требовала все больших объемов накопления.

Сокращение параметра α с 64,0% в 1961–1975 гг. до 52,1% в 1976–2000 гг. и 47,5% в 2001–2020 гг. свидетельствует о тенденции к росту затрат на единицу мощности новых вводимых технологий, об ослаблении эффективности инвестиционно-инновационной политики.

В Китае с конца 1970-х годов продолжающийся рост нормы накопления поддержан уже и уверенным снижением приростной капиталоемкости. Совместное влияние факторов породило феномен китайского экономического чуда. Последние 10 лет рассматриваемого периода привнесли новые оттенки в картину роста. Известная стабилизация нормы накопления, достигшей пиковых значений, и тенденция к росту удельной потребности в капитале сделали продолжение темпов, достигнутых к концу 2000-х годов, маловероятным.

Рост параметра α с 56,5% в 1967–1975 гг. до 61,0% в целом за 1967–2020 гг. свидетельствует об эффективности долговременной инвестиционно-инновационной политики Китая, о внедрении новых (замещающих и расширяющих основной капитал) технологических систем с преимущественным ростом продуктивности относительно затрат на их создание (приобретение).

Среди рассмотренных стран наибольшее значение интенсивных факторов роста основного капитала принадлежит Китаю. Значение α для Индии и Индонезии в целом за период сопоставимо, но если в Индии роль интенсивных факторов в тенденции возрастает, то в Индонезии убывает.

Посткризисное развитие рассматриваемых стран свидетельствует о смене тренда относительно предыдущей длительной ретроспективы, ослаблении достигнутой ранее динамики в связи с усложнением условий. С очевидностью произошло достаточно резкое торможение роста. Что стоит за этой паузой, в каком направлении может пойти дальнейшее развитие? Есть ли прецеденты в мировом контексте?

Развитые страны: основания долговременного замедления роста

Такие сюжеты хорошо известны. Не просто отдельные государства, но большинство стран с развитым рынком столкнулось на рубеже 1960–1970-х гг. с проблемой длительного, продолжающегося до настоящего времени, замедления темпов роста. Чтобы выявить общие основания (исключительно в рамках предложенной системы координат) для объяснения этого феномена, не загромождая при этом статью обилием данных, приведем в качестве примера только две страны – США и Португалию. Обе они относятся к числу развитых стран, хотя и существенно различаются по экономической мощи и продуктивности (рис. 4, 5).

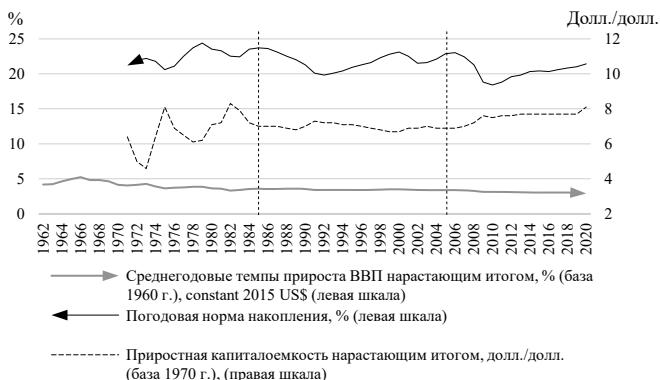

Рис. 4. Некоторые характеристики экономического развития США в период 1962–2020 гг.

Рис. 5. Некоторые характеристики экономического развития Португалии в период 1962–2020 гг.

С некоторого момента растущий макроэкономический тренд сменился на длительный нисходящий. Однако в обоих случаях на определенном «особом» этапе (на рисунках его границы обозначены вертикальными линиями), тенденция к ослаблению экономической динамики была (временно) ослаблена, остановлена или даже преодолена, по его окончании – возобновилась.

Есть смысл в рамках предложенного подхода связать как саму глобальную тенденцию к ослаблению роста, так и наличие особого периода с динамикой приростной капиталоемкости⁵. Отрезок линии кумулятивных темпов прироста ВВП на рисунках 4, 5 становится пологим или почти пологим одновременно со стабилизацией показателя приростной капиталоемкости исключительно в пределах особого этапа. Во всех остальных случаях снижение темпов, независимо от поведения нормы накопления, сопровождается увеличением данного показателя.

⁵ Lavrovskii, B. Sustainable Development and Investment Policy (on the Example of the USA). DOI: 10.5220/0010592104460451 // ISSDRI 2021. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure. Ekaterinburg—Russian Federation. March 14–15, 2021 / Edited by D. Narazov, A. Narazov; Institute of Digital Economics and Law. –Portugal: SCITEPRESS—Science and Technology Publications, 2021. ISBN978–989–758–519–7. P. 446–451. URL: <https://www.scitepress.org/PublicationsDetail.aspx?ID=OGfVVa24WkY=&t=1>

По-видимому, развитые страны достигли к началу-середине 1970-х годов такого уровня зрелости (совершенства) своего производственного аппарата, при котором для поддержания сложившихся темпов роста результатов инновационной деятельности в сфере инвестиций оказалось недостаточно: за границами особого периода инновационная система была не в состоянии обеспечить возмещение и расширение производственного аппарата технологиями с заметно лучшим, чем в базе, соотношением продуктивности и стоимости.

Косвенным свидетельством такого положения дел, на наш взгляд, могут служить данные, приведенные на рисунке 6.

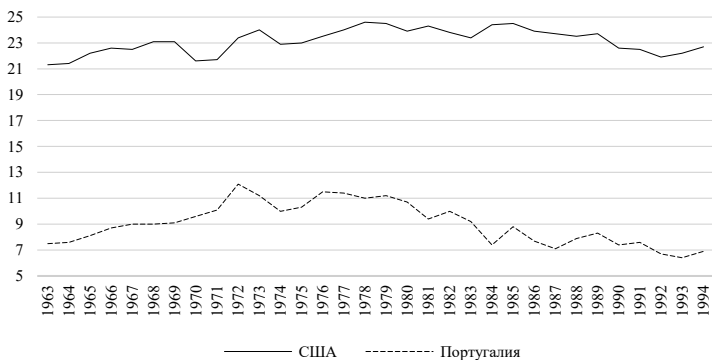

Рис. 6. Машиностроительная продукция и транспортное оборудование в структуре добавленной стоимости обрабатывающей промышленности США и Португалии в 1963–1994 гг., %

Продукция машино-, и особенно – станкостроения, представляет собой ядро инвестиционного комплекса, развитие которого определяет потенциал модернизации основного капитала. Как видно на рисунке, увеличение доли машиностроения в структуре добавленной стоимости обрабатывающей промышленности затормозилось к концу 1960-х – началу 1970-х годов. Спрос на эту продукцию, оставаясь стабильным в течение долгого времени, начал сокращаться в США с конца 1970-х годов, в Португалии – еще раньше и интенсивнее.

В чем смысл особого периода, выявленного практически у всех развитых стран (кроме Японии)? Компьютерная

революция в течение этого периода (середина 1980-х – середина 2000-х годов) дала мощный толчок развитию инвестиционно-инновационной сферы, обеспечив позитивное влияние информационно-компьютерных технологий на показатели приростной капиталоемкости. Благодаря принципиально новым системам управления производственными комплексами, базирующимся на микроэлектронике, удалось переломить негативный тренд, характеризующий качество инвестиционного ресурса, а вместе с ним – оздоровить макроэкономическую динамику. С завершением особого периода тенденция к ослаблению темпов роста возобновилась. Ускорение предполагает новую технологическую революцию.

Китай, Индия, Индонезия: структурные сдвиги

Чтобы приблизиться к пониманию основы посткризисного (2008–2009 гг.) замедления развития трех рассматриваемых стран, проведем параллель между их современными технико-экономическими показателями состояния и развития основного капитала и аналогичными характеристиками полувекковой давности ряда развитых стран.

Меру технологической зрелости (относительного совершенства) производственного аппарата можно измерить уровнем производительности труда или, что менее предпочтительно, – душевого ВВП. Оказалось, что значение душевого ВВП Китая уже в 2015 г. преодолело аналогичный показатель Португалии 1970 г., а в 2020 г. составило более 40% уровня США 1970 г. Достижения Индонезии менее впечатляющие, тем не менее ее душевой ВВП в 2020 г. составил почти половину соответствующего показателя Португалии 1970 г. (в постоянных ценах 2015 г.)⁶.

Итак, некоторые современные сводные характеристики состояния производственного аппарата Китая, в меньшей степени Индонезии и еще меньшей – Индии близки аналогичным показателям одной из развитых стран мира в начале 1970-х годов. При этом интенсивность важных прогрессивных межотраслевых структурных сдвигов в последние годы в этих странах заметно ослабевает (рис. 7, 8).

⁶ В базе данных Всемирного банка информация, касающаяся производительности труда, представлена с 1990 г.

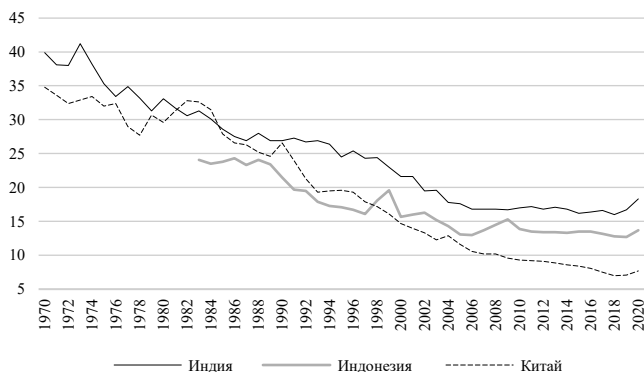

Рис. 7. Сельское, лесное хозяйство и рыболовство Индии, Индонезии и Китая в 1970–2020 гг., % ВВП

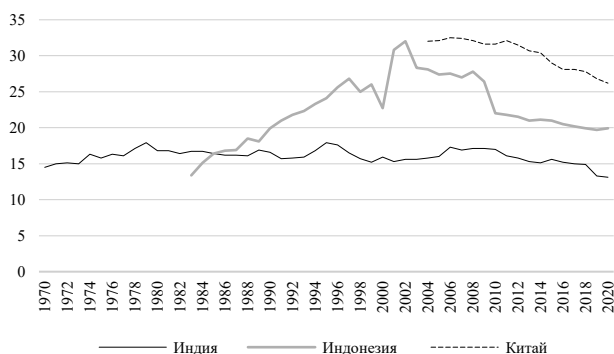

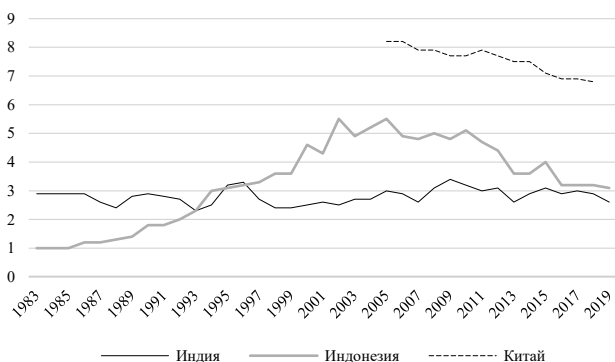
Рис. 8. Доля обрабатывающей промышленности в структуре ВВП Индии, Индонезии и Китая в 1970–2020 гг., %

Как видно на рисунке 7, доля в ВВП сельского, лесного хозяйства и рыболовства после длительного периода сокращения стабилизировалась примерно с середины 2000-х годов (в Китае это чуть менее заметно). Это означает, что процесс трансформации сельскохозяйственного производства, замены ручного труда и примитивных сельхозорудий традиционными технологическими системами достиг некоторых пределов.

Последующее его углубление предполагает «новую индустриализацию», развитие информационных, биотехнологий и др. [Зданович, 2005; Круглов, Ма, 2019].

О том, что и в сфере промышленности затормозились прогрессивные межотраслевые сдвиги, свидетельствуют данные рисунка 8. Как видно, во всех трех странах примерно с середины 2000-х доля обрабатывающей промышленности в структуре ВВП заметно сокращается.

Наконец, в последние годы ослабляется ключевой потенциал модернизации экономики (рис. 9).

Источник. Рассчитано: Machinery and transport equipment (% of value added in manufacturing)* Manufacturing, value added (% of GDP)/100.

Рис. 9. Машиностроительная продукция и транспортное оборудование в 1983–2019 гг., % ВВП Индии, Индонезии, Китая

Доля машиностроительной продукции в структуре ВВП примерно с середины нулевых годов сокращается (к Индии с ее и без того низким показателем это относится в меньшей степени).

Обсуждение результатов

Для корректной интерпретации обнаруженных эмпирических наблюдений, вытекающих отсюда выводов необходимо иметь в виду следующее.

1. Использование крайне ограниченного набора инструментов для выявления характера и измерения динамики интенсивного фактора в развитии национальной экономики Индии, Индонезии,

Китай в течение длительной ретроспективы оказалось, по-видимому, достаточно. Полученные оценки, касающиеся (относительного) накопления или ослабления энергии развития, дали некоторое представление о вероятных изменениях в соотношении перспективных темпов роста ВВП Индии и Китая.

Результаты расчетов находят известное подтверждение в прогнозах мировой экономики. Так, по прогнозам Всемирного банка от 7 июня 2022 г., темпы прироста ВВП в 2022–2024 гг. в Индии составят 6,5–7,5%, в Китае – 4,3–5,2%⁷.

2. Выбранный для подобных исследований отрезок времени не может быть любым, предполагает известные условия, определенный макроэкономический фон, а именно – долговременный горизонт, позитивный тренд со стороны спроса. Все это означает, что полученные результаты эмпирического анализа (скажем, ослабление роста) существенно зависят от действительной конъюнктуры рынка. В частности, на их достоверность может повлиять фактический (но неучтенный в расчетах) недостаток спроса относительно производственных возможностей.

Заключение

Не претендуя на выявление сколько-нибудь фундаментальных закономерностей ускорения и замедления макроэкономического развития, автор обращает внимание на особенности этих процессов в Индии, Индонезии и Китае, значительно изменивших конфигурацию глобального экономического пространства за последние полвека, потянувших на себя существенную часть мирового продукта и дохода. Опыт этих стран убедительно свидетельствует о том, что первичный толчок к заметному улучшению макроэкономической динамики, бесспорно, связан с существенным ростом нормы накопления. Насколько длительным и устойчивым окажется возрастающий тренд темпов роста ВВП зависит уже от поддержки со стороны инновационной деятельности в сфере инвестиций.

Китай, и в меньшей степени Индия и Индонезия, завершили начальный этап индустриализации экономики, преобразовали на этой основе (прежде всего) сельскохозяйственное производство.

⁷ Перспективы мировой экономики. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>

Поддержание сложившихся высоких темпов развития требует теперь качественного совершенствования производственного аппарата всех отраслей на базе самых современных технологий. Аналогичная задача, вставшая перед развитыми странами на рубеже 1960–1970-х годов, оказалась чрезвычайно сложной. По нашему мнению, в среднесрочной перспективе рассмотренным странам грозит существенное замедление макроэкономической динамики. Прежде всего, это относится к Китаю.

Литература/ References

Григорьев Л. М., Макарова Е. А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46.

Grigor'ev, L.M., Makarova, E.A. (2019). Accumulation rate and economic growth: shifts after the Great Recession. *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 24–46. (In Russ.).

Зданович А. В. Аграрный потенциал экономики КНР // Внешнеэкономический бюллетень. 2005. № 9. С. 6–15.

Zdanovich, A.V. (2005). Agricultural potential of the PRC economy. *Vneshneekonomicheskii byulleten'*. No. 9. Pp. 6–15. (In Russ.).

Круглов Д. В., Ма Л. Формирование и развитие рынка сельскохозяйственного труда Китая // Экономика труда. 2019. Том 6. № 1. С. 331–340.

Kruglov, D.V., Ma, L. (2019). Formation and development of the market of agricultural labor of China. *Russian Journal of Labor Economics*. No. 1. Pp. 331–340. (In Russ.).

Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / Под ред. проф. Я. М. Миркина. М.: Магистр, 2018. 480 с. URL: http://www.mirkin.ru/_docs/book097.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

Mirkin, Ya.M. (2018). *Mechanisms for stimulating superfast growth: world practice*. Moscow. 480 p. (In Russ.). Available at: http://www.mirkin.ru/_docs/book097.pdf (accessed 03.03.2022).

Миркин Я. М., Кудинова М. М., Левченко А. В., Бакхараева К. Б., Жукова Т. В., Бунатян А. Г. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика. М.: Магистр, 2014. 496 с.

Mirkin, Ya.M., Kudinova, M.M., Levchenko, A.V., Bakhtaraeva, K.B., Zhukova, T.V., Bunatyan, A.G. (2014). *Financial strategies for modernizing the economy: world practice*. Moscow. Magistr Publ. 496 p. (In Russ.).

Aghion, P., Howitt, P. (1998). *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press. 694 p.

Ahortor Christian, R.K., AdenutsiDeodat, E. *Inflation, capital accumulation and economic growth in import-dependent developing countries*. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/29353/1/> (accessed 03.03.2022).

Andersson, M., Axelsson, T., Palacio, A. (2021). Resilience to economic shrinking in an emerging economy: the role of social capabilities in Indonesia, 1950–2015. *Journal of Institutional Economics*. No. 17. Pp. 509–526.

Assbring Malin Jondell. *What factors affect economic growth in China?* Available at: <https://www.divaportal.org/smash/get/diva2:540820/FULLTEXT01.pdf> (accessed 03.03.2022).

Barro, R.J. (1991). Economic Growth in a Cross Section of Countries. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106(2). Pp. 401–443.

Barro, R.J., Sala-i-Martin, X. (1995). *Economic Growth*. New York, McGraw Hill, 539 p.

Bond, S., Leblebicioglu, A., Schiantarelli, F. *Capital Accumulation and Growth: A New Look at the Empirical Evidence*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/20414/1/dp1174.pdf> (accessed 03.03.2022).

Daude, C., Fernández-Arias, E. *On the Role of Productivity and Factor Accumulation in Economic Development in Latin America and the Caribbean*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/89170/1/IDB-WP-155.pdf> (accessed 03.03.2022).

Harrod, R. (2008). *Economic dynamics theory*. Russ. ed.: Grebennikov, V. Translated from English by Manevich, V. Moscow, The Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. 210 p.

Hayashi, M. *Structural changes in Indonesian industry and trade: an input-output analysis*. Available at: https://www.ide.go.jp/library/English/Publish/Periodicals/De/pdf/05_01_03.pdf;

Indonesia: Share of economic sectors in the gross domestic product (GDP) from 2010 to 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/319236/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-indonesia/> (accessed 03.03.2022).

Kurniawan, R, Managi, S. (2018). Economic Growth and Sustainable Development in Indonesia: An Assessment. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. No. 54 (3). Pp. 1–31.

Limam, Y.R., Miller, S.M. *Explaining Economic Growth: Factor Accumulation, Total Factor Productivity Growth, and Production Efficiency Improvement*. Available at: http://smaller.faculty.unlv.edu/EFFICIENCY_PRODUCTIVITY_PAPER.pdf (accessed 03.03.2022).

McQuinn, K., Whelan, K. *Solow (1956) as a Model of Cross-Country Growth Dynamics*. Available at: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/5892/1/MPRA_paper_5892.pdf (accessed 03.03.2022).

Mukherji, Rahul. (2009). The state, economic growth, and development in India. *India Review*. No. 8. Pp. 81–106. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14736480802665238> (accessed 03.03.2022).

Rahman, Ziaur. (2019). Economic rising of China: Reference for economic development for developing country. *Discovery*. No. 55(277). Pp. 33–39.

Roberts, I, Ma, June. *Economic Trends in India*. Available at: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2018/jun/pdf/economic-trends-in-india.pdf> (accessed 03.03.2022).

Solow, R.A. (1956). Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.

Swan, T. (1956). Economic Growth and Capital Accumulation. *The Economic Record*. Vol. 32. Pp. 334–361.

Vázquez-Muñoz, Juan Alberto. *Capital accumulation as a determinant of the rate of growth of the Thirlwall's law*. Available at: <http://www.scielo.org.mx/pdf/cya/v63n3/0186-1042-cya-63-03-00005-en.pdf> (accessed 03.03.2022).

Virmani, Arvind. (2004). *India's Economic Growth: From Socialist Rate of Growth to Bharatiya Rate of Growth*. Working Paper. No. 122 (New Delhi: India Council for Research on International Economic Relations). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/176144/1/icrier-wp-122.pdf> (accessed 03.03.2022).

Yifu, Lin, Justin. *China and the Global Economy*. Available at: <https://www.frbsf.org/economic-research/files/Lin.pdf> (accessed 03.03.2022).

Статья поступила 21.04.2022

Статья принята к публикации 17.06.2022

Для цитирования: Лавровский Б.Л. Новые глобальные игроки: истоки ускорения и замедления (эмпирические наблюдения) // ЭКО. 2022. № 10. С. 90–109. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-90-109

For citation: Lavrovskii, B.L. (2022). New Global Players: The Origins of Acceleration and Deceleration (Empirical Observations). *ECO*. No. 10. Pp. 90–109. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-90-109

Summary

*Lavrovskii, B.L., Doct. Sci. (Econ.). E-mail: boris.lavrovski@gmail.com
Novosibirsk State Technical University; Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

New Global Players: The Origins of Acceleration and Deceleration (Empirical Observations)

Abstract. Of the many factors and conditions that determine the phenomenon of acceleration of economic development, the author of the article focused exclusively on the investment parameters. It is primarily about the impact on the rate of development of the scale (rate) of accumulation, as well as the qualitative characteristics of investment, defined as the incremental capital intensity. The origins of acceleration and deceleration of growth are revealed on the example of rapidly developing countries (India, Indonesia and China), using a very narrow set of tools. The author concludes that to maintain the high, sometimes increasing growth rates established in these countries in the long run, today requires a qualitative improvement of the production apparatus of all industries on the basis of the most advanced technologies. A similar task, which was once faced by developed countries, proved extremely difficult. This, apparently, to a certain extent explains the stabilization or even weakening of the macroeconomic dynamics of the three countries under consideration after the 2008-2009 crisis.

Keywords: *economic growth; acceleration; growth factor; accumulation rate; incremental capital intensity; India; Indonesia; China; USA; Portugal*

Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики¹

В.В. ВОЛЬЧИК, доктор экономических наук
E-mail: volchik@sfedu.ru; ORCID: 0000-0002-0027-3442

С.С. ЦЫГАНКОВ, кандидат экономических наук
E-mail: sscygankov@sfedu.ru; ORCID: 0000-0001-7827-8318

А.И. МАСКАЕВ, кандидат экономических наук
E-mail: maskaev@sfedu.ru; ORCID: 0000-0002-7431-6978
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Формальные институты российской инновационной системы (РИС) изучаются в двух аспектах. Во-первых, это анализ федерального законодательства в сфере инноваций – в статье приведен обзор классификаций нормативно-правовых актов, регулирующих инновационную деятельность. Во-вторых, в рамках нарративного подхода проанализированы глубинные интервью 27 работников академической сферы на предмет отношения к законодательному регулированию инноваций в России. По мнению акторов, последнее отличается эклектичностью, противоречивостью, неполнотой и отсутствием единообразия. Сделан вывод о том, что текущее состояние формальных институтов РИС объективно отражает уровень ее развития.

Ключевые слова: инновации; российская инновационная система; формальные институты; нарративная экономика; институциональная экономика; законодательство

Введение

Институты и институциональная структура – значимые факторы развития инновационной системы в любом государстве. В данной работе мы исследуем правовое регулирование инновационных отношений, или формальные институты развития российской инновационной системы.

Роль права и формальных институтов – один из ключевых моментов в теоретических построениях оригинального институционализма и новой институциональной экономической теории. Так, теорема Коуза (одного из основателей нового

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00562. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

институционализма) подчеркивает важность правового регулирования использования ресурсов в мире, где трансакционные издержки не равны нулю. А сам Р. Коуз прямо указывал, что «От закона зависит, каких именно стимулов будет не хватать, поскольку он определяет, как именно нужно изменить контракты, чтобы осуществились те действия, которые максимизируют ценность производства» [Коуз, 2007. С. 170].

Относительно российской инновационной системы (РИС) можно сказать, что ее тридцатилетняя адаптация к рыночным условиям, где трансакционные издержки велики, а иногда даже запредельны и где наблюдается «несоответствие вклада научно-технического комплекса в развитие страны его потенциалу» [Фонотов, 2022], роль правового регулирования в плане формирования эффективной институциональной структуры очень значима.

Становление рыночно ориентированной РИС сопровождалось созданием соответствующей институциональной структуры. И если на скорость изменения неформальных институтов повлиять нельзя, то сроки и эффективность создания правовой базы напрямую зависят от проводимой экономической политики. В свою очередь качество институтов определяет успехи и неудачи в развитии РИС. В данной статье мы остановимся на формальных институтах РИС, под которыми здесь понимается весь корпус нормативных актов, регулирующих отношения, связанные с созданием, внедрением и рыночным оборотом высокотехнологичной и инновационной продукции.

В рамках статьи анализ правовой системы РИС состоит из двух частей. В первой мы анализируем российскую законодательскую практику в сфере инноваций. Во-второй – применяется подход нарративной экономики для выявления типичных нарративов акторов инновационной системы о состоянии правового регулирования в рамках РИС.

Общим моментом исследуемых нарративов является утверждение, что правовая база противоречива, фрагментарна и потому не стимулирует эффективно инновации. Объяснить подобные оценки можно с помощью гипотезы, основанной на эффекте, описанном Лореном Грэхэмом: «Предприниматели, профессура университетов, государственные служащие – все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» [Грэхэм, 2014. С. 174]. Иными словами, акторы

инновационной системы (академия, бизнес, государство) имеют недостаточную правовую культуру, не ориентируются в изменениях законодательства и воспринимают правовое регулирование как источник дополнительных трансакционных издержек.

Поэтому при анализе формальных институтов российской правовой системы необходимо выделять два аспекта: 1) технический, характеризующий количественно и качественно состояние правового регулирования, и 2) оценочный, основанный на содержащихся в нарративах характеристиках эффективности этого регулирования.

Подчеркнем также, что ни одна институциональная структура не может быть создана в краткосрочном периоде, учитывая эффекты инерции и зависимости от предшествующей траектории развития [Дементьев, 2005]. Эволюция институциональной структуры инновационной деятельности во многом повторяет эволюцию всех правовых институтов в постсоветской России. Поэтому ее качественные исследования должны учитывать социальные контексты и исторические особенности развития российского хозяйственного порядка.

Правовое регулирование в российской инновационной системе

Отечественные правоведы так характеризуют правовое регулирование инноваций: «В Российской Федерации не обеспечивается единообразное применение норм права при регулировании инновационных правоотношений, а регулирование инновационной деятельности комплексно осуществляется только на региональном уровне. При этом законодатель использует различные подходы к регулированию инновационной деятельности, что приводит к низкому уровню юридической техники [Толстова, Трапезникова, 2018. С. 75].

Комплексное регулирование на региональном уровне, в отличие от фрагментарного на федеральном – феномен, который может быть объяснен с нескольких сторон: во-первых, на региональном уровне лучше понимают потребности и возможности инновационной деятельности с учетом имеющихся ресурсов; во-вторых, возможности для регулирования на региональном уровне меньше, что выливается в меньшее количество нормативных актов, которые проще согласовать между собой;

в-третьих, регулирование инновационной деятельности вписано в региональные стратегии инновационного развития.

На федеральном уровне создание единообразной и непротиворечивой правовой базы наталкивается на объективные препятствия, связанные со сложностью задачи. Кроме того, регулирование, направленное на стимулирование инноваций, сталкивается с проблемой координации деятельности корпоративных структур, которые имеют собственные программы инновационного развития. Яркий пример – попытка стимулировать закупки инновационной продукции для государственных и корпоративных нужд.

Формальную часть институциональной структуры РИС определили тридцать лет нормотворчества в сфере науки, технологий и инноваций. Этот процесс был непосредственно связан с проведением многочисленных реформ. Относительно любой сферы российской инновационной системы можно сказать, что реформы идут непрекращающейся чередой, причем каждая следующая реформа или программа развития почти обязательно содержит невыполнимые цели и плохо организованное ресурсное обеспечение. Значимым примером может служить следующая характеристика закона о науке, который был «эkleктичным, не побуждающим науку к реформе и к принятию на себя активной роли в жизнедеятельности общества» [Семёнов, 2021. С. 133].

Контент-анализ федеральных нормативных актов, содержащихся в справочной правовой системе «КонсультантПлюс», показал, что по состоянию на 1 апреля 2022 г. имеется 245 действующих федеральных законов и 1537² иных нормативных правовых актов: указов президента, постановлений и распоряжений правительства России, а также других федеральных органов власти, содержащих слово «инновации» в различных частях речи и в разных грамматических формах.

Анализируя научную литературу, посвященную федеральной нормативно-правовой базе, регулирующей РИС, авторы обычно выделяют несколько групп нормативных актов³, но консенсуса

² Примечание: данное количество является результатом контент-анализа федеральных нормативных актов, проведенного авторами. Количество таких нормативных актов может незначительно отличаться в зависимости от методики экспертного отбора в рамках контент-анализа.

³ В данном исследовании термины «правовой акт», «нормативный акт» и «нормативный правовой акт» используются как идентичные понятия.

относительно этой классификации в современной российской правовой науке достичь пока не удалось.

Подходы авторов схожи и зачастую отличаются лишь степенью детализации (отличается количество выделяемых групп, в классификацию могут быть включены только законы или подзаконные правовые акты). Некоторые авторы (см. [Басова, 2021]) ошибочно выделяют подзаконные акты в отдельную группу от законов, во исполнение которых они приняты, например, Постановление правительства РФ от 16.11.2012 № 1172 «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государственной поддержки инновационной деятельности», которое принято во исполнение пунктом 1 статьи 16.3 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», относят к группе актов, регулирующих «полномочия и функции госорганов в инновационной сфере», а сам закон – к группе актов, регулирующих «научно-техническую сферу и общие вопросы в сфере инноваций».

Подходы академических авторов к анализу федерального законодательства, регулирующего РИС, объединяет недостаточное внимание к отраслевым законам, которые содержат положения, регламентирующие инновационную сферу в конкретных отраслях⁴. Обычно они ограничиваются только сферой интеллектуальной собственности или инновационной инфраструктуры (см. [Балашова, Гнездилова, 2016; Басова, 2021; Далёкин, 2018; Игнатова, Глущенко, 2020; Лапина, 2017]). Между тем правовое регулирование иных отраслей тоже является значимой частью формальных институтов РИС. Не менее важными, на наш взгляд, являются законы, регулирующие государственные и корпоративные закупки (Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ). Последний практически не упоминается в литературе о правовом

⁴ К таким законам можно отнести, например, Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» или Федеральный закон от 30.12.2020 № 490-ФЗ «О пчеловодстве в РФ», ст. 7 которого гласит: «Развитие научно-исследовательской, научно-технической и инновационной деятельности в сфере пчеловодства» является одним из основных направлений развития пчеловодства.

регулировании РИС, хотя общая сумма договоров, заключенных в его рамках, превышает 17% ВВП страны⁵. Впрочем, несмотря на институционализацию в своих положениях принципа стимулирования инноваций, критериев инновационной продукции, он пока не способствует развитию РИС [Tsygankov et al., 2021].

Чего больше не хватает: законов или инвестиций?

Россия в настоящее время занимает 45-е из 132 мест в Глобальном инновационном индексе (Global Innovation Index 2021)⁶, уступая не только развитым странам из G7, но и бывшим советским республикам, таким как Эстония (21-е место), Латвия (38-е) и Литва (39-е). Особенно слабы наши позиции по таким составляющим индекса, как «верховенство права» (rule of law) (109-е место из 132) и «качество регулирования» (regulatory quality) (100-е), что непосредственно связано с правовым регулированием РИС.

При всем многообразии правовых актов, регулирующих деятельность РИС, «главным упущением российского законодательства в области инноваций является отсутствие закона об инновационной деятельности, где были бы озвучены основные инновационные процессы и понятия, сопутствующие инновационной деятельности» [Государственная..., 2018. С. 34].

Процесс принятия полноценного закона «Об инновационной деятельности» тянется уже более 20 лет, несмотря на неоднократные попытки сделать это. Восемнадцатого марта 1999 г. был зарегистрирован законопроект № 99029071–2 «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике», 18 марта 2010 г. – законопроект № 344994–5 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», но оба они в итоге были отклонены. В дальнейшем представители регионов РФ многократно говорили о важности принятия данного закона: «В абсолютном большинстве регионов считают принятие

⁵См. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», за 2021 г. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/06/main/Godovoy_otchet_223-FZ.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

⁶ Global Innovation Index 2021. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021/ru.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

специального федерального закона, регулирующего инновационную деятельность, практически первоочередной задачей, которая необходима для оптимизации процесса модернизации экономики», – заявила Л.С. Гумерова (с 2014 г. сенатор от Республики Башкортостан, с 2019 г. председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре)⁷.

Формальные институты имеют сложную структуру – от федеральных законов до ведомственных нормативных актов. Такие недостатки российского законодательства, как эклектичность, противоречивость, неполнота, фрагментарность постоянно обсуждаются в процессе практики правоприменения, и отсутствие единого закона об инновационной деятельности усугубляет проблему. Из него вытекает проблема с определением предмета регулирования [Пашкова, 2017]. Понятия инноваций и инновационной деятельности отличаются в разных законодательных актах: «Из многочисленных программных и нормативных документов следует, что мы строим инновационное государство, общество и экономику, однако определенности с тем, что это такое, у законодателя, очевидно, до сих пор нет» [Кожокар, 2020. С. 156]. Определения терминов в федеральном законодательстве, регулирующем РИС, «перемешаны» и между ними отсутствует «четкое разграничение» [Соловьев, 2019]. Например, определение понятия «инновации», используемое в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», отличается от того, которое установлено до сих пор действующим Постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» (таблица).

В других правовых актах, регулирующих РИС, используются термины «инновационная» и «высокотехнологичная продукция», конкретное определение которых вовсе отсутствует, существуют только критерии отнесения товаров (работ и услуг) к такой продукции, которые разбросаны по 11 различным нормативным документам, основанным на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники и перечне критических технологий (см. подробнее [Tsygankov et al., 2021]). В то же время термин

⁷ Регионы предлагают разработать отдельный закон об инновациях. ТАСС от 20 марта 2018 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5050002>

«инновационная продукция» содержится в «Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года»⁸ и означает «результат инновационной деятельности (товары, работы, услуги), предназначенный для реализации». Однако данный документ не был официально опубликован, а, значит, не может иметь юридическую силу нормативного правового акта. Таким образом, в действующем законодательстве практически невозможно определить отличия между двумя названными терминами.

**Определения термина «инновации» в действующих
федеральных нормативных правовых актах**

Постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы»	Инновация (нововведение) – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.
Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»	Инновация – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Другой важной проблемой исследуемой области законодательства является оценка его влияния на эффективность инновационной системы. Встроенные в нормативные акты системы оценки эффективности часто сводятся к перечню показателей. Проблема использования показателей в социально-экономической политике хорошо исследована экономистами и социологами [Campbell, 1979; Goodhart, 1981], которые сделали выводы об ограниченной сфере их применения. Однако практика, основанная на идеях менеджизма, как правило, игнорирует выводы теории, что ведет к неоднозначным результатам [Вольчик и др., 2019].

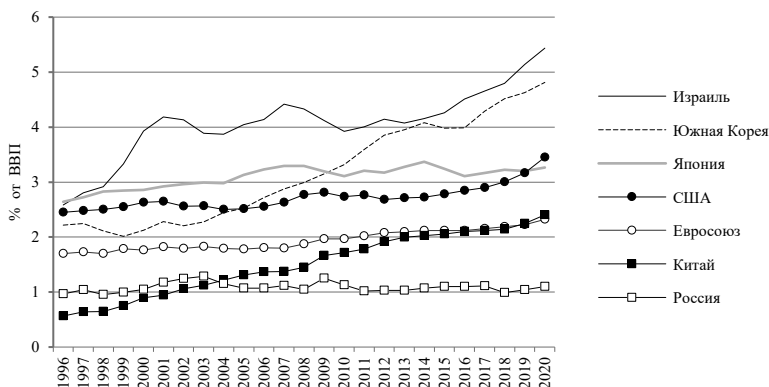
Известный исследователь российской научно-технической политики Е.В. Семёнов так характеризует результаты работы на показатель: «Последнее десятилетие, когда наука в России была жёстко ориентирована на производство отчётных показателей, а не на решение реальных проблем, когда производство показателей подавляло производство знаний, компетенций и технологий, было, на мой взгляд, для науки разрушительным... Ещё

⁸ Утверждены Правительством РФ 05.08.2005 № 2473п-П7.

одного такого “десятилетия науки” наука может и не выдержать» [Семёнов, 2022. С. 96].

Формирование и развитие правового сегмента институциональной структуры РИС создает рамки для деятельности акторов и организаций. Но и финансирование инноваций зависит от эффективности правового регулирования, и здесь тоже наблюдаются диспропорции, связанные с проводимой политикой. Поэтому возникает резонный вопрос: как связаны фрагментарность правовой базы и проводимая экономическая политика?

В рассмотренном выше Глобальном инновационном индексе⁹ с точки зрения финансирования инноваций России нечем похвастаться. Например, по «валовым расходам на НИОКР, % ВВП» (gross expenditure on R&D, % GDP), «глобальным корпоративным инвесторам в исследованиях и разработках, топ-3, млн долл. США» (global corporate investors in research and development, top 3, mln USD) и «расходах на образование, % ВВП» (expenditure on education, % of GDP) Россия находится на 38-м, 40-м и 52-м местах соответственно, в то время как по показателю «инвестиции» (investment) она занимает лишь 116-е место из 132 возможных (рисунок).

Источник. Составлен авторами по данным World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?contextual=max&locations=RU> (дата обращения: 01.07.2022).

Расходы на НИОКР в 1996–2020 гг., % от ВВП

⁹ Global Innovation Index 2021 // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021/ru.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

Показатель «инвестиции» включает в себя «простоту защиты миноритарных инвесторов» (ease of protecting minority investors), «венчурных инвесторов, сделок/млрд ВВП по ППС» (venture capital investors, deals/bn PPP\$ GDP) и «получателей венчурного капитала, сделок/млрд ВВП по ППС» (venture capital recipients, deals/bn PPP\$ GDP).

Как видно из рисунка, РИС существенно недофинансируется. По расходам на НИОКР (% от ВВП), Россия по состоянию на 2020 г. отстает почти в пять раз от Израиля, более чем втрое от США и более чем вдвое от Китая. Удручает отсутствие принципиальных изменений в этом аспекте в нашей стране за последние 25 лет: если в 1996 г. доля расходов на НИОКР в ВВП составляла около 0,97%, то в 2020 г. – 1,1% (для сравнения: у Китая 0,56% в 1996 г. и 2,4% в 2020 г.).

Текущий уровень финансирования НИОКР будет только способствовать дальнейшему отставанию России от развитых стран или Китая с точки зрения развития национальной инновационной системы, что ставит под вопрос перспективы национальной конкурентоспособности в мировой экономике. Такая ситуация с финансированием НИОКР связана с состоянием формальных институтов, роль которых вполне очевидна – экономическая политика реализуется через принятие нормативных актов, формальная составляющая институциональной структуры во многом определяет уровень трансакционных издержек в РИС. Дополнительное понимание существующего положения дел в правовом регулировании РИС дает анализ нарративов об инновационной деятельности.

Нарративы о правовом регулировании инноваций

В современной экономической теории с 2017 г. развивается направление, которое нобелевский лауреат Р. Шиллер назвал нарративной экономикой [Shiller, 2017]. За пять лет в ней сформировались два подхода анализа нарративов: количественный, в рамках которого определяется вирусность нарративов и их влияние, прежде всего на макроэкономические процессы [Shiller, 2019a; Bertsch et al., 2021]; и качественный, где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомоделей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления,

а также проявляются релевантные для акторов социальные контексты [Akerlof, Snower, 2016; Shiller, 2019b; Вольчик, Маслюкова, 2021].

В рамках данной статьи мы следуем качественному подходу. Базой нарративов послужили транскрипты 27 глубинных интервью, взятых в 2022 г. у акторов инновационной системы, представляющих академическую сферу. Глубинные интервью [Legard et al., 2003] позволяют получить наиболее богатый и разнообразный материал для выявления релевантных нарративов. В ходе их анализа стояла цель определить, как и с помощью каких устойчивых конструкций акторы объясняют проблемы, связанные с формальными институтами РИС.

В интервью акторы высказывают свое видение развития РИС, транслируя субъективное понимание закономерностей и причинно-следственных связей в инновационной системе. Кроме объяснительных протомodelей в интервью содержится описание, с какими социальными контекстами сопряжено осуществление инновационной деятельности в российских условиях.

В ходе анализа нарративов о РИС мы постоянно сталкиваемся с недовольством акторов существующими порядками правового регулирования: от защиты прав интеллектуальной собственности до излишней бюрократизации организаций, связанных с инновационной деятельностью. Например, респонденты полагают, что одна из основных проблем РИС – регулирование в части налогообложения: *«Проблема связана с механизмом налогообложения. Компания, если хочет что-то новое вводить или новое изобретать, не может средства, потраченные на НИР, НИОКР, конструкторские разработки, вычитать из налогооблагаемой базы. Компания заработала деньги и должна заплатить с этого налог. Потом со своей чистой прибыли, которая должна пойти собственникам бизнеса, она уже решает часть средств отправить на инновации. С учетом риска, который есть при научных исследованиях, компании невыгодно самой, в своих стенах что-то разрабатывать – ей проще приобрести. За любые деньги...»* (старший научный сотрудник, Ростов-на-Дону).

Чрезмерная зарегулированность инновационной деятельности естественным образом негативно влияет на коммерциализацию инноваций: *«...что может встречаться у нас, это и сложность коммерциализации, и сложности со стороны довольно строгой*

регуляции. По крайней мере, в области информационной безопасности есть требования к разработке продуктов. Не каждый инноватор может потянуть эти требования, чтобы потом коммерциализировать своё решение...» (доцент, Таганрог).

Нужно отметить, что особое внимание респонденты уделяли проблемам правовой защиты интеллектуальной собственности, подтверждая сделанные в предыдущем исследовании выводы о неоптимальной конфигурации существующих институтов интеллектуальной собственности в России (см. подробнее [Ширяев и др., 2022]).

Основной проблемой, связанной с интеллектуальной собственностью, по мнению респондентов, является фактическое отсутствие системной государственной политики по ее защите:

– *«...абсолютно отсутствует (защита интеллектуальной собственности – прим. авторов). ... Интеллектуальная собственность в России вообще не закладывается, ничего не стоит... Это великая беда! Можно долго говорить на эту тему...»* (заведующий кафедрой, Москва);

– *«...это (защита интеллектуальной собственности – прим. авторов) просто некий отчетный материал. Он защищает от честных людей»* (ведущий научный сотрудник, Ростов-на-Дону).

По мнению респондентов, сложившаяся ситуация с защитой интеллектуальной собственности представляет собой форму отчетности достижения тех или иных показателей и не направлена на развитие РИС: *«...моё личное мнение, что когда говорят о науке, про патенты вспоминают не потому что они нужны и важны, а потому что это отчётный показатель в каком-нибудь гранте или программе. Да, мы занимаемся подачей патентов, периодически их получаем, но эти патенты лежат. Они не работают, как должны работать патенты. Их никуда не продают, не продают по лицензии, сами не используют. Они просто есть. Зачем они просто есть? Единственное, что они могут, это решать задачу KPI...»* (доцент, Нижний Новгород).

Кроме того, в России фактически не реализуется политика защиты интеллектуальной собственности отечественных разработчиков за рубежом, о чем говорят несколько респондентов. Причем зачастую это проблема связана не только с деятельностью государства как актора РИС, но и непосредственно самих научных

организаций: «...я не знаю, как у нас в стране отслеживают использование наших патентов за рубежом. Я не уверена, что они это хорошо делают, эти службы. Как они отслеживают, что наш патент не используется где-то там, в Китае, и при этом они нам за это не платят...» (старший научный сотрудник, Екатеринбург).

Правовое регулирование РИС плохо защищает отечественных инноваторов от несовершенной конкуренции или неправомерного заимствования со стороны зарубежных фирм: «...эти права ничего не стоят, у нас нет никакой системы защиты прав в России, и поэтому всё, что попадает в патентное ведомство, немедленно утекает к врагам, и совершенно бесплатно...» (директор института, Нижний Новгород).

Правовое регулирование инновационной деятельности не может рассматриваться отдельно от состояния институциональной структуры национальной инновационной системы. Проблемы формальных институтов тесно связаны с протекающими в РИС процессами.

Следуя логике представителей эволюционной экономики, которые выдвинули концепцию национальной инновационной системы [Nelson, 1993; Metcalfe, 1994], успех инноваций зависит в первую очередь от реализации предпринимательской функции при создании новых комбинаций факторов производства. Анализируя правовую среду РИС, можно сделать вывод, что существуют две главные проблемы: 1) противоречивость и несистемность правового регулирования; 2) отсутствие со стороны законодательства эффективного регулирования, создающего сильные стимулы для предпринимателей заниматься инновационной деятельностью.

Инновации по определению связаны с появлением новых технологий, продуктов и видов деятельности. Правовое регулирование тогда снижает трансакционные издержки, когда предоставляет определенную степень свободы для инноваторов. Избыточная регламентация и регулирование вступают в противоречие с необходимостью формирования благоприятных условий для реализации рискованных инновационных проектов.

Правовое регулирование инноваций и связанные с ним проблемы объективно отражают уровень развития отечественной инновационной системы, т.е. являются не причиной, а следствием

ее состояния. Данное мнение отражается в интервью: «... на мой взгляд, правовая база способна адекватно расти и развиваться в среде, где активно развивается инновационная деятельность, то есть это взаимообусловленные процессы. И здесь я вижу, что законодательство в области инновационной деятельности у нас не достигло того расцвета, который будет поддерживать инновационную деятельность. С другой стороны, инновационная деятельность не располагает к тому, чтобы законодательские нормы развивались адекватным образом...» (заведующий кафедрой, Казань).

Проведенный анализ нарративов показал, что акторы в целом дают оценку правового регулирования РИС в нейтральном или негативном ключе. Существуют вызовы, связанные с гармонизацией законодательства в данной сфере. В частности, большую положительную роль может сыграть разработка единого закона об инновационной деятельности и совершенствование механизмов регулирования интеллектуальной собственности.

Заключение

Анализ научной литературы о правовом регулировании РИС, нормативных актов, а также интервью акторов инновационной системы позволил обобщить проблемы, связанные с формальными институтами:

- отсутствие системности законодательства;
- ограниченная эффективность патентного законодательства: примеры работающих механизмов защиты сосуществуют с проявлениями неэффективности;
- импорт правовых институтов плохо работает в условиях отечественной институциональной структуры;
- борьба с коррупцией не должна вырождаться в тотальный контроль за наукой, что будет сковывать научную инициативу, использование дорогостоящей техники и материалов; необходимы компромиссы и гибкий подход;
- механизм налогообложения НИОКР должен быть изменен, чтобы создавались стимулы для инновационной деятельности;
- институты интеллектуальной собственности в российских условиях не создают сильных стимулов для инноваторов; влияние интеллектуальной собственности на развитие инновационной деятельности очень ограничено;

– при создании инновационных производств возникают издержки, связанные с правовым регулированием, а также различиями в правовом регулировании между странами, если это международные проекты (например, экологическое законодательство);

– сложности правового регулирования влияют на качество, время и издержки государственных и корпоративных закупок.

Согласно современной экономической теории качество формальных институтов в первую очередь определяется возможностью снижать трансакционные издержки. Относительно правового регулирования инноваций в России можно сказать, что эта задача решается плохо. В первую очередь это относится к использованию интеллектуальной собственности в процессах создания новых конкурентоспособных технологий и производств. Дальнейшие исследования инновационной системы могут быть направлены на анализ комплементарности региональных механизмов регулирования федеральным.

Литература

Балашова Е. С., Гнездилова О. И. Проблемы правового регулирования инновационной деятельности в России // *Инновационная наука.* 2016. № 3. С. 62–67.

Басова А. В. Механизм правового обеспечения инновационной деятельности на федеральном и субфедеральном уровнях // *Baikal Research Journal.* № 12(1). 2021. С. 1–11.

Вольчик В. В., Корытцев М. А., Маслюкова Е. В. Институты и идеология менеджизма в сфере высшего образования и науки // *Управленец.* 2019. № 10(6). С. 15–27.

Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы // *Тетра Economicus.* 2021. № 19(4). С. 36–50.

Государственная инновационная политика в Российской Федерации: монография / Под ред. С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной. М.: Издательство «Спутник +», 2018. 234 с.

Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 272 с.

Далёкин П. И. Совершенствование нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации // *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия: право. 2018. № 3 (34). С. 51–61.

Дементьев В. Е. Институциональная инерция и реформирование институтов // *ГУУ, Вестник университета.* Серия Институциональная экономика. 2005. № 1(5). С. 3–10.

Игнатова Т. В., Глуценко А. В. Особенности регулирующего воздействия на развитие инновационной деятельности в России // *Естественно-гуманитарные исследования.* 2020. № 4(30). С. 54–58.

Кожокарь И. П. Инновации и инновационная деятельность: правовой аспект // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 15(3). С. 141–187.

Коуз Р. Заметки к «Проблеме социальных издержек». Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 150 с.

Латина М. А. Правовое регулирование национальной инновационной системы России // Административное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 26–33.

Пащикова Д. А. К вопросу о понятии «инновация» в российском праве // Вопросы экономики и права. 2017. № 108. С. 7–11.

Семёнов Е. В. Внешнее принуждение российской науки к изоляции: угроза и возможный ответ // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 4(2). С. 91–98.

Семёнов Е. В. Несостоявшаяся реформа науки // ЭКО. 2021. № 3. С. 122–139. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-122-139

Соловьев К. С. Инновации и инновационная деятельность: анализ регионального законодательства Российской Федерации // Право и экономика. 2019. № 9. С. 22–26.

Толстова А. Е., Трапезникова М. М. Особенности правового регулирования инновационной деятельности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3. С. 72–76.

Фомотов А. Г. Инновации как системные коммуникации // ЭКО. 2022. № 1. С. 54–76. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-1-54-76

Ширяев И. М., Маскаев А. И., Цыганков С. С. Институт интеллектуальной собственности в контексте развития российской инновационной системы // Russian Journal of Economics and Law. 2022. № 16(2), С. 275–293.

Akerlof G. A., Snower D. J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. № 126. P. 58–71.

Bertsch C., Hull I., Zhang X. Narrative fragmentation and the business cycle // Economics Letters. 2021. № 201(109783).

Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change // Evaluation and program planning. 1979. № 2(1). P. 67–90.

Goodhart C. Problems of monetary management: the UK experience Inflation, depression, and economic policy in the West ed AS Courakis. 1981. P. 111–146.

Legard R., Keegan J., Ward K. In-depth interviews // Qualitative research practice: A guide for social science students and researchers. 2003. № 6(1). P. 138–169.

Metcalfе J. S. Evolutionary economics and technology policy // The economic journal. 1994. № 104(425). P. 931–944.

Nelson R. R. (ed.) National innovation systems: a comparative analysis. 1993. Oxford University Press on Demand. 541p.

Shiller R. J. Narrative economics // American economic review. 2017. № 107. (4). P. 967–1004.

Shiller R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton University Press. 2019a. 377 p.

Shiller R. J. Narratives about technology-induced job degradation then and now // Journal of Policy Modeling, 2019b. № 41(3). P. 477–488.

Tsygankov S., Syropyatov V., Volchik V. Institutional Governance of Innovations: Novel Insights of Leadership in Russian Public Procurement // Economies. 2021. № 9(4). P. 189.

Статья поступила 31.08.2022

Статья принята к публикации 06.09.2022

Для цитирования: *Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики // ЭКО. 2022. № 10. С. 110–128. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-110-128*

Summary

Volchik, V.V., Doct. Sci. (Econ.). E-mail: volchik@sfsedu.ru

Tsygankov, S.S., Cand. Sci. (Econ.). E-mail: sscyankov@sfsedu.ru

Maskaev, A.I. Cand. Sci. (Econ.). E-mail: maskaev@sfsedu.ru

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Formal Institutions of the Russian Innovation System in the Light of Narrative Economics

Abstract. The formal institutions of the Russian innovation system (RIS), are examined in two aspects. Firstly, it is an analysis of federal legislation in the field of innovation – the paper provides an overview of classifications of regulatory acts that govern innovative activity. Secondly, the narrative approach analyzes in-depth interviews with 27 employees of the academic sphere regarding their attitude to the legislative regulation of innovations in Russia. According to the participants, the latter is characterized by eclecticism, inconsistency, incompleteness and lack of uniformity. It is concluded that the current state of formal institutions of RIS objectively reflects the level of its development.

Keywords: *innovation; Russian innovation system; formal institutions; narrative economics; institutional economics; legislation*

Acknowledgments: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21–18–00562. Available at: <https://rscf.ru/en/project/21–18–00562/> “Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics” at Southern Federal University.

References

- Akerlof, G.A., Snower, D.J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 126. Pp. 58–71.
- Balashova, E.S., Gnezdilova, O.I. (2016). Problems of legal regulation of innovation activity in Russia. *Innovatsionnaya nauka*. No. 3. Pp. 62–67. (In Russ).
- Basova, A.V. (2021). The mechanism of legal support of innovation activity at the federal and subfederal levels. *Baikal Research Journal*. No. 12(1). Pp. 1–11. (In Russ).
- Bertsch, C., Hull, I., Zhang, X. (2021). Narrative fragmentation and the business cycle. *Economics Letters*. No. 201(109783).
- Campbell, D.T. (1979). Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and program planning*. No. 2(1). Pp. 67–90.

Coase, R. (2007). *Notes on "The Problem of Social Costs". The Firm, the Market and the Law*. New publishing house. 150 p. (In Russ).

Dalekin, P.I. (2018) Improving the regulatory and legal support of innovation activity in the Russian Federation. *Bulletin of the Voronezh State University*. Series: Law. No. 3 (34). Pp. 51–61. (in Russ).

Dementiev, V.E. (2005). Institutional inertia and reforming institutions. State University of Management. *Bulletin of the University*. Series Institutional Economics. No. 1(5). Pp. 3–10. (In Russ).

Fonotov, A.G. (2022). *Innovations as systemic communications*. *ECO*. No. 52(1). Pp. 54–76. (In Russ). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-54-76

Goodhart, C. (1981). *Problems of monetary management: the UK experience Inflation, depression, and economic policy in the West* ed AS Courakis. Pp. 111–146.

Graham, L (2014). *Lonely ideas: can Russia compete?* Moscow. Mann, Ivanov and Ferber. 272 p. (In Russ).

Ignatova, T.V., Glushchenko, A.V. (2020). Peculiarities of Regulatory Influence on the Development of Innovative Activity in Russia. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. No. 4 (30). Pp. 54–58. (In Russ).

Kozhokar, I.P. (2020). Innovations and innovative activities: legal aspect. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No. 15(3). Pp. 141–187. (In Russ).

Lapina, M.A. (2017). Legal regulation of the national innovation system of Russia. *Administrative and municipal law*. No. 12. Pp. 26–33. (In Russ).

Legard, R., Keegan, J., Ward, K. (2003). In-depth interviews. *Qualitative research practice: A guide for social science students and researchers*. No. 6(1). Pp.138–169.

Metcalfe, J.S. (1994). Evolutionary economics and technology policy. *The economic journal*. No. 104(425). Pp. 931–944.

Nelson, R.R. (ed.) (1993). *National innovation systems: a comparative analysis*. Oxford University Press on Demand. 541p.

Pashkova, D.A. (2017). On the issue of the concept of “innovation” in Russian law. *Economic and Law Issues*. No. 108. Pp. 7–11. (In Russ).

Semyonov, E.V. (2022). External coercion of Russian science to isolation: a threat and a possible response. *Management of science: theory and practice*. No. 4(2). Pp. 91–98. (In Russ).

Semenov, E.V. (2021). Failed Science Reform. *ECO*. No. 3. Pp. 122–139 (In Russ). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139

Shiller, R.J. (2017). Narrative economics. *American economic review*. 2017. № 107. (4). P. 967–1004.

Shiller, R.J. (2019a). *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton University Press. 377 p.

Shiller, R.J. (2019b). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*. No. 41(3). P. 477–488.

Shiriaev, I.M., Maskaev, A.I., Tsygankov, S.S. (2022) The Institute of Intellectual Property in the Context of the Russian Innovative System Development. *Russian Journal of Economics and Law*. No. 16(2), Pp. 275–293. (In Russ).

Solovyov, K.S. (2019) Innovations and innovative activity: analysis of the regional legislation of the Russian Federation. *Law and Economics*. No. 9. Pp. 22–26. (In Russ).

State Innovation Policy in the Russian Federation (2018): Monograph / Ed. Prokofiev, S.E., Panina, O.V.. Moscow: Sputnik + Publishing House. 234 p. (in Russ).

Tolstova, A.E., Trapeznikova, M.M. (2018). Features of the legal regulation of innovation activity. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. No. 3. Pp. 72–76. (in Russ).

Tsygankov, S., Syropyatov, V., Volchik, V. (2021). Institutional Governance of Innovations: Novel Insights of Leadership in Russian Public Procurement. *Economies*. No. 9(4). P. 189.

Volchik, V.V., Korytsev, M.A., Maslyukova, E.V. (2019). Institutions and ideology of managerialism in the sphere of higher education and science. *Upravlenets (The Manager)*. No. 10(6). Pp. 15–27. (In Russ).

Volchik, V.V., Maslyukova, E.V. (2021). Possibilities of narrative economics in research of the Russian innovation system. *Terra Economicus*. No. 19(4). Pp. 36–50. (In Russ).

For citation: Volchik, V.V., Tsygankov, S.S., Maskaev, A.I. (2022). Formal Institutions of the Russian Innovation System in the Light of Narrative Economics. *ECO*. No. 10. Pp. 110–128. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-110-128

Промышленное освоение Арктики VS традиционный образ жизни: опыт управления социально-экономическим развитием в Республике Саха (Якутия)¹

О.В. ГОРДЯЧКОВА, кандидат экономических наук
E-mail: gordyachkova@corp.nstu.ru; ORCID: 0000-0003-0976-0906
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск
Т.Ю. КАЛАВРИЙ, кандидат экономических наук
E-mail: k-tipu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2279-2059
Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

Аннотация. В статье приведены результаты анализа региональной законодательной базы по развитию Арктики в Республике Саха (Якутия). Основными направлениями регионального регулирования социально-экономического развития арктических территорий являются: поддержка коренного населения; регулирование присутствия недропользователей в пределах полномочий региона и развитие социальной сферы. При этом недостаточное внимание уделяется программам развития предпринимательства и увеличения занятости постоянно проживающего населения. Взаимоотношения местного, в том числе коренного населения, с недропользователями строятся в основном в рамках компенсационного взаимодействия, а с государством – дотационного. Региональная политика в большей степени направлена на реализацию мегапроектов и мегапрограмм без вовлечения местных жителей в промышленное освоение территорий. Для определения стратегического вектора развития Азиатской Арктики важно нащупать точки соприкосновения интересов и возможностей для взаимодействия всех участников процесса: властей всех уровней, компаний – недропользователей, населения арктических регионов, при этом уделив внимание систематизации регулирующих нормативно-правовых актов и их комплексности.

Ключевые слова: Арктика; Республика Саха (Якутия); коренные малочисленные народы Севера; регулирование социально-экономического развития; инструменты и институты управления; недропользователи

Специфические черты Арктической зоны Республики Саха (Якутия)

Арктическая зона Республики Саха (Якутия) – регион, обладающий как типичными признаками северных регионов

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-510-71001).

(преимущественно сырьевая специализация, преобладание корпоративного сектора, особая роль государства) [Кугаевский, Долгунова, 2020], так и собственными специфическими характеристиками.

Во-первых, это наиболее экстремальные в северном полушарии климатические условия, что значительно повышает уровень издержек и рисков в региональной социально-экономической системе даже относительно других северных регионов. Например, доля транспортных издержек в стоимости завозимой продукции достигает 80%, а топливная составляющая в себестоимости производимой электроэнергии доходит до 60%.

Во-вторых, огромные размеры территории и дисперсность расселения: к Арктической зоне (АЗ) отнесено 52,2% территории республики, а это 13 административных районов площадью 1,6 млн км², на которых размещено большое количество малых (29) и труднодоступных (86) сельских поселений.

В-третьих, слабое развитие инфраструктуры: отсутствие круглогодичной наземной транспортной доступности как внутри АЗ республики, так и с соседними территориями; децентрализованное электроснабжение, что снижает его надежность и эффективность; отсутствие качественной интернет-связи, которая в большинстве случаев доступна только в стандарте 2G; низкая эффективность и надежность теплоснабжения (КПД котельных существенно ниже 60%, что также влияет на высокий уровень издержек в жилищно-коммунальном хозяйстве).

В-четвертых, значительный уровень износа объектов социальной инфраструктуры и жизнеобеспечения: доля аварийного жилья в среднем составляет 12,7%, при этом полностью благоустроенного жилого фонда практически нет; 12% школ расположены в аварийных помещениях; здания 83% медицинских учреждений построены в деревянном исполнении и в большинстве своем до 1990 г.²

² Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2021 г. № 359 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы»».

В-пятых, низкая эффективность предпринимательской деятельности, которая выражается в очень медленной оборачиваемости запасов и отсутствии собственных оборотных средств³.

В связи с вышесказанным характер промышленного освоения АЗ Республики Саха (Якутия) является очаговым.

Населенческий потенциал территории

Населенческий потенциал, под которым понимается совокупная способность населения, постоянно проживающего на определенной территории, к общественной жизнедеятельности в экономической, социальной, политической, духовной сферах [Золотарчук, Золотарчук, 2018] и который включает в себя трудовой, демографический и человеческий потенциал – это наиболее важная и сложная характеристика АЗ Республики Саха (Якутия).

Прежде всего, его характеризует крайне недостаточная для целей освоения Арктики численность населения. Несмотря на попытки государства закрепить население в Арктике, люди продолжают уезжать, в настоящее время здесь проживает не более 1,6% жителей РФ [Волгин и др., 2018]. Численность населения АЗ Якутии (68,9 тыс. чел.) составляет всего 7,2% от общего количества жителей республики, его плотность – 0,04 чел./км². При этом 60% населения сосредоточено в 17 населенных пунктах (из них 13 – районные центры), 25% проживает в 70 поселениях с численностью до 500 человек, а в 22 населенных пунктах вообще нет постоянных жителей⁴.

Социальная ситуация в АЗ характеризуется более высокими по сравнению со среднереспубликанскими уровнями безработицы (8,4% против 5,4%) и смертности (12,4% против 9,2%), а также коэффициента миграционной убыли (–0,6 против +6,1 в расчете на 1 тыс. человек)⁵. Фактическая миграция усугубляется

³ Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020. С. 471.

⁴ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2021 г. № 359 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы»» (дата обращения: 21.05.2022).

⁵ Там же.

миграционными намерениями, в том числе молодежи, о чем свидетельствуют проводимые исследования [Зайков и др., 2018].

Один из важных аспектов – это отношение местного населения к промышленному освоению. Большинство проживающих в АЗ Якутии хотя и осознают положительный эффект от развития здесь промышленности, но при этом все же делают акцент на отрицательных явлениях.

Так, 98,5% опрошенных жителей Оленёцкого района Якутии выделяют отрицательные экстерналии от прихода предприятий-недропользователей на территорию, 8% вообще не смогли найти в нем положительных эффектов [Калаврий, Слепцов, 2021]. Среди отрицательных последствий указываются: сокращение площади оленьих пастбищ и изменение путей миграции оленей; деградация кормовой базы (ягеля); сокращение ареала обитания промысловых зверей, недоступность некоторых территорий, ранее входивших в охотничьи угодья; сокращение количества мест нереста и поголовья рыб вследствие загрязнения и осушения малых рек; сокращение и недоступность площадей сбора дикоросов.

Ряд исследований показывает, что население АЗ Якутии не удовлетворено качеством своей жизни [Калаврий, Романова, 2021; Потравная, 2020].

Исследования социальной устойчивости регионов Севера и Арктики, которая увязывается с такими понятиями, как сохранение социально-культурных характеристик и качество жизни (в текущем моменте и в перспективе) [Suorajärvi et al., 2016], относят Республику Саха (Якутию) к регионам, имеющим признаки социальной неустойчивости и требующим активных мер социальной политики. Наибольшую тревогу вызывают такие направления, как «социальная инфраструктура» и «демографическая сфера» [Социальная устойчивость..., 2018]. Фактически важнейшим аспектом сохранения численности населения в Арктике является развитие социальной инфраструктуры, а не промышленное освоение само по себе.

Третий аспект – это недостаточная занятость местного населения на промышленных предприятиях. Ситуация здесь очень разнится у разных недропользователей: если в АО «Алмазы Анабара», которое является республиканской компанией, доля местного населения в структуре персонала составляет 97%,

то в федеральном ПАО «Сургутнефтегаз» – всего около 15%; остальные сотрудники работают вахтовым методом⁶. Привлечением местного населения занимаются в основном республиканские предприятия, но их доля незначительна⁷, поэтому в целом занятость местного населения в промышленности очень низкая.

Вопросы активизации привлечения местных кадров в промышленность периодически поднимаются на региональном уровне, но пока не находят отражения в каких-либо нормативно-правовых актах.

Влияние промышленного освоения Арктики на социально-экономическое развитие макрорегиона

Начиная с советского периода освоения, Европейская Арктика развивалась более активно по сравнению с азиатской частью: там формировались технологические цепочки по добыче и переработке сырья в готовую продукцию, чего нельзя сказать об Азиатской Арктике, где и сейчас преобладают проекты, связанные с вывозом сырья и топлива в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона [Лаженцев, 2018].

Освоение арктических территорий оказывает положительное влияние на их социально-экономическое развитие за счет действий компаний-недропользователей и позволяет:

- обеспечивать наполнение бюджетов всех уровней;
- привлекать к работе местное население;
- реализовывать ответственную социальную политику, связанную с соблюдением интересов трудового коллектива и долгосрочного закрепления трудовых ресурсов на Севере;
- развивать инфраструктуру, которая используется местным населением;
- оказывать прямую поддержку социальной стабильности в районе своей деятельности [Крюков и др., 2021].

⁶URL: https://www.surgutneftegas.ru/responsibility/ecology/prirodookhrannye-aspekty-khozyaystvennoy-deyatelnosti/publikatsii/prishli-vserez-i-nadolgo/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 17.05.2022).

⁷ Достоверные статистические данные по количеству предприятий-недропользователей в открытых источниках отсутствуют.

Кроме того, приход крупных добывающих предприятий часто становится стимулом для развития местного бизнеса [Там же]. Но в то же время с их деятельностью связаны и отрицательные моменты, прежде всего – в сферах экологии и сохранения мест традиционного природопользования. Например, в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) для доразведки нефтегазового месторождения планируется сократить на 20–22% площади особо охраняемой природной территории «ТерпейТумус». Помимо того, что эта земля является территорией традиционного природопользования (далее – ТТП), здесь обитает множество редких представителей арктической флоры и фауны [Социальная устойчивость..., 2018. С. 84].

В Алданском районе Якутии, который хоть и не относится к числу арктических, но на его территории проживает значительное число коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), в феврале 2021 г. была обнаружена незаконно построенная автодорога с полным перекрытием реки Токко, что грозило экологической катастрофой, так как рыбе был отрезан путь к нерестилищам, а пастбища рядом стали надолго непригодны для выпаса оленей. Ответственность за это несут предприятия международной компании Nordgold, учредителем которой является АО «Северсталь»⁸.

Итак, серьезными проблемами развития Российской Арктики в целом, а в особенности азиатской ее части, являются низкий населенческий потенциал и несоответствие между поставленными задачами в области успешного промышленного освоения территории и необходимостью улучшения качества жизни населения.

Сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов

В Арктической зоне проживает 50,8% от общей численности коренных малочисленных народов, живущих в Республике Саха

⁸Ущерб должен быть подсчитан // Официальный сайт Ассоциации КМНС РС (Я). 14.03.2022. URL: <http://yakutiakmns.org/archives/17480>

Неизвестные варварским способом проложили автомобильную дорогу по территории родовой общины эвенков и засыпали реку Токко // Официальный сайт Ассоциации КМНС РС (Я). 04.03.2022. URL: <http://yakutiakmns.org/archives/15639>

(Якутия). Они составляют около 30% всего населения арктических районов республики.

Для коренных народов характерны высокий уровень безработицы и низкий – заработной платы и социальных трансфертов, слабая мотивация к предпринимательству и получению дополнительного дохода, иждивенческие настроения, ослабление традиций бережного отношения к природе, почитания предков, интереса к работе в традиционных отраслях Севера и т.д. [Деттер, Филант, 2020]. Серьезной проблемой является широкое распространение алкоголизма и значительный уровень алкогольной преступности: в среднем по АЗ Республики Саха (Якутия) в состоянии алкогольного опьянения совершается 52,2% всех преступлений (в целом по республике – 36,6%) [Gordyachkova et al., 2018].

Традиционная хозяйственная деятельность коренных народов (оленоводство, охотничий промысел, рыболовство, собирательство, национальное шитье) носит преимущественно потребительский характер.

Как одно из основных направлений государственной поддержки этой деятельности в настоящее время рассматривается возмещение убытков, связанных с нанесением ущерба исконной среде обитания, но соответствующий механизм пока находится в стадии разработки. Так, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики утвердило Стандарт ответственности резидентов Арктической зоны РФ во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами РФ⁹. Но, во-первых, документ носит рекомендательный характер, во-вторых, его положения распространяются исключительно на взаимоотношения с коренными малочисленными народами, которые, в частности, в Якутии, составляют только треть населения Арктической зоны. Получается, что вопросы улучшения социально-экономической ситуации, повышения качества жизни, профессионального

⁹Приказ Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики от 23.11.2020 «Об утверждении Стандарта ответственности резидентов Арктической зоны РФ во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами РФ, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне РФ». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=375974&dst=100007#corXQAT44j7Ws2Ie1>

обучения и переподготовки местного населения будут осуществляться выборочно.

Республика Саха (Якутия) – единственный регион в России, где действует республиканский закон об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. На данный момент под его эгидой в республике проведено 42 исследования, общая стоимость ущерба от хозяйственной деятельности промышленных предприятий была оценена более чем в 830 млн руб.¹⁰

Само же местное население считает, что необходимо ужесточить контроль за деятельностью присутствующих предприятий и увеличить компенсационную составляющую в форме как прямых денежных выплат, так и компенсационных проектов [Бурцева и др., 2019; Потравная, Кривошапкина, 2022] и др.

Эксперты Государственной думы РФ отмечают, что в Республике Саха (Якутия) законодательство в отношении защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов носит разрозненный характер и приводит к неоправданному дроблению предметов правового регулирования. Они предлагают объединить девять действующих законов в рамках трех базовых документов, что повысит качество правовой базы и эффективность правоприменительной практики¹¹.

Таким образом, несмотря на то, что комплексное освоение Российской Арктики провозглашено важнейшим стратегическим направлением развития страны, значительная часть проживающего здесь населения (в Якутии это около 70%) оказывается в отрыве от происходящих событий.

Все эти проблемы, обозначаемые в большом количестве научных работ, побудили авторов проанализировать республиканское законодательство, связанное с развитием Арктической

¹⁰В Якутии ущерб от промышленных компаний в местах проживания КМНС оценили в 830 млн рублей [Эл. ресурс] // Официальный сайт Ассоциации КМНС РС (Я) – 18.05.2022. URL: <http://yakutiakmns.org/archives/17951>(дата обращения: 01.07.2022).

¹¹Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. 272 с. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/ac56at9WNIN403jBAeKGTGGBqfeyNPfX.pdf> (дата обращения: 01.06.2022) [С. 170].

зоны Республики Саха (Якутия), с целью найти ответы на ряд вопросов.

1. Насколько региональное законодательство согласуется с федеральным с позиции направлений развития?

2. Какие направления развития АЗ Республики Саха (Якутия) являются приоритетными для регионального правительства?

3. Какие инструменты управления развитием территории чаще всего применяются?

Рассматриваемая проблема является значимой для развития теоретических основ региональной арктической политики и обоснования направлений ее совершенствования.

Регулирование социально-экономического развития Арктики в Республике Саха (Якутия)

«АЗ РФ имеет некоторую неопределенность в части программного управления. С одной стороны, АЗ РФ официально выделена в отдельный объект государственного управления, и этот факт стимулирует научные обоснования мегапроектов и мегапрограмм. С другой стороны, как показывает (пока еще небольшой) опыт разработки государственных арктических программ, с их помощью решаются конкретные проблемы в определенных сферах деятельности» [Лаженцев, 2018]. Программная методология управления на федеральном уровне распространяется на значительное количество направлений, при этом отмечается, что «федеральные арктические программы согласованно дополняются (должны дополняться) программами регионального и местного уровня» [Там же].

Так, в Якутии основной из ныне действующих является госпрограмма «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы». На первый взгляд, программная методология охватывает все основные направления развития АЗ региона. Но нужно понимать, что отдельные направления социально-экономического развития и сферы деятельности в Арктике регулируются другими нормативно-правовыми актами.

Методология исследования практики регионального управления социально-экономическим развитием предполагала отбор, систематизацию и анализ релевантных правовых документов. На первом этапе мы отобрали массив документов в базе данных

справочно-правовой системы «Гарант» сначала – по ключевому дескриптору «Арктика», а из них – относящиеся к региональным актам органов власти Республики Саха (Якутия), действующие на дату запроса. Из этого массива (более 1200) на втором этапе были исключены нормативно-правовые акты, не отмененные, но утратившие актуальность, а документы, издаваемые периодически, отобраны в одной публикации за последний год. В результате для углубленного изучения были отобраны 122 документа различного типа, которые были систематизированы по таким параметрам, как вид, принявший орган, год издания, сроки действия.

Далее все правовые акты были разделены на две группы по отношению к Арктике, в результате чего установлено, что действие только 37 документов распространяется непосредственно на АЗ Республики Саха (Якутия), остальные – на всю республику, включая арктические районы.

На следующем этапе были определены основные параметры для классификации и анализа документов, такие как тип и инструмент регулирования, объект управления.

Контент-анализ позволил выявить направления регулирования, основные из которых представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Направления разработки и численность региональных правовых актов в целях развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия)

Установлено, что самое большое количество документов (более 50 или 40% от общего числа) направлено на формирование благоприятных условий существования коренных малочисленных народов Севера. Основные объекты регулирования – территории традиционных промыслов, поддержка традиционного образа жизни, включая язык и культуру; условия выделения господдержки в виде различных бюджетных трансфертов и налоговых льгот; взаимодействие с недропользователями и компенсационные механизмы ущерба, наносимого территориям традиционного проживания; северное оленеводство и господдержка кочевых семей.

Сопоставив отобранные региональные правовые акты с федеральными программами, мы выявили согласованность между ними по большинству направлений развития, за исключением тех, которые относятся исключительно к федеральному уровню: оборона и фундаментальные исследования.

Тридцать документов (24,6%) регламентируют создание и функционирование различных республиканских институтов (таблица).

**Виды институтов, создаваемые в целях управления развитием
АЗ Республики Саха (Якутия)**

Институт	Кол-во	Институт	Кол-во
Административно-территориальное образование	1	Научно-образовательный центр	1
Ассамблея	1	Оперативная группа	1
Комиссия	2	Опорный центр	1
Комитет	2	Проектный офис	3
Совет (в т.ч. экспертный, координационный)	10	Сеть образовательных учреждений	1
Министерство	1	Рабочая группа	3
Уполномоченный орган	1	Уполномоченный по правам	1

Несколько настораживает, что созданные институты отчасти дублируют функции друг друга, а некоторые из них создаются для решения одной текущей задачи. Помимо республиканского Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера, созданы два профильных комитета по делам Арктики: один при Государственном собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (с основным упором на коренных народов), второй – при главе республики. Таким образом, одновременно действуют один институт законодательного органа власти и два – исполнительного.

Около 20% рассмотренных документов устанавливают механизм координации деятельности различных институтов, субъектов и объектов управления (рис. 2).

Рис. 2. Инструменты управления, применяемые в целях развития АЗ Республики Саха (Якутия), и число регулирующих их нормативных документов

Значительный удельный вес (25%) имеют комплексные документы развития (концепции, стратегии, программы и политики), направленные на социально-экономическое развитие Республики Саха (Якутия) в целом и ее Арктической зоны в частности. В 13 случаях (11%) применен проектный принцип управления, который является достаточно эффективным инструментом, что подкреплено созданием проектного офиса. Но при этом уже долгое время находятся в разработке документы территориального планирования всех уровней. Финансовые инструменты управления (бюджетные ассигнования, субсидирование, грантовая поддержка) применяются всего в 9% случаев. Также важнейшим инструментом является республиканский Закон от 7 ноября 2013 г. 1231-З №17-V «О налоговой политике Республики Саха (Якутия)», предусматривающий налоговые льготы коренным малочисленным народам Севера и другим категориям налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в Арктической зоне республики.

При проведении анализа нормативных актов по функциям управления за основу были взяты классические функции менеджмента (планирование, организация, мотивация и контроль), трансформированные с учетом особенностей государственного управления (рис. 3):

Рис. 3. Распределение нормативно-правовых актов по функциям управления, %

Документы по функциям управления распределены достаточно равномерно, что свидетельствует о сбалансированности применения соответствующих инструментов. Блок документов, направленных на стимулирование, включает в себя финансовые инструменты (субсидии, гранты, бюджетные ассигнования), прямые меры поддержки как отдельных категорий граждан (например, выплаты на индивидуальное жилищное строительство молодым оленеводам), так и ряда отраслей (рыбохозяйственный комплекс, сельское хозяйство), а также инвестиционные программы, в том числе целевые капитальные вложения.

Нормативно-правовое регулирование включает законы, с помощью которых определяются общие подходы к управлению социально-экономическим развитием, а также подзаконные акты, устанавливающие правовые отношения между различными субъектами в процессе их определения, функционирования и взаимодействия.

Документы, определенные как направленные на координацию, предполагают создание (формирование) советов по отдельным направлениям деятельности, межведомственных рабочих групп для оперативного согласованного решения текущих вопросов.

На планирование и прогнозирование направлены 29% документов (функция контроля четко определена только в одном указе главы республики). В данном случае планирование и прогнозирование касается как в целом социально-экономического развития Якутии, так и отдельных отраслей экономики (например, оловодобывающей промышленности). В данную группу также были отнесены документы, регламентирующие распределение квот добычи водных биологических ресурсов, диких копытных животных, бурого медведя, соболя и рыси и т.д.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы позволил ответить на поставленные в начале исследования вопросы.

С точки зрения мер государственного регулирования Арктической зоны Республики Саха (Якутия) прослеживаются три основных направления: 1) поддержка коренного, в том числе малочисленного, населения (при этом ключевыми инструментами являются дотации, налоговые льготы, дополнительное материальное снабжение); 2) регулирование присутствия недропользователей в АЗ региона (несмотря на то, что региональные власти имеют мало полномочий в этом вопросе, так как регулирование в основном осуществляется на федеральном уровне, а большинство недропользователей являются федеральными компаниями); 3) разработка программных документов социально-экономического развития Арктической зоны (они также в значительной степени направлены на социальную сферу, при этом предусмотрено крайне мало мероприятий, предполагающих создание дополнительных рабочих мест и развития предпринимательства).

По мнению авторов, сегодня в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) сложилась ситуация, при которой местное население практически не участвует в проектах, связанных с промышленным освоением их территорий, не привлекается в качестве рабочей силы. Осознавая положительные внешние эффекты от присутствия недропользователей и пользуясь своими правами, местные жители заняли пассивную позицию,

ождая от бизнеса и государства улучшения качества собственной жизни, что вряд ли можно считать конструктивным подходом.

Для определения стратегического вектора развития Азиатской Арктики необходимо найти точки соприкосновения интересов и возможностей для взаимодействия всех участников процесса: властей всех уровней, компаний-недропользователей, коренного населения и жителей арктических регионов, которые не относятся к коренным малочисленным народам Севера, но постоянно проживают на территории и вносят свой вклад в промышленное освоение.

На первом этапе целесообразно провести анализ и систематизацию нормативно-правовых документов, что представляется вполне посильной задачей в условиях цифровой трансформации и доступности данных, возможности применения в их обработке искусственного интеллекта. Это позволит выявить дублирование функций и объектов регулирования, противоречия законодательных актов друг другу, установить равновесие и устранить перекосы между сферами регулирования.

Дальнейшая работа должна быть направлена на детальное исследование пробелов, проблем и противоречий в законодательстве о коренных народах Севера с целью обеспечения их большей хозяйственной самостоятельности и повышения эффективности деятельности, что позволит в перспективе снизить степень дотационности отношений. Говоря иносказательно «вместо того, чтобы постоянно давать рыбу – дать удочку и научить ею пользоваться».

Чрезвычайно важно проводить работу с местным населением, не относящимся к коренным малочисленным народам Севера, с целью активизации его гражданской позиции и вовлечения в процесс местного самоуправления.

Комплексный подход к нормативно-законодательному регулированию позволит привести в равновесие государственную политику в сфере взаимоотношений субъектов, функционирующих в Арктической зоне, и из «параллельного» существования перевести эти отношения во взаимодействие друг с другом.

Литература

Бурцева Е. И., Потравный И. М., Гассий В. В. и др. Экономика традиционного природопользования: взаимодействие коренных народов Севера и бизнеса

в российской Арктике / Под общ. ред. Е. И. Бурцевой и И. М. Потравного. М.: Экономика, 2019. 318 с.

Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Актуальные вопросы развития Российского Севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 34–46. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013

Деттер Г. Ф., Филант К. Г. Ключевые вызовы, узлы и тренды развития коренных малочисленных народов Севера в наступающее десятилетие // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 2 (107). С. 36–46. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.107.2.004

Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15

Золотарчук А. В., Золотарчук В. В. Населенческий потенциал Хабаровского края (комплексная оценка и перспективы роста). Хабаровск: ТОГУ, 2018. 182 с.

Калаврий Т. Ю., Романова Е. В. Интегральные индексы субъективного мнения населения о качестве жизни в арктической зоне (на примере арктической зоны Республики Саха (Якутия)) / Устойчивый север: общество, экономика, экология, политика. Сборник трудов VI Всероссийской НПК. Отв. ред. Е. Э. Григорьева. Якутск: Издательство СВФУ, 2021. С. 115–122.

Калаврий Т. Ю., Слепцов А. Н. Влияние промышленного освоения территории на традиционный образ жизни эвенков: в оценках населения // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2021. № 3(25). С. 23–27.

Крюков В. А., Яценко В. А., Крюков Я. В. Подходы к формированию новых минерально-сырьевых центров в Арктике: в основе – выстраивание цепочек межрегиональных взаимосвязей // Научные труды вольного экономического общества России. 2021. Т. 231. № 5. С. 145–167. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-145-167

Кугаевский А. А., Долгунова А. Ц. Долгосрочный экономический рост и инвестиции: особенности взаимосвязи для северных территорий (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2020. № 1 (17). С. 6–12. DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.1.004

Лажнецов В. Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 353–365. DOI 10.17059/2018-2-2

Потравная Е. В. Промышленное освоение Арктики: мнение населения / Пространственное развитие территорий в условиях цифровизации: социо-эколого-экономические системы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Грозный: Спектр, 2020. С. 197–205.

Потравная Е. В., Кривошапкина О. А. Оценка приоритетности компенсационных проектов различными группами населения при промышленном освоении Арктики // Вестник университета. 2022. № 1. С. 175–187. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-175-187

Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения / Коллектив авторов; под науч. редакцией Л.А. Рябовой. Апатиты: ФИЦКНЦРАН, 2018. 169 с. DOI: 10.25702/KSC.978–5–91137–384–9

Gordyachkova O. V., Nikulkina I. V., Rotar T. S. The Quality of Life of the Population of the Arctic Zone of Russia and Financial and Economic Mechanisms for Improving It From the Standpoint of Strengthening National Interests // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9.No 8.P. 2578–2592. DOI 10.14505/jarle.v9.8(38).07

Suopajärvi L., Poelzer G. A., Eidemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia // Resources Policy. 2016. Vol. 47. Pp. 61–68.

Статья поступила 13.06.2022

Статья принята к публикации 08.08.2022

Для цитирования: *Гордячкова О. В., Калаврий Т. Ю.* Промышленное освоение Арктики VS традиционный образ жизни: опыт управления социально-экономическим развитием в Республике Саха (Якутия) // ЭКО. 2022. № 10. С. 129–147. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-129-147

Summary

Gordyachkova, O.V., Cand. Sci. (Econ.). E-mail: gordyachkova@corp.nstu.ru
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk,

Kalavriy, T.Yu., Cand. Sci. (Econ.). E-mail: k-tipu@mail.ru
North-Eastern Federal University, Yakutsk

Industrial Development of the Arctic VS Traditional Way of Life: Experience of Managing Socio-Economic Development in the Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract. The paper reports the results of the analysis of the regional legislative framework for the development of the Arctic in the Republic of Sakha (Yakutia). The main directions of regional regulation of the socio-economic development of the Arctic territories are: support of the indigenous population; regulation of the presence of subsoil users within the region's authority and development of the social sphere. At the same time, insufficient attention is paid to the programs of development of entrepreneurship and increase of employment of the permanent population. Relations of the local population, including the indigenous population, with subsoil users are built mainly in the framework of compensatory interaction, and with the state – subsidized. Regional policy is more focused on the implementation of megaprojects and megaprograms without the involvement of local residents in the industrial development of the territories. To determine the strategic vector of the Asian Arctic development it is important to find points of convergence of interests and opportunities for interaction between all participants of the process: authorities of all levels, companies – subsoil users, the population of the Arctic regions, while paying attention to the systematization of regulatory and legal acts and their comprehensiveness.

Keywords: *Arctic; Republic of Sakha (Yakutia); indigenous peoples of the North; regulation of socio-economic development; management tools and institutions; subsoil users*

References

- Bashmakova, E.P., Gushchina, I.A., Kondratovich, D.L., Korchak, E.A., Ryabova, L.A., Polozhentseva, O.A., Stepanova, E.N., Toichkina, V.P., Toropushina, E.E. (2018). Social sustainability of the regions of the Russian North and Arctic: assessment and ways to achieve. *Scientific edited by L.A. Ryabova*. Apatity, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 169 p. (In Russ.). DOI: 10.25702/KSC.978-5-91137-384-9
- Burtseva, E.I., Potravny, I.M., Gassiy, V.V. (2019). *Economy of traditional nature use: the interaction between indigenous peoples and business in the Russian Arctic*. Moscow, Economics Publ. 318 p. (In Russ.).
- Detter, G.F., Filant, K.G. (2020). Key Challenges, Nodes and Development Trends of the Indigenous Peoples of the North in the Coming Decade. *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*. No. 2(107). (In Russ.). DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.107.2.004
- Gordyachkova, O.V., Nikulkina, I.V., Rotar, T.S. (2018). The Quality of Life of the Population of the Arctic Zone of Russia and Financial and Economic Mechanisms for Improving It From the Standpoint of Strengthening National Interests. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. Vol. 9. No. 8. Pp. 2578–2592. DOI 10.14505/jarle.v9.8(38).07
- Kalavriy, T.Yu., Romanova, E.V. (2021). Integral indices of the subjective opinion of the population on the quality of life in the Arctic zone (on the example of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Ustojchivyy sever: obshchestvo, ekonomika, ekologiya, politika. Sbornik trudov VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Sustainable North: society, economy, ecology, politics. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Pp. 115–122. (In Russ.).
- Kalavriy, T.Yu., Sleptsov, A.N. (2021). Influence of industrial development of the territory on the traditional lifestyle of the evenks: population survey. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*. No. 3 (25). Pp. 23–27. (In Russ.).
- Kryukov, V.A., Jatsenko, V.A., Kryukov, Ja.V. (2021). Approaches to the formation of new mineral resource centers in the Arctic, based on the formation of chains of interregional relationships. *Scientific works of the free economic society of Russia*. Vol. 231. No. 5. Pp. 145–167. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-145-167
- Kugaevsky, A.A., Dolgunova, A.C. (2020). Long-term economic growth and investment: peculiarities of interconnection for northern territories (the case of the Sakha Republic (Yakutia)). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Kul'turologiya. No. 1 (17). Pp. 6–12. (In Russ.). DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.1.004
- Lazhentsev, V.N. (2018). Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia. *Ekonomika regiona*. No. 14 (2). Pp. 353–365. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018-2-2
- Potravnaya, E.V. (2020). Industrial development of the Arctic: public opinion. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Prostranstvennoe razvitiye territorij v usloviyah cifrovizacii: socio-jekologo-jekonomicheskie sistemy*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation Spatial development of territories in the context of digitalization: socio-ecological and economic systems. Grozny. Pp 197–205. (In Russ.).

Potravnaya, E.V., Krivoshapkina, O.A. (2022). Compensation projects priority assessment by various population groups in the Arctic industrial development. *Vestnik universiteta. University Bulletin*. No. 1. Pp. 175–187. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-175-187

Suopajärvi L., Poelzer G.A., Eidemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. (2016). Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia. *Resources Policy*. Vol. 47. Pp. 61–68.

Volgin, N.A., Shirokova, L.N., Mosina, L.L. (2018). Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2 (208). Pp. 34–46. (In Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013

Zaikov, K.S., Katorin, I.V., Tamitskii, A.M. (2018). Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 3. Pp. 230–247. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15

Zolotarchuk A. V., Zolotarchuk V. V. (2018). *Population Potential of the Khabarovsk Territory (Comprehensive Assessment and Growth Prospects): [monograph]*. Khabarovsk: Pacific National University Publishing House. 182 p. (In Russ.).

For citation: Gordyachkova, O.V., Kalavriy, T.Yu. (2022). Industrial Development of the Arctic VS Traditional Way of Life: Experience of Managing Socio-Economic Development in the Republic of Sakha (Yakutia). *ECO*. No. 10. Pp. 129–147. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-129-147

Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов

Т.В. АЛФЕРОВА, кандидат экономических наук
E-mail: talferova68@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4961-0435
Researcher ID: P-4224-2017

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь

Аннотация. В работе обосновывается и описывается декомпозиция национальных целей развития РФ до регионального уровня, на этой базе сформирована база данных и разработана методика сравнительной оценки достижения регионами одновременно национальных целей развития, глобальных целей устойчивого развития (ЦУР) и динамики продвижения к ним. Апробация методики осуществлялась на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов за период 2015–2020 гг. Расчет индексов ЦУР регионов показал, что их низкое значение в совокупности с низкими темпами роста приведет к тому, что в ряде регионов целевые показатели не будут достигнуты к 2030 г. Все это может служить информационной основой для принятия решений в области реализации политики устойчивого развития российских регионов.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; ЦУР; регионы РФ; локализация; методика; индикаторы

Введение

Рамочная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹ как основополагающий документ в области содействия политике устойчивого развития имеет четко ориентированную систему координат. Во-первых, это вертикальная интеграция между уровнями управления (национальными, региональными и местными органами власти). Во-вторых, горизонтальная координация между секторами одного уровня (министерствами, местными органами власти,

¹ Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

региональными программами и т.д.). Не следует забывать и о сбалансированности между сферами устойчивого развития (экономической, экологической и социальной).

Универсальный характер Повестки предполагает вовлеченность широких кругов стейкхолдеров: «Правительства и государственные учреждения будут также тесно сотрудничать в процессе осуществления с региональными и местными органами власти, субрегиональными учреждениями, международными институтами, научным сообществом, благотворительными организациями, группами добровольцев и другими»².

Ключевая роль глобального партнерства в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) закреплена в отдельной цели (ЦУР 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития»), что свидетельствует об исключительной важности выполнения этого условия.

Для реализации ЦУР многие страны, включая Россию, приняли национальные стратегии и планы развития, наметили институциональные реформы, определили пути продвижения. Однако в июле 2018 г. на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию (HLPF) в Нью-Йорке успехи международного сообщества в реализации ЦУР были признаны скромными и недостаточными. Одной из причин этого названа недооценка важности регионального и местного уровней.

Принятые ранее Цели развития тысячелетия (ЦРТ)³, по мнению составителей Программы развития ООН (ПРООН) и Группы Всемирного банка⁴, не были достигнуты именно из-за недостатка навыков и ресурсов на местном и региональном уровнях. До срока достижения ЦУР осталось восемь лет, в связи с этим вопросы, будут ли они достигнуты к 2030 г., за счет каких ресурсов и механизмов, приобретают особую актуальность.

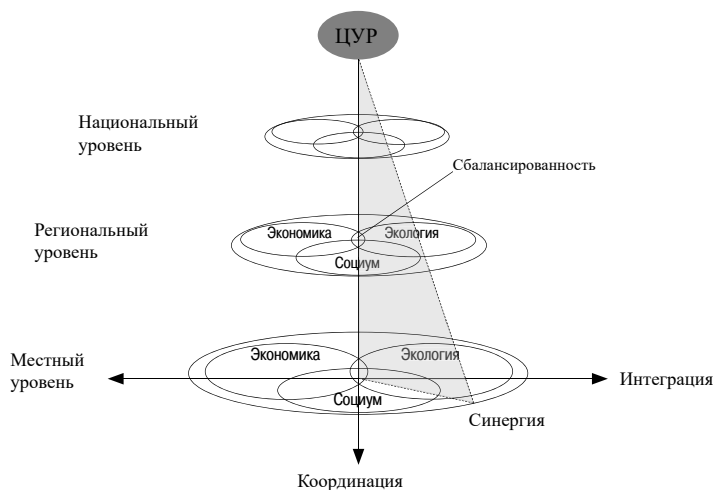
² Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. [Пункт 45. С. 14]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.07.2022).

⁴ UNDP and World Bank Group. 2016. Transitioning from the MDGs to the SDGs. New York and Washington, DC URL: <https://www.undp.org/publications/transitioning-mdgs-sdgs> (дата обращения: 30.07.2022).

Проблема локализации ЦУР в Российской Федерации и ее регионах

Элементы многоуровневого управления и последовательной реализации ЦУР представлены на рисунке. Обеспечение сквозного и интегративного характера действий требует специальных механизмов. В качестве такового предлагается локализация ЦУР как «процесса учета субнационального контекста в реализации Повестки 2030, начиная с постановки целей и задач и заканчивая определением средств реализации и использованием индикаторов для оценки и мониторинга прогресса»⁵.

Источник рисунка, табл. 1,2: составлено автором.

Модель многоуровневого управления и согласованности
политики ЦУР

⁵ Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. [С. 6]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

Несмотря на принятые ООН документы, в частности, Дорожную карту локализации ЦУР⁶, Руководство по подготовке добровольных национальных обзоров⁷ и др., существуют серьезные барьеры для эффективной локализации. Важнейшие из них:

- недостаточный местный потенциал и нехватка финансовых ресурсов;
- отсутствие согласованности политики и координации между национальными и местными усилиями;
- ограниченная осведомленность о ЦУР на субнациональном уровне;
- проблемы, связанные с наличием данных и возможностями для проведения субнационального мониторинга [Oosterhof, 2020].

Кроме того, до сих пор в научной литературе ощущается недостаток исследований, посвященных данному вопросу. Имеющиеся разработки – это либо индексы, касающиеся отдельных аспектов устойчивого развития (например, Индекс человеческого развития)⁸, либо комплексные индексы, но без привязки к ЦУР (Метаиндекс устойчивого развития) [Cherchye, Kuosmanen, 2006]. Основным же показателем оценки достижения странами ЦУР в настоящее время является система мониторинга под названием «Индекс ЦУР», разработанный группой под руководством Джеффри Сакса [Sachs et al., 2022. С. 61].

Процедура его расчета включает три этапа: 1) нормализация; 2) масштабирование; 3) агрегирование показателей в рамках ЦУР и между ними. После установления верхней и нижней границ переменные преобразуются в линейную шкалу от 0 до 100 с использованием формулы:

$$x = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)} \cdot 100, \quad (1)$$

где x – значение исходных данных;

⁶ Дорожная карта локализации ЦУР: реализация и мониторинг на субнациональном уровне. URL: http://euroasia-uclg.ru/upload/iblock/7f1/_-_-compressed.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

⁷ Руководство по подготовке добровольных национальных обзоров URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21633VNR_handbook_2019_Edition_RUS_EP_25March2019_Russian.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

⁸ UNDP. Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/> (дата обращения: 01.08.2022).

max / min – границы для лучшей и худшей деятельности соответственно;

x – нормализованное значение после масштабирования.

Ограничением минимаксной нормализации будет присутствие в выборке относительно редких выбросов – значений, намного отличающихся от типичных (например, наличие регионов-лидеров по ряду критериев). В этом случае именно их уровень будет определять масштаб нормализации, а следовательно, основная масса значений нормализованных переменных сосредоточится вблизи нуля.

Далее масштабированные данные интерпретируются и сравниваются по всем индикаторам: страна, получившая 50 баллов по переменной, находится на полпути к достижению оптимального значения, страна с 75 баллами прошла три четверти дистанции от худшего к лучшему и т.д.

Среди недостатков индекса называют несовершенство статистической информации, лежащей в основе его расчета, использование, помимо официальных данных, оценок исследовательских центров и неправительственных организаций и ежегодное изменение методологии расчета индекса, затрудняющее сравнение между годами [Ланьшина и др., 2019].

По мнению И. Лермонт, Индекс демонстрирует четкое разделение между развитыми и развивающимися странами, искажающее реальное положение дел. Так, у 25 ведущих стран в рейтинге оптически высокие статистические данные о развитии скрывают культуру безудержного потребления [Learmonth, 2019], в то время как прогресс в достижении целей в области климата и биоразнообразия идет слишком медленно именно в богатых странах.

Сами разработчики индекса считают, что страны систематически заменяют глобальные показатели ЦУР различными национальными косвенными показателями, что делает невозможным наличие общего эталона для оценки глобального прогресса. Несмотря на это, Индекс является наиболее широко используемым инструментом для оценки эффективности стран в контексте Повестки 2030.

Отметим, что сама по себе необходимость составления рейтингов является предметом обсуждения. С одной стороны, ранжирование помогает привлечь внимание к проблеме, способствует появлению новых исследований, повышает качество аргументов

для дебатов и т.д. С другой – во многих случаях международные рейтинги упрощают социальные явления и выборочно диагностируют сложные проблемы [Vojtor, Czippan, 2019].

В настоящее время более 110 стран готовят добровольные национальные обзоры (ДНО) по устойчивому развитию. Однако системы показателей на национальном уровне, как правило, фокусируются на вопросах и проблемах конкретной страны, что, безусловно, имеет важное значение, но в соответствии с п. 75 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, одобрявшей Повестку 2030, они должны дополнять, а не заменять глобальные индикаторы.

Россия впервые представила ДНО в 2020 г. Обзор продемонстрировал курс на интеграцию ЦУР в политику Российской Федерации: «Только национальными проектами и Комплексным планом модернизации и расширения магистральной инфраструктуры прямо или косвенно охвачены 107 из 169 задач ЦУР»⁹. В целом, говоря о локализации ЦУР в России, можно отметить, что на федеральном уровне данный аспект реализуется, чего нельзя сказать об уровне региональном.

Управление социально-экономическим развитием регионов осуществляется, как правило, на основе программно-целевого подхода, в котором программы направлены на решение самых насущных проблем каждой территории. Установление целевых показателей, контроль их достижения, сроки и методы расчета определяются регионами самостоятельно, исходя из собственных приоритетов и целей, не всегда совпадающих с ЦУР. Это затрудняет оценку прогресса и вклада каждого региона в достижение ЦУР страной в целом. Как правило, программы имеют отдельное ресурсное обеспечение и отдельные структуры управления. При этом не учитываются необходимость интеграции и координации, а также возможные эффекты синергии.

В научной литературе данный аспект, как правило, рассматривается в контексте решения конкретных задач без привязки к глобальным ЦУР и национальным показателям устойчивого развития [Никоноров, 2019; Берендеева и др., 2020; Курганов,

⁹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [С. 23]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

Третьякова, 2020; Сырцова и др., 2020]. В связи с этим исследование субнационального контекста ЦУР в реализации Национальной стратегии РФ представляется важным и своевременным.

Целью данного исследования является разработка методического инструментария, позволяющего оценить уровень достижения ЦУР российскими регионами на основе их интеграции в национальные показатели устойчивого развития.

Методика оценки достижения ЦУР российскими регионами

Национальный набор показателей для локализации ЦУР в России определен Указом Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован Указом № 474 от 20.07.2020 г. «О национальных приоритетах развития РФ на период до 2030 года».

Полномочия по формированию официальной статистической информации по показателям достижения ЦУР и представления ее в международные организации возложены на Росстат¹⁰. Однако в опубликованном на сайте Росстата ежегоднике, включающем 103 показателя, наблюдается ряд дефектов.

Первый – это отсутствие данных по ряду индикаторов в разрезе регионов. Такими, например, являются «удельный вес социальных выплат в % к ВВП», «смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения», «доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому», «протяженность очищенной прибрежной полосы водных объектов» и множество других.

Второй дефект – короткие ряды статистических данных. Например, по показателю «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду», есть данные только за четыре года, по показателю «обеспеченность врачами на 10 000 человек населения в РФ» – за три года, еще девять показателей собраны только за два года и т.д.

Еще один дефект, требующий обязательного устранения при представлении данных, – это несопоставимость и несоразмерность

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1170-р.

единиц измерения (абсолютных и относительных, натуральных и стоимостных и т.д.). Все это затрудняет процедуру оценки, не позволяя верно определить прогресс в достижении ЦУР регионами и страной.

В целом только 60 показателей ЦУР из 103, отраженных в ежегоднике, представлены в разрезе регионов, и только 9 из них собраны за период с 2010 до 2020 гг., т.е. являются пригодными для формирования индексов или построения качественных моделей. Однако такого количества крайне мало для оценки всех необходимых аспектов устойчивого развития. Следовательно, данные нужно дополнять из других статистических баз, что затруднительно, так как некоторые показатели, относящиеся к устойчивому развитию, до 2019 г. не собирались. Кроме того, в разных источниках одни и те же аспекты часто представлены разными вариантами показателей или одни и те же показатели имеют разные единицы измерения, что требует предварительной обработки перед включением их в ряды данных.

На первом этапе исследования мы отбирали показатели, сопоставляя их по следующему алгоритму: ЦУР – подцель – индикаторы ООН – индикаторы РФ – показатели, доступные в региональной статистике. Отсутствующие в региональной статистике данные заменялись близкими по сути показателями или рассчитывались самостоятельно на основе доступной информации. Первоначально сформированная база представляла собой динамические ряды с 2015 г. по 2020 г., состоящие из 127 показателей по 21 региону Приволжского и Уральского федеральных округов. Границы временного лага в шесть лет определились годом утверждения ЦУР и последним годом, за который имелись статистические данные на момент проведения исследования.

Далее проводилась обработка собранных данных. В частности, из общей базы были исключены показатели Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, из-за отсутствия большого числа необходимых показателей, и Тюменской области с автономными округами в ее составе из-за специфики имеющихся данных, часть которых опубликована отдельно для Тюменской области и для автономных округов, а часть представлена объединенными данными по области и округам.

Для обеспечения сопоставимости стоимостных показателей некоторые из них были дефлированы (приведены к уровню цен

2015 г.). Показатели, имеющие абсолютные единицы измерения, были пересчитаны в относительные (коэффициенты, проценты, промилле или величины, приходящиеся на десять тысяч человек населения), дублирующие (отличающиеся только единицами измерения, большей детализацией и т.д.) – исключены. Получившаяся база данных включала 80 индикаторов, распределенных по 16 ЦУР. Статистических данных, соответствующих Цели 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития в исследуемых регионах», нет из-за особенностей географического положения изучаемых регионов.

По каждому из восьмидесяти индикаторов были определены целевые значения. Для ряда показателей они установлены национальными приоритетами развития РФ, некоторые определены целевыми федеральными проектами и программами. Для остальных целевые значения устанавливались как среднее из трех наибольших, если большее значение характеризует большую результативность, и как среднее из трех наименьших, если большую результативность определяет меньшее значение.

Стандартизация относительно целевого значения производилась по формуле 2 (если значение индикатора, стремясь к целевому уровню, должно увеличиваться) и формуле 3 (если значение должно уменьшаться) [Третьякова, Осипова, 2016; Алферова и др., 2018; Курганов, Третьякова, 2020; Петрашевич, 2021].

$$x_n^k = \frac{a_{ij}^k}{\max a_i} , \quad (2)$$

$$x_n^k = \frac{\min a_i}{a_{ij}^k} , \quad (3)$$

где x_n^k – нормализованное значение индикатора в году k ; a_{ij}^k – фактическое значение i -го индикатора по j -му региону в году k ; $\max a_i$ – целевое значение i -го индикатора, стремящегося к \max ; $\min a_i$ – целевое значение i -го индикатора, ориентированного на \min .

Далее рассчитывались групповые индексы по каждой ЦУР с использованием формулы средней арифметической.

Полученные групповые индексы за шесть лет (2015–2020 гг.) послужили информационной основой для расчета интегральных индексов, отражающих фактическую степень достижения ЦУР и для оценки прогресса в их достижении к 2020 г.

Прогресс в достижении ЦУР определялся с использованием среднегодовых темпов изменения (роста или снижения). Полученные результаты оценивались по критериям, предложенным разработчиками глобального Индекса ЦУР [Sachs et al., 2022. P. 62].

Если *показатель снижается*, значит, регион движется в неверном направлении и отдаляется от достижения ЦУР. В случае, если показатель остается на прежнем уровне или увеличивается темпами ниже 50% от темпов роста, необходимых для достижения ЦУР к 2030 г., можно говорить *о стагнации*; если он увеличивается со скоростью, превышающей 50% от требуемых темпов роста, но ниже темпов, необходимых для достижения, – *об умеренном улучшении*. *О достижении ЦУР* свидетельствует увеличение показателя со скоростью, необходимой для достижения ЦУР к 2030 г. (или если показатель уже превысил целевой порог).

В опоре на данный принцип мы предлагаем следующие критерии для оценки текущего уровня достижения ЦУР: групповые и интегральные индексы, имеющие значения 0,25 и ниже, характеризуют уровень достижения ЦУР регионами как крайне низкий, от 0,25 до 0,5 – как низкий. Значения от 0,5 до 0,75 – как достаточный и 0,75 и выше говорит о высоком уровне достижения ЦУР.

Таким образом, разработанный методический инструментарий позволяет: 1) производить сравнительную оценку достижения регионами национальных целей развития, интегрированных в ЦУР; 2) оценить динамику продвижения за исследуемый период; 3) определить прогнозные значения индексов к 2030 г.; 4) выявить позитивные и негативные тенденции. Все это будет служить основой для корректировки управленческих решений в области реализации политики устойчивого развития регионов.

Результаты апробации методики оценки достижения ЦУР регионами

Апробация методики проводилась на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. Подчеркнем, что методика не оценивает развитие регионов по признаку устойчивости либо сбалансированности, но является инструментом оценки *достижения целей устойчивого развития*, сформулированных в стратегических документах РФ, и косвенно служит показателем результативности предпринятых в этом направлении действий, а также вклада регионов в достижение ЦУР. Полученные индексы позволяют выявить проблемные области в управлении, способствуют исследованию и лучшему пониманию синергических эффектов и т.д. Все это в свою очередь служит продвижению регионов по пути устойчивого развития.

К примеру, крайне низкое значение индекса ЦУР 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» (табл. 1) еще не означает, что в стране имеются выраженные проявления гендерного неравенства. В национальный набор показателей РФ по данному аспекту включено пять критериев: доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому; доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах; доля женщин на руководящих должностях; уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста; численность прошедших переобучение и повышение квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет. По некоторым из них установлены труднодостижимые целевые ориентиры. Например, по последнему показателю целью является повышение с 40 тыс. чел. в 2020 г. до 230 тыс. чел. к 2030 г.¹¹, в то время как фактические значения показателя в регионах Приволжского федерального округа в 2015 г. насчитывали всего несколько сотен человек. Впрочем, некоторые регионы, очевидно, ориентируясь на национальные приоритеты, демонстрируют впечатляющую динамику по этому показателю (табл. 2).

¹¹ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. М., 2019. С. 25.

Таблица 1. Значения интегральных индексов достижения ЦУР

Регион	ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 4	ЦУР 5	ЦУР 6	ЦУР 7	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 11	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 15	ЦУР 16	ЦУР 17
Республика Башкортостан	0,62	0,89	0,60	0,71	0,18	0,58	0,65	0,66	0,60	0,70	0,66	0,26	0,49	0,85	0,73	0,34
Республика Марий Эл	0,64	0,87	0,66	0,72	0,09	0,92	0,66	0,66	0,47	0,86	0,48	0,37	0,23	0,81	0,47	0,27
Республика Мордовия	0,61	0,92	0,66	0,76	0,23	0,88	0,67	0,77	0,61	0,92	0,53	0,46	0,35	0,73	0,52	0,28
Республика Татарстан	0,62	0,90	0,66	0,78	0,08	0,65	0,65	0,79	0,73	0,73	0,65	0,42	0,41	0,63	0,85	0,43
Удмуртская Республика	0,66	0,90	0,62	0,75	0,11	0,98	0,61	0,75	0,57	0,89	0,62	0,37	0,29	0,88	0,46	0,34
Чувашская Республика	0,64	0,87	0,68	0,74	0,17	0,94	0,66	0,66	0,66	0,98	0,55	0,29	0,29	0,83	0,58	0,28
Пермский Край	0,65	0,89	0,56	0,72	0,08	0,67	0,62	0,66	0,59	0,73	0,64	0,30	0,41	0,77	0,48	0,40
Кировская область	0,63	0,91	0,62	0,69	0,07	0,55	0,65	0,70	0,46	0,97	0,56	0,40	0,72	0,85	0,43	0,29
Нижегородская область	0,66	0,91	0,62	0,73	0,07	0,95	0,65	0,76	0,66	0,76	0,65	0,23	0,38	0,80	0,68	0,35
Оренбургская область	0,63	0,88	0,60	0,72	0,07	0,58	0,61	0,67	0,48	0,82	0,50	0,24	0,36	0,78	0,56	0,36
Пензенская область	0,60	0,90	0,58	0,68	0,08	0,62	0,65	0,71	0,66	0,91	0,71	0,24	0,38	0,77	0,65	0,30
Самарская область	0,64	0,85	0,58	0,75	0,11	0,49	0,64	0,73	0,66	0,80	0,57	0,34	0,52	0,86	0,61	0,38
Саратовская область	0,67	0,89	0,60	0,74	0,27	0,87	0,64	0,67	0,47	0,86	0,62	0,59	0,36	0,85	0,68	0,31
Ульяновская область	0,70	0,89	0,55	0,70	0,16	0,94	0,65	0,70	0,63	0,89	0,59	0,25	0,36	0,83	0,53	0,29
Курганская область	0,71	0,90	0,51	0,67	0,15	0,77	0,64	0,60	0,42	0,91	0,58	0,20	0,24	0,83	0,38	0,28
Свердловская область	0,72	0,89	0,56	0,79	0,17	0,54	0,68	0,68	0,58	0,72	0,62	0,36	0,57	0,88	0,68	0,42
Тюменская область без а/о	0,57	0,88	0,60	0,81	0,10	0,91	0,69	0,65	0,51	0,78	0,65	0,43	0,18	0,80	0,48	0,70
Челябинская область	0,64	0,84	0,54	0,75	0,07	0,53	0,66	0,63	0,57	0,92	0,68	0,36	0,60	0,73	0,50	0,36

■ — Значения, характеризующие крайне низкий уровень показателя;

□ — Значения, характеризующие низкий уровень показателя.

Данные таблицы свидетельствуют, что большинству регионов Приволжского и Уральского федеральных округов необходимо сосредоточить внимание на факторах, способствующих достижению ЦУР 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям»; ЦУР 12 «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства»; ЦУР 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» и ЦУР 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Низкое значение индексов по этим целям в совокупности с низкими темпами роста означает, что в ряде регионов целевые показатели не будут достигнуты к 2030 г. (табл. 2). Особенно это касается ЦУР 9 и 17, индексы которых практически во всех регионах либо снижаются, либо стагнируют.

Низкие, а в некоторых случаях – отрицательные темпы роста не позволяют большинству регионов достичь и ЦУР 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»; ЦУР 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»; ЦУР 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» даже несмотря на достаточно высокие значения самих индексов (табл. 1). Следовательно, лицам, принимающим решения, нужно обратить внимание на данный аспект.

Отметим, что в последние два года из-за многократных перекрывающихся кризисов в области здравоохранения и безопасности прогресс в достижении ЦУР приостановился во всем мире. «Это серьезная неудача, особенно если учесть, что до пандемии в период 2015–2019 гг. мир продвигался к их достижению со скоростью 0,5 пункта в год (что также слишком медленно для достижения крайнего срока 2030 г.)», – отмечают разработчики индекса ЦУР¹².

¹² Sustainable Development Report. Executive Summary Summary of key findings and recommendations [Эл. ресурс]. URL: <https://dashboards.sdindex.org/chapters/executive-summary> (дата обращения: 04.08.2022).

Таблица 2. Среднегодовые темпы изменения индексов достижения ЦУР (2015–2020 гг.), %

Регион	ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 4	ЦУР 5	ЦУР 6	ЦУР 7	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 11	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 15	ЦУР 16	ЦУР 17
Респ. Башкортостан	104,7▲	101,0▲	101,7→	101,3→	102,8→	99,9▼	106,5▲	103,2▲	99,8▼	101,9→	100,1→	99,1▼	96,5▼	102,1▲	107,8▲	105,4→
Респ. Марий Эл	102,7▲	103,5▲	103,9▲	101,2▲	127,1▲	98,3▼	101,2→	103,5▲	96,7▼	101,8▲	100,9→	101,6→	116,3▲	102,5▲	108,3▲	103,8→
Респ. Мордовия	102,5▲	98,4▲	103,9▲	100,3→	105,0→	108,7▲	105,8▲	100,3→	99,2▼	100,9▲	98,2▼	113,7▲	93,3▼	102,6▲	106,9▲	104,7→
Респ. Татарстан	100,3→	100,4→	104,4▲	100,0→	137,5▲	101,7→	105,8▲	103,1▲	100,2→	103,3▲	101,6→	100,1→	104,9▲	112,1▲	103,0▲	104,6▲
Удмуртская Респ.	100,7→	98,9▼	103,3→	100,8→	117,8▲	99,7▼	108,9▲	103,0▲	102,0→	103,5▲	101,3→	98,1▼	124,1▲	98,3▼	110,5▲	104,3→
Чувашская Респ.	101,5→	97,8▼	101,0→	101,3→	102,2→	100,0→	105,8▲	101,1→	98,5▼	100,9▲	99,9▼	119,0▲	101,2→	100,3→	104,4▲	104,0→
Пермский край	102,0→	101,3▲	102,0→	101,4→	144,4▲	112,2▲	108,9▲	102,6▲	99,2▼	104,0▲	103,2▲	109,5▲	101,7→	104,1▲	113,3▲	103,4→
Кировская обл.	103,8▲	100,3→	101,6→	100,5→	178,0▲	91,4▼	105,3▲	103,4▲	102,4→	101,2▲	101,5→	103,7→	103,7▲	100,5→	109,8▲	104,3→
Нижегородская обл.	99,6▼	101,3▲	104,5▲	100,8▲	149,7▲	100,2→	107,2▲	101,8▲	101,7→	101,6▲	101,3→	104,1→	101,1→	99,3▼	105,2▲	106,4→
Оренбургская обл.	102,1→	98,9▼	104,3▲	101,1▲	148,0▲	102,0→	104,8▲	102,1▲	100,9→	102,2▲	101,1→	116,3▲	117,2▲	105,7▲	112,1▲	106,2▲
Пензенская обл.	103,1▲	98,4▼	100,7→	101,4→	138,0▲	97,7▼	105,0▲	101,7→	99,3▼	102,7▲	102,3▲	103,7→	136,9▲	105,9▲	107,5▲	104,9→
Самарская обл.	100,5→	102,6▲	102,4→	100,7→	118,1→	96,6▼	106,2▲	101,9→	98,7▼	104,8▲	100,9→	103,2→	100,4→	99,6▼	107,8▲	105,0▲
Саратовская обл.	101,7→	101,7▲	103,4→	101,0→	103,0→	92,2▼	106,3▲	102,1→	98,2▼	101,0▲	100,7→	91,3▼	97,8▼	101,5▲	106,6▲	104,8→
Ульяновская обл.	100,1→	103,5▲	104,2→	101,3→	101,2→	100,4→	107,0▲	105,0▲	99,7▼	102,2▲	101,1→	118,2▲	105,7▲	101,1→	108,6▲	105,8→
Курганская обл.	101,5▲	99,5▼	103,1→	100,1→	105,1→	100,6→	106,1▲	104,1▲	101,1→	102,0▲	101,0→	110,4→	117,6▲	101,4→	117,2▲	104,4→
Свердловская обл.	101,4→	101,5▲	103,7→	100,8→	97,6▼	99,1▼	103,0▲	102,8▲	99,7▼	101,6→	101,2→	95,6▼	103,1→	101,7▲	107,8▲	106,1→
Тюменская обл. без а/о	100,9→	100,2→	103,9→	98,6▼	118,5→	99,2▼	98,8▼	104,1▲	101,0→	101,9▲	101,3→	104,0→	112,0→	105,5▲	113,0▲	114,6▲
Челябинская обл.	102,6▲	100,6→	104,1→	99,9▼	161,2▲	100,1→	104,6▲	102,7→	100,0→	103,2▲	102,2→	97,2▼	103,7→	105,8▲	109,4▲	104,6→

■ — ЦУР будет достигнута раньше 2030 года; □ — ЦУР будет достигнута к 2030 году; ▲ — Показатель увеличивается со скоростью, необходимой для достижения ЦУР; ▼ — Показатель уменьшается со скоростью, ниже темпов; → — Стагнация; ↗ — Показатель увеличивается со скоростью, необходимой для достижения ЦУР; ↘ — Показатель уменьшается со скоростью, необходимой для достижения ЦУР.

Вместе с тем следует отметить, что практически всеми регионами будут достигнуты ЦУР 7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии»; ЦУР 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» и ЦУР 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» при этом значительно раньше 2030 г. Это также должно стать объектом внимания лиц, ответственных за планирование и ресурсное обеспечение региональных программ развития. Им стоит сфокусироваться на других проблемах, требующих решения по каждой ЦУР, и расширить их охват, включив новые целевые показатели.

В целом можно отметить низкую достигаемость ЦУР всеми субъектами Приволжского и Уральского федеральных округов. Если не предпринимать никаких действий в этом направлении, к 2030 г. восемь целей из шестнадцати будут достигнуты только Оренбургской областью, семь – Республикой Марий Эл, Татарстаном и Пермским краем. Всего по три цели будут достигнуты Чувашской Республикой, Саратовской и Свердловской областями.

Таким образом, предложенная методика позволяет проводить сравнительную оценку достижения регионами национальных целей развития, оценивать динамику продвижения, определять прогнозные значения индексов, выявлять позитивные и негативные тенденции с целью их корректировки. Все это может служить информационной основой для принятия решений в области реализации политики устойчивого развития регионов. Как отмечают исследователи [Oosterhof, 2018], система измерения, базирующаяся на показателях, является полезным инструментом в разработке политики, основанной на фактах.

Кроме того, применение методики послужит локализации ЦУР как «процессу определения, реализации и мониторинга стратегий на местном уровне для достижения глобальных, национальных и субнациональных целей и задач в области устойчивого развития»¹³. А именно для реализации одной из специальных

¹³ UN Development Group. 2014. Localizing the Post-2015 Agenda: Dialogues on Implementation. New York. [С. 6]. URL: https://www.uclg.org/sites/default/files/dialogues_on_localizing_the_post-2015_development_agenda.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

целей: «Определение простых, но эффективных систем мониторинга и отчетности, включая выявление источников данных, пробелов и средств пополнения»¹⁴.

Заключение

Достижение глобальных ЦУР во многом зависит от конкретных результатов, полученных на региональном и местном уровнях. Будучи ближайшим к населению уровнем управления, местные и региональные органы власти находятся в уникальном политическом положении, позволяющем объективно выявлять потребности и пробелы в области развития, своевременно реагировать на них, а также нести ответственность за широкий круг решений, связанных с региональным развитием.

Полученные результаты оценки достижения ЦУР регионами Приволжского и Уральского федеральных округов указывают на необходимость улучшения процессов местного управления и наращивание местного институционального потенциала практически во всех указанных субъектах.

Наиболее высокие фактические показатели достижения во всех регионах имеют ЦУР 2 (от 0,84 до 0,91), ЦУР 10 (от 0,72 до 0,91) и ЦУР 15 (от 0,63 до 0,88). Крайне низкими являются фактические значения по ЦУР 5 (от 0,07 до 0,27), низкими – по ЦУР 12 (от 0,2 до 0,43), за исключением Саратовской области, ЦУР 17 (от 0,28 до 0,43), за исключением Тюменской области. ЦУР 13 также имеет в основном низкие значения (от 0,18 до 0,38), за исключением четырех регионов.

При этом высокие фактические оценки не являются гарантией достижения ЦУР к 2030 г. из-за низких темпов роста. В частности, к указанному сроку ни одним регионом не будут достигнуты ЦУР 4, 9 и 11. Недостижимыми останутся также ЦУР 1 и 17 для всех регионов, кроме Республики Башкортостан и Тюменской области соответственно. Наиболее благоприятно ситуация складывается с достижением ЦУР 7, 10 и 16, которые будут достигнуты практически всеми регионами. В целом к 2030 г. из шестнадцати целей будут достигнуты

¹⁴ UN Development Group. 2014. Localizing the Post-2015 Agenda: Dialogues on Implementation. New York. [С. 8]. URL: https://www.uclg.org/sites/default/files/dialogues_on_localizing_the_post-2015_development_agenda.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

только восемь – Оренбургской областью, семь – Республикой Марий Эл, Татарстаном и Пермским краем. В остальных регионах ситуация складывается значительно хуже.

По нашему мнению, улучшение сложившейся ситуации может быть достигнуто за счет повышения согласованности и координации между уровнями государственного управления, учитывая преимущества каждого уровня и возможности синергии усилий между уровнями власти и другими заинтересованными сторонами, т.е. за счет реализации многоуровневого управления и локализации ЦУР.

Литература

Алферова Т.В., Третьякова Е.А., Осипова М.Ю., Суркова Ю.И. Эволюция концепции устойчивого развития в контексте исторических процессов: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 185 с. DOI: 10.12737/monography_5b5825de7c1d84.81996806

Берендеева, А.Б., Воробьева О.С., Руданова Ю.С. Анализ показателей и рейтингов уровня и качества жизни населения регионов // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2020. № 1 (23). С. 95–108.

Курганов М.А., Третьякова Е.А. Оценка устойчивого регионального развития с позиции реализации ценностей ключевых стейкхолдеров // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 4. С. 104–130. DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–6

Ланьшина Т.А., Барина В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах – лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224.

Никоноров С.М., Папенков К.В., Ситкина К.С., Кривичев А.И., Лебедев А.В. Проблемы измерения устойчивости развития арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 107–112.

Петрашевич Г.В. Методические подходы к отбору проблемных регионов Республики Беларусь // Экономический бюллетень научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2021. № 6 (288). С. 48–59.

Стратегия устойчивого развития в системе государственного, муниципального и корпоративного управления: монография / М.А. Аксенова, С.В. Владимирова и др. М.: Первое экономическое издательство, 2020. 306 с.

Сырцова Е.А., Пыжжева Ю.И., Лапо Е.В. Устойчивость развития регионов Сибири и Дальнего Востока // Актуальные вопросы экономики и социологии/ Сборник статей по материалам XVI Международной осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. С. 114–117.

Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. Сочетание статического и динамического подходов в оценке устойчивого развития региональных социально-экономи-

ческих систем // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. № 2(29). С. 79–92. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-2-79-92

Bojtor I. A., Czippán K. The Synergies of the Sustainable Development Goals and the Good State and Governance Report in Hungary [Эл. ресурс]. URL: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-synergies-bojtor.pdf (дата обращения: 04.08.2022).

Cherchye L., Kuosmanen T. Benchmarking sustainable development: A synthetic meta-index approach, in: Understanding Human Well-Being, edited by: McGillivray, M. and Clarke, M., New-York, Paris, Tokyo, United Nations University Press, 2006. P. 139–169. URL: <https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/other/papers/0210/0210001.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).

Learmonth I. Global development metrics are overwhelmingly biased towards rich, developed nations. 31 августа 2019 года [Эл. ресурс]. URL: <https://thred.com/change/the-sustainable-development-goals-tell-an-inaccurate-story-of-global-progress/> (дата обращения: 04.08.2022).

Oosterhof P. Why Localizing SDGs Is Critical in a Post- COVID World. November 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/351846904_Why_Localizing_SDGs_Is_Critical_in_a_Post_COVID_World (дата обращения: 05.08.2022).

Oosterhof P.D. Localizing the Sustainable Development Goals to Accelerate Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. The Governance Brief. Issue 33. 2018. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/472021/governance-brief-033-sdgs-implementation-2030-agenda.pdf> (дата обращения: 04.08.2022).

Sachs, J., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond. Includes the SDG Index and Dashboards. Cambridge University Press. 494 p. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/> (дата обращения: 04.08.2022).

Статья поступила 10.08.2022

Статья принята к публикации 17.08.2022

Для цитирования: *Алферова Т.В.* Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов // ЭКО. 2022. № 10. С. 148–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167

Summary

Alferova, T.V., *Doct. Sci. (Econ.). E-mail: talferova68@mail.ru*
Perm State University, Perm

Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts

Abstract. The paper substantiates and describes the decomposition of national development goals of the Russian Federation to the regional level. The database and the methodology were formed on this basis for comparative assessment of the regions' achievement of both national development goals and global SDGs and the dynamics of progress towards them. The methodology was tested through the example of Volga

and Ural Federal Districts for the period 2015–2020. The calculation of the regions' SDG indices demonstrated that their low value coupled with low growth rates will result in a number of regions failing to achieve the targets by 2030. All this can serve as an informational basis for decision-making in the field of implementation of the policy of sustainable development of the regions.

Keywords: *sustainable development goals; SDGs; RF regions; localization; methodology; indicators*

References

Aksenova, M.A., Vladimirova, S.V. et al. *Strategy for Sustainable Development in the System of Public and Municipal Administration and Corporate Management*. (2020). Moscow, Pervoe ehkonomicheskoe izdatel'stvo Publ. 306 p. (In Russ.).

Alferova, T.V., Tret'yakova, E.A., Osipova, M. Yu., Surkova, Yu.I. (2018). *Evolution of the Concept of Sustainable Development in the Context of Historical Processes*. Moscow, INFRA-M Publ. 185 p. (In Russ.).

Berendeeva, A.B., Vorobyova, O.S., Rudanova, Yu.S. (2020). Analysis of indicators and ratings of level and quality of life of population of regions. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics*. Vol. 23. No. 1. Pp. 95–108. (In Russ.).

Bojtórl, A., Czippán, K. (2019). The Synergies of the Sustainable Development Goals and the Good State and Governance Report in Hungary. Available at: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-synergies-bojtor.pdf (accessed 04.08.2022).

Cherchye, L., Kuosmanen, T. (2006). *Benchmarking sustainable development: A synthetic meta-index approach*, in: *Understanding Human Well-Being*, edited by: McGillivray, M. and Clarke, M., New-York, Paris, Tokyo, United Nations University Press, Pp. 139–169. Available at: <https://econwp.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/otr/papers/0210/0210001.pdf> (accessed 01.08.2022).

Kurganov, M.A., Tret'yakova, E.A. (2020). Sustainable regional development assessment in terms of realizing the values of key stakeholders. *Journal of New Economy*. Vol. 21. No. 4. Pp. 104–130. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–6.

Lan'shina, T.A., Barinova, V.A., Loginova, A.D., Lavrovskii, E.P., Ponedel'nik, I.V. (2019). Localizing and achieving the sustainable development goals at the national level: cases of leadership. *National Research University Higher School of Economics*. Vol. 14. No. 1. Pp. 207–224. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2019–01–12.

Learmonth, I. (2019). Global development metrics are overwhelmingly biased towards rich, developed nations. Available at: <https://thred.com/change/the-sustainable-development-goals-tell-an-inaccurate-story-of-global-progress/> (accessed 04.08.2022).

Nikonorov, S.M., Papenov, K.V., Sitkina, K.S., Krivichev, A.I., Lebedev, A.V. (2019). Issues of the Sustainable Development Measurement of the Arctic region. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 4. Pp. 107–121. (In Russ.).

Oosterhof P.D. (2018). Localizing the Sustainable Development Goals to Accelerate Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. The Governance Brief. Issue 33. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/>

publication/472021/governance-brief-033-sdgs-implementation-2030-agenda.pdf (accessed 04.08.2022).

Oosterhof, P. (2020). Why Localizing SDGs Is Critical in a Post- COVID World. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351846904_Why_Localizing_SDGs_Is_Critical_in_a_Post_COVID_World (accessed 05.08.2022).

Petrashevich, G.V. (2021). Methodological Approaches to the Selection of Problem Regions in the Republic of Belarus. *Ekonomicheskij byulleten nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus*. Vol. 288. No. 6. Pp. 48–59. (In Russ.).

Sachs, J., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. (2022). *Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond. Includes the SDG Index and Dashboards*. Cambridge University Press. 494 p. Available at: <https://dashboards.sdgindex.org/> (accessed 04.08.2022).

Syrtsova, E.A., Pyzheva, Yu.I., Lapo, E.V. (2020). *Sustainable Development of Siberian and Far East Regions. Topical issues of economics and sociology* / Collection of articles based on the materials of the XVI International Autumn Conference of Young Scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk. Izdatel'stvo: Institut ehkonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva SO RAN. Pp. 114–117. (In Russ.).

Tret'yakova, E.A., Osipova, M. Yu. (2016). The combination of static and dynamic approaches in assessing the sustainable development of regional socio-economic systems. *Bulletin of Perm University. Ser. Economics = Perm University Herald. Economy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 79–92. (In Russ.). DOI: 10.17072 / 1994–9960–2016–2–79–92

For citation: Alferova, T.V. (2022). Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts. *ECO*. No. 10. Pp. 148–167. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-168-184

Эволюция системы финансирования здравоохранения от Бисмарка к Файге¹

А.В. РАГОЗИН, кандидат медицинских наук. E-mail: AVRagozin@fa.ru;
ORCID: 0000–0003–4645–8765 SPIN: 2402–4500

П.В. СТРОЕВ, кандидат экономических наук. E-mail: PVStroev@fa.ru
ORCID: 0000–0003–4770–9140 SPIN: 706–113

В.В. ГРИШИН, доктор экономических наук. E-mail: VVGrishin@fa.ru
ORCID: 0000–0002–4356–8128 SPIN: 1270–7086

Институт региональной экономики Финансового университета
при Правительстве РФ, Москва

Аннотация. Первопричину дефицита финансирования российской программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи авторы видят в отсутствии социальной и межрегиональной солидарности доходов системы ОМС, которая построена на отчислениях формально занятых работников и уплате взносов ОМС за неработающее население субъектами Федерации. В результате в финансировании ОМС не участвуют неформально занятые и те, кто живет на ренту и криминальные доходы, а взносы на неработающее население зависят от состояния бюджетов субъектов Федерации. В условиях высокой налоговой нагрузки на производство в России и дефицита бюджета многих регионов значимый рост финансирования программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи требует масштабного перераспределения федерального бюджета или создания механизмов социальной и межрегиональной финансовой солидарности. Авторы проводят анализ известных систем финансирования общедоступной медицинской помощи и предлагают в качестве системного решения замену существующей системы доходов ОМС универсальным налогом на автоматизированные платежные операции (Automated Payment Transaction – АPT), предложенным американским экономистом Э. Файге.

Ключевые слова: финансирование здравоохранения; налоги на труд; налог на автоматизированные платежные операции

Введение

Хронический дефицит финансирования программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи гражданам Российской Федерации – ключевая проблема отечественного здравоохранения. Государственные расходы России на здравоохранение

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

(система ОМС + федеральный бюджет + бюджеты субъектов Федерации) многократно ниже аналогичного показателя развитых стран как в доле ВВП, так и в абсолютном выражении (табл. 1).

Таблица 1. ВВП и государственные расходы на здравоохранение в 2000–2018 гг.

Страна	Доллары США на душу населения по ППС		% ВВП	
	2000	2018	2000	2018
США	2017	5356	5.54	8.51
Япония	2204	3558	5.75	9.21
Южная Корея	238	1486	1.96	4.42
Австралия	1177	3747	5.47	6.41
Новая Зеландия	785	3021	5.56	6.89
Канада	1463	3671	6.03	7.93
Израиль	955	2151	4.29	4.86
Великобритания	1578	3392	5.60	7.86
Германия	1833	4251	7.73	8.88
Франция	1572	3441	6.97	8.26
Нидерланды	1400	3455	5.32	6.48
Италия	1107	2209	5.50	6.40
Испания	727	1926	4.92	6.32
Португалия	1361	683	5.90	5.78
Ирландия	1213	4056	4.58	5.12
Швеция	1836	5090	6.19	9.27
Австрия	1683	3893	6.83	7.55
Норвегия	7030	2409	6.30	8.57
Дания	2074	5215	6.74	8.45
Финляндия	1305	3547	5.37	7.10
Бельгия	1379	3723	5.96	7.82
Россия	57	362	2.98	3.16

Источник. Составлено авторами на основе данных: The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 14.10.2021).

В условиях низкого роста экономики и масштабной неформальной занятости в России возможности роста финансирования медицинской помощи за счет повышения отчислений занятых граждан представляются исчерпанными: налоговая нагрузка на труд и производство в целом в России в настоящее время значительно выше, чем в большинстве развитых стран (табл. 2).

Представляется, что в такой ситуации увеличение взносов на ОМС с высокой долей вероятности приведет к падению производства и дальнейшему росту бедности.

Таблица 2. Налоговая нагрузка на труд в России и наиболее развитых странах OECD, (2020)

Страна	Налоговый зарплатный «клин» (включая социальные отчисления) на одинокого работника без детей и иждивенцев со средней по стране заработной платой, %
Россия	43,0
Бельгия	51,5
Германия	49,0
Австрия	47,3
Франция	46,6
Италия	46,0
Швеция	42,7
Португалия	41,3
Финляндия	41,2
Испания	39,3
Нидерланды	36,4
Норвегия	35,8
Дания	35,2
Страны OECD	34,6
Япония	32,7
Ирландия	32,3
Великобритания	30,8
Канада	30,4
Австралия	28,4
США	28,3
Швейцария	22,1
Новая Зеландия	19,1

Источник. OECD.Data Live, TaxWedge. URL: <https://data.oecd.org/tax/tax-wedge.htm#indicator-chart> (дата обращения: 15.11.2021).

В свою очередь, не может быть источником роста финансирования гарантий бесплатной медицинской помощи и увеличение страховых взносов за неработающее население, ответственность за уплату которых сегодня несут субъекты Федерации. По данным вице-премьера Т.А. Голиковой, имеет место «ситуация, когда платеж за неработающее население, консолидированный

платеж в целом по России, уже стал превышать дотацию, которую отдает федеральный бюджет на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. А в некоторых регионах ситуация складывается таким образом, что платеж за неработающее население в бюджет фонда ОМС стал больше, чем дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности. То есть фактически идет переток через региональный бюджет в бюджет фонда ОМС»².

При этом представляется сомнительной сегодняшняя система идентификации неработающего населения, к которому в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 10 Федерального закона № 326-ФЗ относятся следующие категории граждан:

- дети до достижения возраста 18 лет;
- неработающие пенсионеры независимо от основания назначения пенсии;
- граждане, обучающиеся по очной форме обучения в профессиональных образовательных организациях и вузах;
- безработные граждане, зарегистрированные в установленном порядке;
- один из родителей или опекун, занятые уходом за ребенком до трех лет;
- трудоспособные граждане, занятые уходом за детьми-инвалидами, инвалидами I группы, лицами, достигшими возраста 80 лет;
- иные не работающие по трудовому договору граждане, за исключением военнослужащих и приравненных к ним в организации оказания медицинской помощи лиц.

Нетрудно заметить, что сегодня субъекты Федерации несут обязанность за уплату взносов ОМС за значительную часть своего де-факто работающего (неформально и/или в теневой экономике) населения и тех, кто имеет рентные и криминальные доходы. Однако выявление таких граждан требует масштабных затрат: собранные взносы могут оказаться сопоставимы с расходами на их администрирование.

Таким образом, ресурсы существующей системы доходов ОМС представляются исчерпанными, а формируемый ими

² Голикова предложила освободить регионы от платежей за безработных. РБК [Эл. ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/05/2018/5b06cbd39a7947403703c30a?story=5af980859a7947b069a0a9d3&from=center_3 (дата обращения: 10.11.2021).

бюджет программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи – заведомо недостаточным. Поэтому видится актуальным поиск альтернативных и новых подходов к финансированию общедоступной медицинской помощи.

Материал и методы

Для поиска решений проведен анализ известных систем финансирования общедоступной медицинской помощи, которые можно условно разделить на модели, преимущественно используемые в качестве источников доходов:

- а) личные доходы населения (условно «швейцарская»);
- б) денежную эмиссию («американская»);
- в) налогообложение труда («немецкая» модель Бисмарка);
- г) налог на труд в сочетании с общими налогами («британская» модель Бевериджа);
- д) налогообложение всех источников добавленной стоимости (труд, капитал, рента и потребление) (условно «новозеландская»). Эту модель авторы предлагают называть по имени создателя первого в мире «социального государства» премьер-министра Новой Зеландии (1935–1940) М. Сэвиджа;
- е) налогообложение потребления (целевой медицинский НДС) (условно «модель Ганы»).

А. «Швейцарская» модель, построенная на целевом обложении личных доходов населения (наемный труд, владение капиталом, имущественные права, для неимущих – спонсорская помощь или благотворительность), из развитых стран использует только Швейцария, ее граждане де-факто обязаны сами приобретать полисы медицинского страхования³. Преимущество модели – низкий «зарплатный налоговый клин»⁴, который в Швейцарии один из самых низких среди развитых стран (в 2020 г. – 22,1%) и по размеру близок к средней ставке корпоративного налога в этой стране (16%). Иначе говоря, Швейцария приблизилась к налоговому равенству между трудом и капиталом. Благодаря небольшому «зарплатному налоговому клину» поддерживается крайне низкая налоговая нагрузка на производство (в 2020 г. –

³European Observatory on Health Care Systems. (2000). Health Care Systems in Transition. Switzerland. 90 p.

⁴ Tax Wedge – разница между заработной платой до и после налогообложения.

33,52%), по которой Швейцария в 2020 г. проигрывала только США (32,39%).

Однако такая модель требует высокого уровня производства и низкого экономического неравенства: Швейцария входит в ТОП-5 развитых стран по ВВП на душу населения (в 2019 г. – 72 008 долл. США по ППС, 82 484 долл. США по номиналу) и заняла в 2018 г. почетное 89-е место в мировом рейтинге коэффициента Джини – 29,3%⁵. Россия от таких показателей развития пока далека.

Б. «Американская» модель: финансирование медицинской помощи для значительной части населения за счет денежной эмиссии.

Очень низкий «зарплатный налоговый клин» в США (в 2020 г. – 28,3%) в значительной части поддерживается ростом государственного долга. По данным CMS (центра услуг Medicare и Medicaid Министерства здравоохранения и социальных служб США), на финансируемую из федерального бюджета программу Medicare приходится самый быстрый рост расходов американского здравоохранения, прогноз – в среднем 7,6% в год в период с 2019 г. по 2028 г.⁶ Причина проста: превышение расходов Medicare над её доходами является безусловным обязательством американского казначейства⁷. В результате Medicare превратилась в основную источник госдолга США. По прогнозу Манхэттенского института, к 2050 г. долг достигнет суммы около 100 трлн долл., из них около 70 трлн придется на Medicare [Riedl, 2020]. По сути, США не только лечат своих стариков, но и удерживают рекордно низкую для развитой страны налоговую нагрузку на производство в значительной мере за счет остального мира, покупающего американские казначейские облигации. Вряд ли этот путь безопасен для стран, не являющихся эмитентами мировых денег.

В. «Модель Бисмарка» (налогообложение труда) предусматривает финансирование общедоступной медицинской

⁵The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (accessed 28.10.2021).

⁶Centers for Medicare & Medicaid Services. URL: <https://www.cms.gov/Research-Statistics-Data-and-Systems/Statistics-Trends-and-Reports/NationalHealthExpendData/NHE-Fact-Sheet> (accessed 09.08.2021).

⁷Medicare Financial Status: In Brief Updated June 9, 2020. Congressional Research Service R43122. URL: <https://crsreports.congress.gov> (accessed 10.08.2021).

помощи за счет взносов, уплачиваемых работодателями и/или работниками – то есть за счет заработной платы. В подтверждение сошлемся на Систему национальных счетов (СНС) 2008 г. (раздел «Распределительные операции», код D11), которая относит социальные отчисления (уплачиваемые как самими работниками, так и работодателями) к заработной плате наемных работников⁸. Поэтому с точки зрения авторов, «модель Бисмарка» правильнее называть не социальным страхованием, а обязательным взаимным страхованием работников, оплаченным из их собственных зарплат. В полном соответствии с классической политэкономией «зарплатный налоговый клин» в развитых странах с «немецкой моделью Бисмарка» – Германии, Австрии и Бельгии – один из самых высоких среди развитых стран (в 2020 г. соответственно 49, 47 и 51%), отсюда и наиболее высокие показатели налоговой нагрузки на производство в этих странах – соответственно 54, 53 и 61%.

Очевидно, что использование такой системы для финансирования общедоступной медицинской помощи требует высокого уровня производства, преимущественно формальной занятости и ограниченного сектора «теневого экономики». Неслучайно в конце XIX – начале XX века система Бисмарка в европейских странах давала гарантии медицинской помощи лишь наемным работникам, постепенно расширяясь на другие группы населения по мере роста экономики [Cutler, Johnson, 2004]. Сегодня этим же эволюционным путем модели идет Китай, который дает очень ограниченный доступ к медицинским гарантиям (преимущественно госслужащим и городским наемным рабочим); остальное население должно покупать (пусть и с государственной поддержкой, или на кооперативных началах) полисы добровольного медицинского страхования со скромным покрытием [Dong et al., 2021]. Представляется, что возврат к этой модели в странах с уже созданной универсальной системой гарантий (например, в России) связан с высоким риском социального взрыва.

Г. «Британская» так называемая «**модель Бевериджа**», основанная на налогообложении труда работников (как в «модели Бисмарка») в сочетании с общими налогами для страхо-

⁸Система национальных счетов 2008. Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества, Организация Объединенных Наций и Всемирный банк, 2012. 827 с.

вания неработающих, дала возможность большинству развитых стран быстрее достичь универсального медицинского покрытия всему населению [Webster, 1998; Light, 2003]. Поэтому страны с «классической» британской моделью (Великобритания, Канада, Ирландия) демонстрируют показатели как «зарплатного налогового клина», так и налоговой нагрузки на производство несколько ниже, чем страны с «моделью Бисмарка» (см. табл. 2).

Если предыдущие модели финансирования социальных гарантий опирались на немногочисленные источники доходов (только труд, только государство; труд в сочетании с общими налогами), то «новозеландская», с некоторыми поправками, «советская», а также «модель Ганы» предусматривают финансирование социальных гарантий за счет относительно равномерного распределения фискальной нагрузки.

Д. «Новозеландская» модель строилась на обложении всех основных источников добавленной стоимости: труда, капитала, рентных прав и потребления. Этот подход параллельно и поразному развивался в двух очень разных, на первый взгляд, группах государств: с одной стороны, в СССР и других странах социалистического лагеря, с другой – в странах Океании: сначала в Новой Зеландии, затем в Австралии.

В конце XIX – начале XX века по ряду географических, исторических и культурных причин эти страны оказались «слабым звеном» капитализма: в них было сильное рабочее движение. Однако если в России взяли верх сторонники революции (большевики), то в рабочем движении Новой Зеландии и Австралии возобладали сторонники мирного пути поиска баланса между трудом и капиталом.

В результате эти государства стали своеобразной социальной лабораторией капитализма – и, возможно, наилучшей социальной альтернативой советскому коммунизму в XX веке [Scott, 1951]. Уникальность этих стран признавалась Лениным: «Что это за оригинальная капиталистическая страна, в которой рабочие преобладают в верхней палате, а недавно преобладали и в нижней, а капиталистический строй не подвергался никакой опасности?... Пример Австралии – одна из иллюстраций того, при каких условиях возможны *исключения* из правила. Правило это – социалистическая рабочая партия в капиталистической стране.

Исключение – либеральная рабочая партия, возникающая лишь на некоторое время в силу особых, ненормальных для капитализма вообще условий» [Ленин, 1970].

Уже в конце XIX века в Новой Зеландии и Австралии были созданы влиятельные лейбористские партии, которые вопреки надеждам Ленина на их недолгий век до сих пор входят в число правящих. В 1898 г. в Новой Зеландии был принят закон о пенсиях по возрасту, которые впервые в мире финансировались не за счет фонда оплаты труда (т.е. самих работников), а из общих налогов; в 1912 г. аналогичный закон принимает Австралийское Содружество. В 1923 г. – новый социальный эксперимент: Австралия приняла схему страхования от безработицы, финансируемую тремя сторонами: работодателем – из прибыли, работником – из заработка и правительством – из государственного бюджета [Herscovitch, Stanton, 2008]. Следующий шаг – создание в этих странах «государства всеобщего благосостояния».

Вопреки распространенным ошибочным представлениям о создании первого welfare state в Великобритании после Второй мировой войны, на самом деле система общедоступных социальных гарантий впервые в мире появилась в 1938 г. в Новой Зеландии, а затем в период Второй мировой войны – в Австралии. Поэтому welfare state правильнее называть не системой Уильяма Бевериджа, а системой Майкла Сэвиджа – премьер-министра Новой Зеландии от лейбористской партии (1935–1940 гг.), усилиями которого был принят Акт о социальном обеспечении 1938 г. [McClure, 1998].

Важно отметить, что если британская бюджетная модель welfare state (и её реплики в остальных развитых странах) использует бисмарковское налогообложение труда, добавив к нему общие налоги для страхования неработающих, то Новая Зеландия и Австралия отказались от социальных взносов или налогов с зарплат. Социальные гарантии в них предоставляются не за счет заработной платы, а дополнительно к ней – прежде всего за счет налога на прибыль, налога на доходы физических лиц (который в Новой Зеландии носит глобальный характер) и налога на потребление (GST, аналог НДС). Последнее обстоятельство представляется важным: будучи налогом на потребление, НДС обеспечивает участие в финансировании социальных гарантий теневой экономики, неформально занятых и живущих на крими-

нальные доходы. Закономерный результат – Новая Зеландия имеет рекордно низкий среди развитых стран «зарплатный налоговый клин» (19,1%), а в Австралии (28,4%) он немногим выше, чем в Швейцарии и практически такой же, как в США.

Другой страной, где началось развитие модели финансирования социальных гарантий за счет всех источников добавленной стоимости, стала советская Россия. Есть основания полагать, что лидеры российского рабочего движения были информированы о социальных экспериментах на другой стороне земного шара. Тема связи социальных реформ большевиков с австралийским и новозеландским опытом в финансировании социальной сферы требует отдельных исследований. Факты же таковы, что в 1912 г. на Пражской всероссийской конференции РСДРП при обсуждении законопроекта о государственном страховании рабочих В. Ленин обратил внимание на недостатки созданных к тому времени в большинстве стран Европы систем Бисмарка – прежде всего на его оплату за счет самих работников. В качестве альтернативы большевики выдвинули так называемую ленинскую страховую рабочую программу, многие аспекты которой напоминали путь социальных реформ Австралии и Новой Зеландии.

Так, принципами ленинской программы были определены: государственный (некоммерческий) характер страхования; солидарность страхования за счет предприятия и государства без каких-либо взносов самих застрахованных работников и даже принцип единого плательщика – осуществление всех видов страхования единым органом, построенным по территориальному принципу [Ленин, 1970]. Поэтому обсуждаемая сегодня в России идея объединения внебюджетных фондов – не что иное, как возврат к ленинской социальной программе.

Последующее развитие этих идей в СССР привело к созданию общественных фондов потребления – инструмента перераспределения части созданной всем народным хозяйством добавленной стоимости для социального обеспечения населения жильем, а также бесплатными услугами здравоохранения, образования, физической культуры, организованного отдыха, культуры, социальной защиты и социального обеспечения [Макарова, 1973]. Представляется, что диверсификация источников финансирования социальных гарантий позволила снизить налоговую нагрузку производства

и обеспечить экономический рост СССР прежде всего в отраслях с высоким уровнем трудозатрат (индустриализация).

Таким образом, интегрирующая основные источники добавленной стоимости солидарная модель финансирования социальных (в том числе медицинских) гарантий была практически одновременно создана и получила развитие как в СССР, так и в Новой Зеландии и Австралии. Однако судьба их оказалась различной в силу того, что данная модель требует высокого уровня национального согласия и сложной системы институциональных правил, норм и стимулов.

Е. «Модель Ганы». Относительно новый подход к финансированию медицинских гарантий – попытки использовать налогообложение потребления с помощью целевого НДС. Таким образом с 2003 г. финансируется национальная система медицинского страхования в Гане, где на здравоохранение уходит 2,5% из общей суммы 17,5% НДС – тем самым обеспечивая до 90% бюджета здравоохранения этой африканской страны. В Италии 38,5% собираемого НДС предназначается для выравнивания финансирования общедоступного пакета медицинских услуг между богатыми и бедными регионами. Есть точка зрения, что НДС – вероятно, наиболее подходящий путь для финансирования здравоохранения в странах с низким и средним доходом и масштабной неформальной занятостью [Bird, Gendron, 2006; Savedoff, 2004; Cashin et al., 2017], к которым мы относим и Россию.

Социальный НДС

вместо социальных отчислений с зарплат?

Системное развитие идеи «социального НДС» видится в предложенной американским экономистом немецкого происхождения Э. Файге концепции замены существующих налоговых систем одним небольшим налогом на все автоматизированные платежные операции – Automated Payment Transaction, АРТ [Feige, 2001]. По сути, это микро-НДС, взимаемый с каждой экономической транзакции, в ходе которой прямо или опосредованно всегда создается какая-то добавленная стоимость. Важно, что и наличный оборот будет обложен таким же небольшим налогом, взимаемым с каждой операции снятия наличных и их внесения на безналичный счет. С точки зрения разработчиков этой концепции, данный подход

позволит заменить этим нечувствительным налогом не только социальные отчисления, но и всю налоговую систему в целом. Предполагается, что глобальный характер и социальная солидарность налога на АРТ обеспечат максимально возможную налогооблагаемую базу и поэтому его ставка будет очень небольшой.

На наш взгляд, для России данный подход крайне интересен: по официальным данным, в 2020 г. объем переводов через платежную систему Банка России превысил объем ВВП в 15,5 раза, по темпам роста безналичных платежей Россия вышла на первое место в мире, а доля безналичных платежей в ее розничном обороте достигла 70,3%⁹.

По сути, Э. Файге предлагает глобальную перестройку архитектуры всей существующей системы налогообложения личных и корпоративных доходов, продаж, акцизов, прироста капитала, импортных и экспортных пошлин, налогов на дарение и наследство с их заменой единым налогом АРТ, который рассчитывается и взимается автоматически при расчетах по транзакциям с использованием электронных технологий банковской платежной системы. Однако сам же предупреждает, что, как и все налоги, налог АРТ создает новые искажения, затраты которых необходимо сопоставить с выгодами, полученными в результате реформирования налоговой системы. Так, Файге пишет о том, что пока нет технических возможностей для корректной оценки транзакционных издержек, которые будут вызваны этим налогом. Другой блок проблем связан с механизмами уклонения от уплаты налога АРТ – например, с помощью бартера или сделок через офшоры, что Файге предлагает решать с помощью специальных транснациональных штрафов [Feige, 2008].

Поэтому авторы предлагают использовать идею Файге только в отношении социального страхования, заменив социальные отчисления с зарплат налогом АРТ и тем самым обеспечив максимальную солидарность взносов за медицину, пенсионное обеспечение и другие социальные гарантии.

Попробуем верифицировать это предположение, рассчитав примерный размер ставки единого универсального налога АРТ

⁹Результаты наблюдения в национальной платежной системе за 2020 год. Банк России, 2021 [Эл. ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/124727/results_2020.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

для замены системы доходов государственных внебюджетных фондов; консолидированного бюджета здравоохранения (ФФОМС, федеральный бюджет и бюджеты субъектов Федерации) и бюджета «здравоохранения России будущего», размер которого соответствует мировым практикам финансирования универсального (доступного всем гражданам) медицинского покрытия в странах, похожих на Россию размером и развитием территорий. В качестве модели для сравнения выбрана Канада (государственные расходы на здравоохранение в 2018 г. – 7,93% ВВП, для удобства расчетов округлено до 8%).

Другой кандидат для сопоставления – Австралия – представляется неудачным примером в силу того, что медицинское покрытие в этой стране является не универсальным, а двухуровневым – т.е. программа государственных медицинских гарантий жестко ограничена набором общедоступных услуг и при этом функционально интегрирована с системой частного здравоохранения, предоставляющего услуги, не покрываемые базовой программой [Flood et al., 2020].

1. Расчет примерного размера ставки единого универсального налога АТР (без учета налогообложения наличного оборота) для замены существующей системы доходов государственных внебюджетных фондов за 2020 г.

А. В 2020 г. общий бюджет внебюджетных фондов был исполнен по доходам в размере 13,6 трлн руб., в том числе:

- бюджет ПФР – 10,3 трлн руб.¹⁰;
- бюджет ФФОМС – 2,4 трлн руб.¹¹;
- бюджет ФСС – 0,9 трлн руб.¹²

Б. В течение 2020 г. только через системно значимую платежную систему Банка России (ПС БР) было совершено 1,8 млрд переводов денежных средств на сумму 1657,6 трлн руб.¹³

¹⁰ Федеральный закон «Об исполнении бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации за 2019 год» от 15.10.2020 № 316-ФЗ.

¹¹ Федеральный закон от 25 октября 2021 г. № 362-ФЗ «Об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования за 2020 год».

¹² Федеральный закон от 25.10.2021 № 363-ФЗ «Об исполнении бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации за 2020 год».

¹³ Результаты наблюдения в национальной платежной системе за 2020 год. Банк России, 2021 [Эл. ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/124727/results_2020.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Исходя из приведенных данных, всю систему доходов бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2020 г. можно было бы заменить одним «социальным» налогом АРТ со ставкой 0,82%, которую можно разделить пополам между плательщиком и получателем платежа, т.е. ставка для каждого участника платежа составит 0,41%.

2. Расчет примерного размера ставки единого универсального налога АРТ (без учета налогообложения наличного оборота) для замены существующей системы доходов консолидированного бюджета здравоохранения (ФФОМС, федеральный бюджет и бюджеты субъектов Федерации) за 2020 г.

Консолидированный бюджет здравоохранения (ФФОМС, федеральный бюджет и бюджеты субъектов Федерации) за 2020 г. составил 4,9 трлн руб.¹⁴

Исходя из этого, всю систему его доходов в 2020 г. можно было бы заменить одним «медицинским» налогом АРТ со ставкой 0,29%, т.е. ставка для каждого участника платежа составит всего 0,145%.

3. Расчет примерного размера ставки единого универсального налога АРТ (без учета налогообложения наличного оборота) для аналогичного канадскому бюджету «здравоохранения России будущего» (8% ВВП).

По данным Росстата, ВВП России в 2020 г. в текущих ценах составил 106,6 трлн руб., 8% ВВП = 8,528 трлн руб. Исходя из этих данных, для обеспечения «канадского» бюджета здравоохранения России было бы достаточно целевого медицинского налога АРТ со ставкой 0,51%, т.е. ставка для каждого участника платежа составит всего 0,25% – иначе говоря, 25 копеек со 100 руб. каждого безналичного платежа.

Выводы

В условиях текущего состояния экономики России и масштабной неформальной занятости ресурсы существующей системы доходов ОМС представляются исчерпанными,

¹⁴ Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020 год. Министерство финансов Российской Федерации, Москва, 2021 [Эл. ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/03/main/Ispolnenie_2020_god.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

а формируемый ими бюджет программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи гражданам страны – недостаточным.

Из существующих моделей финансирования общедоступной медицинской помощи наиболее эффективной с точки зрения снижения налоговой нагрузки на труд в частности и на производство в целом представляется используемая Новой Зеландией и Австралией интегрированная модель, которая предусматривает освобождение труда от социальной налоговой нагрузки с её относительно равномерным распределением на все источники добавленной стоимости: подоходный налог, налог на прибыль и НДС. Однако успешное использование этой модели требует целого ряда условий: высокого уровня национального согласия и сложной, сбалансированной системы эффективных институциональных правил, норм и стимулов. Поэтому представляется, что использование такой модели пока недоступно современной России.

Наиболее перспективной и многообещающей представляется замена существующей в России системы уплаты взносов ОМС целевым медицинским налогом на автоматизированные платежные операции.

Литература/References

- Ленин В. И.* В Австралии. Полн. собр. соч. 1970. Т. 23. С. 291.
Lenin, V.I. In Australia. (1970). Collected Works. T. 23. P. 291. (In Russ.).
- Ленин В. И.* Полн. собр. Соч. 1970. Том 21. С. 146–147.
Lenin, V.I. (1970). Collected Works T. 21. Pp. 146–147. (In Russ.).
- Макарова М. Ф.* Общественное производство и народное потребление при социализме. М.: Политиздат. 1973. 79 с.
Makarova, M.F. (1973). Social production and popular consumption under socialism. Moscow. Politizdat. 79 p. (In Russ.).
- Bird, R., Gendron, P-P. (2006). *Is VAT the best way to impose a general consumption tax in developing countries?* В Int Taxation. Pp. 287–96.
- Brian, Riedl. (2020). *Why Deficits Still Matter*. Manhattan Institute Issue Brief, Feb. 12. 11 p.
- Cashin, C., Sparkes, S., Bloom, D. (2017). *Earmarking for health: from theory to practice* / Health Financing Working Paper. No. 5, World Health Organization. 78 p.

Cutler, D.M., Johnson, R. (2004). *The Birth and Growth of the Social Insurance State: Explaining Old Age and Medical Insurance Across Countries*. Public Choice. 120 p.

Dong, W.; Zwi, A.B.; Bai, R.; Shen, C.; Gao, J. Benefits. (2021). *Associated with China's Social Health Insurance Schemes: Trend Analysis and Associated Factors Since Health Reform*. Int. J. Environ. Res. Public Health, 18, 5672. <https://doi.org/10.3390/ijerph18115672>

Feige, Edgar L. (2001). Rethinking Taxation: The Automated Payment Transaction (APT) Tax. EconWPA, Public Economics.16 p.

Feige, Edgar L. (2008). *Starting Over: The Automated Payment Transaction Tax University of Wisconsin*, Madison March. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/11533/> MPRA Paper. No. 11533, posted 12 Nov 2008 09:50 UTC

Flood, Colleen M., and Bryan Thomas, editors. (2020). *Is Two-Tier Health Care the Future?* University of Ottawa Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv5vdctx.1>

Herscovitch, A., Stanton, D. (2008). History of social security in Australia. Family matters (Melbourne, Vic.). Pp. 51–60.

Light, DW. (2003). *Universal health care: lessons from the British experience*. Am J Public Health. 93(1):25–30. DOI:10.2105/ajph.93.1.25

McClure, Margaret. (1998). *A civilised community: a history of social security in New Zealand, 1898–1998*. Auckland University Press in association with the Historical Branch, Dept. of Internal Affairs.

Riedl, B. (2020). *Why Deficits Still Matter*. Manhattan Institute Issue Brief, Feb. 12. 11 p.

Savedoff, W. (2004). *Tax-Based Financing for Health Systems: Options and Experiences*. World Health Organization, Geneva. 22 p.

Scott, S. (1951). *Outline History of the New Zealand Labour Movement*. Auckland. P. 4.

Webster, Ch. (1998). *The National Health Service: A Political History by*. Oxford University Press, Oxford. 256 p. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1999.1013a.x>

Статья поступила 23.11.2021

Статья принята к публикации 09.06.2022

Для цитирования: Рагозин А.В., Строев П.В., Гришин В.В. Эволюция системы финансирования здравоохранения от Бисмарка до Файге // ЭКО. 2022. № 10. С. 168–184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-168-184

For citation: Ragozin, A.V., Stroeve, P.V., Grishin, V.V. (2022). Evolution of Health Care Financing from Bismarck to Feige. *ECO*. No. 10. Pp. 168–184. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-168-184

Summary

Ragozin, A.V., PhD in Medicine. E-mail: AVRagozin@fa.ru

Stroev, P.V., PhD in Economics. E-mail: PVStroev@fa.ru

Grishin, V.V., Doct. Sci. (Econ.). E-mail: VVGrishin@fa.ru

Institute of Regional Economics and Interbudget Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The Evolution of Health Care Financing from Bismarck to Feige

Abstract. The authors see the primary reason for the deficit in financing the program of state guarantees of free medical care for citizens of the Russian Federation in the lack of social and inter-regional solidarity of revenues of the MHI system, which is built on the taxation of the labor of formally employed workers and the payment of MHI contributions for the non-working population by the subjects of the Federation. As a result, the informally employed and those who live on rent and criminal income do not participate in the financing of MHI, and the contributions for the non-working population depend on the state of the budgets of the subjects of the Federation. Given the high tax burden on production in Russia and the budget deficit of many regions, a significant increase in funding for the program of state guarantees of free medical care requires a large-scale redistribution of the federal budget or the creation of mechanisms of social and inter-regional financial solidarity. The authors analyze the known systems of financing publicly available health care and propose as a system solution to replace the existing MHI revenue system with a universal tax on automated payment transactions (ATT), proposed by American economist E. Feige.

Keywords: *healthcare financing; labor taxes; tax on automated payment transactions*

Так ли велико отставание российских расходов на здравоохранение от американских?¹

Ю. С. ЕРШОВ. E-mail: eryus@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3526-3727
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Обсуждаются идеи, изложенные в статье А. В. Рагозина, П. В. Строева, В. В. Гришина [Рагозин и др., 2022]. В работе со статистикой есть два очень важных аспекта. Первый – опасность использования недостоверных данных, и по этой причине, если есть такая возможность, необходимо сопоставлять информацию из разных источников. Второй – неправильная интерпретация этих данных. В настоящей статье показан пример недостаточно корректной аргументации в части обоснования увеличения бюджетных расходов на здравоохранение: использование неверного показателя курса рубля, соответствующего паритету покупательной способности, и неправильный расчет налоговой нагрузки на труд. Кроме того, авторы для решения проблемы увеличения объемов финансирования здравоохранения предлагают использовать оригинальную базу налогообложения, что обусловит очень высокие издержки.

Ключевые слова: здравоохранение; налоговое бремя; паритет покупательной способности; транзакционные издержки

Человеческая жизнь бесценна, и из этого следует, что здоровье тоже имеет высокую цену. Поэтому очень трудно возражать против идеи увеличения расходов на здравоохранение. Следует отдать должное авторам обсуждаемой статьи [Рагозин и др., 2022] за то, что они не предлагают изменить структуру использования валового внутреннего продукта или расходов консолидированного бюджета России «в правильном направлении», т.е. в пользу здравоохранения. Для этого пришлось бы уменьшить финансирование по каким-то другим направлениям. А по каким? На образование, оборону, развитие транспортной инфраструктуры? Это будет очень сложно. Авторы предлагают без ущерба для других расходных статей бюджета увеличить сбор налогов и весь прирост направить на нужды здравоохранения.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4 (0260-2021-0007) «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий», № 121040100262-7.

В каких деньгах нуждается российское здравоохранение? Исходный пункт и главный аргумент авторов прост – Россия сильно (судя по приведенным цифрам – катастрофически) уступает развитым странам по душевым бюджетным расходам на нужды здравоохранения, и этот разрыв надо сократить. Более того, как показывают приведенные в работе данные, в России, в отличие от большинства других стран, за 18 лет доля затрат на здравоохранение выросла почти символически.

Так ли на самом деле велико отставание России, как полагают коллеги? Попытаемся проверить. Отметим сразу, что существующие макроэкономические показатели, и прежде всего, ВВП не позволяют оценить масштабы производства в целом. В частности ВВП нередко подвергается жесткой критике [Виколов, Горгола, 2019] по разным критериям. Но главный его недостаток заключается в том, что он содержит оценку лишь товарной части производства (за редкими исключениями), игнорируя масштабы самообслуживания. По этой причине и получаются такие несуразные результаты международных сопоставлений, когда душевой ВВП в стране Б составляет всего 5% от аналогичного показателя в стране А. Но, поскольку показателей оценки масштабов производства в целом не существует в природе, приходится работать с доступными данными.

И еще один важный момент. Показатель ВВП не отражает величину тех ресурсов, которыми располагает страна для использования на нужды потребления и накопления. Для этого есть другой индикатор – валовый располагаемый доход, который в России всегда был меньше, чем ВВП. Главная причина этой разницы – необходимость выплачивать дивиденды иностранным собственникам и проценты внешним кредиторам. Так, до «украинских событий», т.е. в 2013 г. отрицательное сальдо РФ по статье платежного баланса «доходы от собственности» составляло около 100 млрд долл., и по отношению к ним курс, соответствующий паритету покупательной способности (ППС), близок к коммерческому. США, в отличие от нас (и от многих других стран), могут, по понятным причинам, позволить себе большое отрицательное торговое сальдо и величину валового располагаемого дохода, на сотни млрд долларов превышающую величину ВВП.

По данным Росстата, ВВП России в 2018 г. составил 103862 млрд руб. Альтернативной рублевой оценки нет. Согласно

тому же источнику, среднегодовой курс доллара в 2018 г. составил 62,5 руб., а курс, соответствующий паритету покупательной способности – 24,5, т.е. средний уровень цен на товары и услуги в России в 2,55 раза ниже, чем в США, если для их перевода из рублей в доллары использовать коммерческий курс.

Теперь посмотрим структуру расходов консолидированного бюджета России в том же, 2018 г. Расходы на здравоохранение – 3315,9 млрд руб. При пересчете в доллары по ППС получим 135,3 млрд долл. Население – 147 миллионов человек, итого на душу 920,7 долл. У авторов статьи другая оценка – только 362 долл. Так получается, если для перевода рублей в доллары использовать не курс, соответствующий ППС, а коммерческий обменный курс.

Если разделить 5356 долл. (душевые расходы на здравоохранение в США) на российские 362 долл., получим 14,8 – т.е. у нас на нужды здравоохранения расходуется почти в 15 раз меньше, чем у американцев. Разница просто фантастическая, но это почему-то не удивило авторов. Как это можно интерпретировать, в чем конкретно выражается этот разрыв? Американцам дают в 15 раз больше, чем россиянам, лекарств (в физическом выражении), они в 15 раз больше общаются с медработниками или находятся на лечении в больницах и т.д.?

Давайте забудем про число 14,8, поскольку это, по-видимому, просто досадное недоразумение. Ссылки на зарубежные источники для отдельных авторов, по-видимому, считаются «высшим пилотажем», однако вероятность ошибки или неправильной интерпретации в этом случае возрастает. При использовании российских источников² такого бы не произошло. Разделим 5356 долл. на 920,7 долл. и получим рассчитанное по ППС отставание российских расходов на здравоохранение от американских в 5,8 раза. Это тоже очень большое число, и для него тоже хотелось бы иметь объяснение.

Конечно, такого значительного превышения потребления услуг здравоохранения в реальном выражении у американцев по сравнению с нами нет. Просто усредненный ППС для подобных сопоставлений не годится, поскольку в разных странах имеют место огромные различия в относительных ценах

² Российский статистический ежегодник, стат. сборник «Россия и страны мира», Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

на товары и услуги. И для России в наших статсборниках можно найти не одно значение курса доллара, соответствующего ППС, а как минимум два. Например, в последнем статсборнике «Россия и страны мира» указаны два его значения для 2017 г. – для потребительских товаров и услуг оно равно 21,92, а для инвестиционных – 34,02. Но и это агрегированные оценки. При сопоставлении наших и американских цен по разным группам товаров и услуг различия в курсах по ППС могут быть гораздо более внушительными.

Главная причина больших расходов на здравоохранение в США – это высокие цены на медицинские услуги. Американское здравоохранение в основном частное, и поэтому нашу долю этого сектора в используемом ВВП (3,16%) нельзя сопоставлять с их показателем (8,51%). Вряд ли авторы могли самостоятельно посчитать с высокой степенью точности курс доллара, соответствующий ППС в части услуг здравоохранения. Но хотя бы приблизительно, сопоставив наши и американские цены на самые распространенные медицинские услуги и зарплаты медработников, сделать это было бы возможно.

Врач среднего уровня в США получает «чистыми», после уплаты налогов, более 10000 долл. в месяц³. Это примерно соответствует 700000 руб. по коммерческому курсу за 2020 г., или 280000 руб. при использовании курса рубля, соответствующего ППС. У нас, по данным Росстата, среднемесячная зарплата врачей в 2020 г. составила 91,7 тыс. руб. (после вычета НДФЛ – 79,8 тыс. руб.)⁴. Для корректного расчета стоимости услуг надо использовать показатель заработной платы до вычета налогов и отчислений в социальные фонды. Не будем погружаться в эти дебри, уже сейчас вполне очевидно, что при учете разницы в стоимости труда американских и российских врачей разрыв в объемах получаемых медицинских услуг между странами ощутимо сокращается.

Отметим еще один важный момент: российское здравоохранение в основном государственное (3315,9 млрд руб. – бюджетные расходы против 677,7 млрд руб. стоимости оказанных населению

³ Средняя зарплата доктора в США | zarplata-es.com/srednyaya-zarabotnaya-plata-vrachej-v-soedinennyh-shtatah-ameriki/?ysclid=17furfzc8k295523041

⁴ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-декабрь 2020 г. (Росстат – Рынок труда, занятость и заработная плата (rosstat.gov.ru))

платных медицинских услуг), а американское преимущественно частное. Какова разница в стоимости оказываемых услуг между обычной поликлиникой (бюджетные расходы в расчете на один визит к врачу) и частным медицинским учреждением в России? Если судить по зарплате участкового терапевта в расчете на отведенные вам 15 минут приема по установленным тарифам ОМС и стоимости посещения аналогичного специалиста в частной клинике, они отличаются почти на порядок. Но различия будут состоять не только в этом. Как иногда шутят врачи, «здоровых людей нет – есть недообследованные». С большой вероятностью в результатах анализов вашей крови или иной жидкости, или в электрокардиограмме «частный доктор» найдет что-нибудь, выходящее за пределы нормы. Будут рекомендованы дополнительные анализы и обследования, и потом вы надолго попадаете в число клиентов этой клиники. Потому что здоровье превыше всего. И потому, что оказание платных медицинских услуг – дело очень выгодное. И неважно, платите вы за прием сами или эти услуги будут оплачены за счет страховки.

Следующая «фишка» авторов, объясняющая целесообразность их подхода к изысканию дополнительных средств на нужды здравоохранения, – это тезис о том, что повышение ставок по уже существующим налогам для этой цели недопустимо, поскольку налоговое бремя российских граждан и субъектов экономической деятельности и так уже превышает то, что имеет место во многих других странах. А между тем многие из нас с давних пор считали, что налогообложение, по крайней мере, физических лиц, в западных странах более внушительное. Швеция и Германия – в числе лидеров, и уже давно. Вспомним, что говорил в кинофильме «Интердевочка» швед-молодожен главной героине: «Больше половины уходит на налоги». И действительно, больше половины⁵. И в целом основная часть поступлений в казну в Швеции – это налоги на труд.

Попробуем предположить, как могло быть получено для России число 43%, которое представлено в таблице в рассматриваемой работе, показывающей величину налоговых нагрузок в разных странах. Если заработная плата равна 100 руб., то после

⁵ Налоги в 2020 году: анализ фискальной политики в разных странах. URL: <https://internationalwealth.info/tax-planning/nalogi-v-2020-godu-analiz-fiskalnoj-politiki-v-raznyh-stranah/?ysclid=l8clk25gsm349946035>

вычета подоходного налога по ставке 13% мы получаем на руки 87. Работодатель перечисляет в социальные фонды 30 руб., таким образом, стоимость работника равна 130 руб. (100+30), а налоговое бремя 43 руб. (30+13). Делим 43 на 130 – получим всего 33%. Но не 43%.

Авторы расчетов, на которые приведена ссылка, по-видимому, поделили 43 на 100. Но это неверная формула для расчета «налоговой нагрузки на труд». Просто у нас принято считать зарплатой число 100, хотя можно было бы считать и 130, как в других странах. В любом случае 13% и 30% отчислений – это разные процентные ставки, первые в финансовой литературе называют антисипативными, вторые – декурсивными, и просто складывать их нельзя. К сожалению, эта ошибка довольно распространена, и на число 43% при поиске в Интернете «налоговой нагрузки на труд в России» можно наткнуться не один раз⁶.

Итак, авторы выступают против увеличения ставок по уже существующим налогам. Но фактически они предлагают повысить налоговое бремя методом «с миру по нитке», отчисляя в целевой фонд по 0,25% с каждой безналичной транзакции. По их мнению, это будет практически незаметно для плательщиков. Что-то разумное в этом есть. Например, сразу заплатить 300 тыс. руб. за обучение в вузе кому-то затруднительно, а по 30 тыс. в месяц может оказаться по силам. А тут предлагаются совсем скромные ставки, т.е. очень небольшие размеры разовых платежей, что можно считать главным козырем рассматриваемой системы.

Однако 0,25% для каждого эквивалентно 0,5% для одного – продавец непременно включит свои 0,25% в цену товара или услуги. Но самое главное – это странность предлагаемой налоговой базы – это не прибыль, зарплата или доходы в целом, не потребление, не имущество, а простое безналичное перечисление денег, банковская транзакция. Муж получил на карту зарплату – плати, перевел деньги жене – плати, жена перевела ребенку для оплаты школьного завтрака – плати, ребенок рассчитался картой

⁶ В реальности налоговая нагрузка на труд в России заметно меньше. Ставка 30% в страховые фонды – это лишь для зарплаты за год до 1465 тыс. руб. (2021 г.), с превышающей эту величину суммы – всего 10%, а для части предприятий – даже 0%, если суммарная зарплата за год превышает 966 тыс. руб. Индивидуальные предприниматели должны были платить 32448 руб. плюс всего 1% с суммы дохода, превышающего 300 тыс. руб. в год. Самозанятые вообще не обязаны делать отчисления в страховые фонды, и многие их не делают.

в столовой – опять плати. А при взятии кредита и погашении его – получил 100000, заплати 500 руб., и потом при погашении его еще столько же. И за месяц пользования кредитом при 12% годовых он обойдется заемщику уже не в 1000, а в 2000 руб.

Предлагаемая система налогообложения технически реализуема, но противоречит одному из основополагающих принципов налогообложения – однократности обложения. Налог лишь за перечисление средств – это нелогично и непонятно, тем более что к затратам на осуществление транзакций эти сборы никак не привязаны. Даже если предположить маловероятное, что это предложение может быть принято законодателями, из общей совокупности транзакций придется делать массу изъятий, исключая те переводы, которые не будут облагаться налогом. И тогда 0,5% превратится в гораздо более значительную величину, а вся налоговая система усложнится.

И еще один важный момент. Авторы отмечают, что «Файге пишет о том, что пока нет технических возможностей для корректной оценки транзакционных издержек, которые будут вызваны этим налогом». Попробуем помочь господину Файге.

Независимо от названия, субъекты экономической деятельности относятся отрицательно как к налогам, так и к таким сборам, которые формально налогами не считаются. Например, к эквайрингу – плате, взимаемой банками за безналичные перечисления. Эта плата может быть достаточно ощутима – от 1,5 до 6% суммы транзакции [Бобрикова, 2019]. Или, например, комиссия «самого народного» Сберегательного банка России при оплате коммунальных платежей составляет 3% от суммы платежа, но не менее 50 руб. (это при оплате картой, при оплате наличными – 5%). Но минимальные 50 руб. за каждый платеж иногда соизмеримы с суммой самого платежа. Есть, конечно, способы сокращения этих сборов, но для этого нужно либо куда-то ехать, либо быть достаточно продвинутым, чтобы осуществлять платежи онлайн, а многие миллионы граждан этим качеством не обладают.

Как интерпретировать эквайринг или комиссионные, взимаемые банком? Это просто «обдираловка» или в какой-то степени оправдано затратами на осуществление платежей. И если они действительно хотя бы наполовину зависят от затрат на транзакции, то как можно утверждать, что при таких ставках, как 0,25 или даже 0,5%, затраты на сбор средств не превысят саму величину сборов?

Литература / References

Бобрикова А. А. Эквайринг и расходы, связанные с его применением // Вектор экономики: журнал. Кубанский государственный аграрный университет. 2019. № 3.

Bobrikova, A.A. (2019). Acquiring and expenses related to its application. *Vector of Economics: Journal*. Kuban State Agrarian University. No. 3. (In Russ.).

Виколов С. Ф., Горгола Е. В. Система национальных счетов как инструмент макроэкономического манипулирования, или что нам мешает создать действительно социальное государство // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 12. С. 2180–2203.

Vikulov, S.F., Gorgola, E.V. (2019). The system of national accounts as a tool of macroeconomic manipulation, or what prevents us from creating a truly social state. *National interests: priorities and security*. Vol. 15, No. 12. Pp. 2180–2203. (In Russ.).

Рагозин А. В., Строев П. В., Гришин В. В. Эволюция системы финансирования здравоохранения от Бисмарка до Файге // ЭКО. 2022. № 10. С. 168–184.

Ragozin, A.V., Stroev, P.V., Grishin, V.V. (2022). Evolution of Health Care Financing from Bismarck to Feige. *ECO*. No. 10. Pp. 168–184. (In Russ.).

Статья поступила 15.09.2022

Статья принята к публикации 17.09.2022

Для цитирования: Ершов Ю. С. Так ли велико отставание российских расходов на здравоохранение от американских? // ЭКО. 2022. № 10. С. 185–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-185-192

For citation: Ershov, Yu.S. (2022). Is the Gap between Russian and U.S. Health Care Spending That Big? *ECO*. No. 10. Pp. 185–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-185-192

Summary

Ershov, Yu.S. E-mail: eryus@mail.ru

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

Is the Gap between Russian and U.S. Health Care Spending That Big?

Abstract. The ideas presented in the paper by A. V. Ragozin, P. V. Stroev, and V. V. Grishin are discussed [Ragozin et al., 2022]. There are two very important aspects to working with statistics. The first is the danger of using unreliable data, and for this reason, if possible, it is necessary to compare information from different sources. The second is the misinterpretation of this data. This paper gives an example of insufficiently correct reasoning in terms of justifying an increase in budget expenditures on health care. The first error is the use of an incorrect indicator of the ruble exchange rate, which corresponds to purchasing power parity. The second is the incorrect calculation of the tax burden on labor. In addition, the authors propose to use the original tax base to solve the problem of increasing the volume of health care financing, which will cause very high costs.

Keywords: *health care; tax burden; purchasing power parity; transaction costs*

В следующих номерах вы прочтете:

- Процесс обесценивания человеческого капитала в России
- Детерминанты экономического роста в регионах с различной заболеваемостью COVID-19
- Монголия: между Россией и Китаем
- Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности
- Необходимые изменения в стратегии развития нефтеперерабатывающей отрасли России
- Снижение выбросов CO₂ в городах: электромобили или общественный транспорт

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2022. № 10. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2022. Выход в свет 30.10.2022

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 250. Заказ 295. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

<https://www.sibran.ru>

Отцу – основателю «ЭКО»

Абел! Как много в этом слове
Для сердца чуткого слилось,
Переплелось, перевернулось,
И где-то там отозвалось!
Оно звучит академично,
И в то же время – по-живому,
В нем кладезь знаний, мудрость жизни
И ностальгия по былому,
Прозрачность мысли, точность цели,
Задач взаимность и модели,
Международное признание,
Ниспровержение основ,
В нем фактор слышен интенсивный,
А также – «Клуб директоров».
Оно все соткано из микса -
От Академа до РАНХиГса.
Медали, премии, награды
И отступление от норм.
В нем оптимальность и реальность,
И поступь рыночных реформ.
В нем медицина и здоровье,
И ненавязчивый совет,
В нем жажда новых путешествий
И долголетия секрет!